

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:

141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:

8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
«Место действия – Орёл...»4

Елена ТРЕТЬЯКОВА
Несжатое поле (А.В. Кольцов и его место
в традиции золотого века отечественной
словесности)49

Сергей КОБЕЛЕВ
Россия глазами Жюль Верна
(о малоизвестном русскому читателю
романе «Мишель Стргов»)134

ПОЭЗИЯ

Анатолий НЕСТЕРОВ
«Несётся прошлое за нами...»11

Ирина ДУБРОВСКАЯ
От Майдана до Майдана
(стихотворения последнего десятилетия)...27

Владимир ГЛАЗКОВ
«Не грусти о том, что было...»36

Николай ПОЛОТНЯНКО
Про птичек и зверушек.....67

Валерий КОРАБЛИН
«Досталась мне странная доля...»94

Марина НОВИКОВА
«И свяжутся годы единственной
нитью...»106

Анатолий УВАРОВ
«Над пробудившейся округой...»127

Александр БАЛТИН
«Сумерек сиреневый кораблик...»139

Инна МУХИНА
«Остановив высокие мгновенья...»154

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЬ**
№1(11) 2014
Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЬ»

Подписано в печать 25.04.14.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 2510.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссь», 2014
© Авторы, 2014

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Леонид ЧИГРИН
Загадка короны Российской империи.
Историческая миниатюра..... 20
- Сергей СМОЛЯННИКОВ
Ее звали Екатерина Прекрасная..... 178
- Владислав ГУЛЕВИЧ
«Маша»..... 97

ПРОЗА

- Анна АВЕРЬЯНОВА
Сделка. Роман..... 73
- Владимир НЕГОДЯЕВ
Реликт..... 110
Чалка 117

ПУБЛИЦИСТИКА

- Наталья АЛЕКСЕЕВА-ШТОЛЬДЕР
Церковь Вознесения Господня
в селе Еремеево 102
- Сергей БУРЕНКО
А.К. Толстой и его муза..... 165
Моя поездка в Великобританию, или
Как я открыл английским филологам
творчество Байрона и Вальтера Скотта 166

ЮБИЛЕИ

- Алексей АИМИН
Жизнь после жизни 145
- Елена ТКАЧЕВСКАЯ
Размышления о судьбе России..... 170

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

- Василий КУЗНЕЦОВ
Из Йеменского цикла 161

ВСПОМНАЖ

- Ирина УВАРОВА
«Святыни России». Фотографии русских
храмов..... 188

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Нынешнее время – время без преувеличения судьбоносное. События, произошедшие на Украине, и сопутствующее им долгожданное возвращение Крыма в состав России ознаменовали новый отсчёт времени – и для России, и для Украины, и для всего Русского Мира. Что будет дальше – сказать сложно, но ясно, что по-старому уже не будет. Русское национальное сознание пробудилось, когда очень многим уже казалось, что славная и героическая эпоха великорусской цивилизации истекла. Главным фактором пробудившейся национальной активности русского народа стала неприемлемая перспектива погружения в антироссийское безумие – безумие, инициированное самопровозглашённой хунтой, захватившей власть на Украине. Следует ещё раз подчеркнуть, что киевское националистическое «руководство» само сделало очень многое для того, чтобы вялотекущий кризис вылился в активную фазу; один только запрет русского языка сыграл огромную роль. Как и чем закончится противостояние прозападной клики, засевшей в Киеве, и русского Юго-Востока – на момент подписания номера в печать ещё до конца не ясно, но ясно одно: русский народ осознал себя, и в его недрах началось необратимое стремление к возрождению, воссоединению на основе своих фундаментальных ценностей. То обстоятельство, что практически все регионы России откликнулись на крымский референдум, красноречиво подтверждает вышесказанное. Государственная власть России поддержала и исполнила волю народа, и это единство власти и народа также дорогого стоит. Впервые за много лет Россия консолидировалась вокруг главного, отложив частности на потом...

Журнал «Великороссь» всемерно поддерживает стремление русского народа к воссоединению и приветствует наш русский Крым, вернувшийся домой. Впереди у нас – время созидания, время радостных надежд и великих свершений во славу нашего славного многонационального Отечества – Великой России. Русское слово всегда было мощным средством выражения традиционных российских духовных ценностей. Сегодня, вдохновлённое импульсом национального возрождения, оно продолжает вершить своё высокое предназначение.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

«Место действия – Орёл...»

Творческая биография Николая Семёновича Лескова (1831–1895) – выдающегося классика отечественной литературы – неразрывно связана с его «малой родиной». Орёл – город детства и юности писателя – стал местом действия множества его произведений и таким образом прославился благодаря Лескову во всём цивилизованном читающем мире. Не без гордости автор «Соборян», «Очарованного странника», «Левши» и других шедевров русской словесности говорил о себе: «В литературе меня считают орловцем». Страстный патриот родных мест, Лесков нисколько не преувеличивал, когда говорил, что Орёл «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город».

На всём протяжении 35-летнего литературного пути орловские впечатления питали творческое воображение писателя, были живым источником его сюжетов и художественных образов. Множество своих героев Лесков, «пронзивший», по слову М. Горького, «всю Русь», «расселил» именно на орловской земле, считая свою малую родину «микрокосмом всей земской России».

Есть и ещё одна немаловажная причина лесковской приверженности к «орловским сюжетам». Сам автор приоткрыл читателям двери в свою «творческую лабораторию»: «Я выдумываю тяжело и трудно, и поэтому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплотить их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие. Так почти написано всё...»

По названиям улиц, площадей, церквей, рек, дорог Орла, именам героев, связанных с событиями прошлого нашего города, можно составить настоящую карту маршрута по местам лесковских произведений.

В 1981 году, когда отмечалось 150-летие Лескова, на его родине был установлен памятник,

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета.

Живёт в Орле.

который вот уже 30 лет не перестаёт восхищать орловцев и гостей нашего города. Авторы – московские скульпторы Ю.Г. Орехов и Ю.Ю. Орехов, архитекторы В.А. Петербуржцев и А.В. Степанов – создали уникальный скульптурный ансамбль. В центре – четырёхметровая фигура писателя, отлитая в бронзе, – установлена на постаменте из полированного серого гранита. «Умный, темпераментный, с колючими чёрными глазами, с душой сложной и причудливой, полной бунтующих страстей», – таким виделся Лесков современникам, таким изобразили его и создатели памятника. Писатель всматривается вдаль и как бы мысленно произносит: «Я смело, может быть, даже дерзко думаю, что знаю русского человека в самую его глубь и не ставлю себе этого ни в какую заслугу».

А вокруг, поднятые на колоннах на высоту человеческого роста, оживают герои лесковских произведений. Показывает своё мастерство «тупейный художник» Аркадий, причёсывая Любу – актрису орловского крепостного театра графа Каменского. Любовь «тупейного художника» к крепостной актрисе заканчивается трагически: не избежал Аркадий пыток в графском застенке, а Люба – насилия графа.

Не принесла любовь счастья и другой известнейшей героине Лескова – Катерине Измайловой – «Леди Макбет Мценского уезда», в которой писатель увидел характер шекспировского масштаба. Опустив глаза, окаменев, стоит она в арестантском халате у позорного столба перед отправкой на каторгу. Четыре убийства совершила эта женщина ради своей безоглядной страсти; самоубийство подводит итог страшной драме, разыгравшейся в жизни мценской купчихи «леди Макбет».

Памятник выполнен из бронзы, но так изящно и тонко, что кажется, если подует посильнее ветер, вот-вот разлетятся складки и кружева платья танцующей цыганки Грушеньки – героини повести «Очарованный странник». Опершись на гитару, восторженно смотрит на цыганку «типический русский богатырь», уроженец Орловской губернии Иван Северьянович Флягин – воплощение могучих физических и нравственных сил нашего народа. Одно из «очарований» этого странника земли русской – способность восхищаться красотой и талантом.

Рядом с этой скульптурной группой «колдует» над наковальней с молоточком в левой руке тульский оружейник «косой левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученьи выдраны». Мы замечаем миниатюрные тисочки – рабочий инструмент левши, самовар – символ города Тулы. А сам герой показан как раз в тот момент, когда сумел подковать удивительную заводную блоху из «аглицкой воронёной стали, сработанной в Лондоне». Колонна, на которую поднят левша, единственная в ансамблевой композиции памятника имеет красивую кружевную резьбу. Это и понятно: лесковский левша – олицетворение талантливости русского народа, на нём «почивала надежда нации».

Тульские умельцы прежде, чем совершить чудо своей «безотдышной работы», должны были заручиться Божьим благословением, и им покровительствовала святыня орловской земли: «Они шли вовсе не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя “камнесеченная” икона св. Николая, приплывшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше. Икона эта вида “грозного и престрашного” – святитель Мир-Ликийских изображён на ней “в рост”, весь одетя сребропозлащённой одеждой, а лицом темен, и на одной руке держит

храм, а в другой меч – “военное одоление”. Вот в этом “одолении” и заключался смысл вещей: св. Николай вообще покровитель военного дела, а “мценский Никола” в особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебен у самой иконы, потом у каменного креста и, наконец, возвратились домой “ночью” и, ничего никому не рассказывая, принялись за дело в ужасном секрете. Сошлись они все трое в один домик к левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли, перед Николиным образом лампадку затеплили и начали работать».

Безымянного левшу смело можно причислить к «иконостасу святых и праведных» (М. Горький) земли русской. Даже умирая, герой, забытый и отвергнутый родиной, не перестаёт беспокоиться о её славе и судьбе: «Скажи-те государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог войны, они стрелять не годятся».

Лесков был глубоко убеждён в том, что «без трёх праведных несть граду стояния», то есть ни один русский город не может существовать, если в нём нет хотя бы трёх праведников. «И пошёл я искать праведных...» – поставил себе задачу писатель. Эти поиски увенчались успехом: Лесков отыскал праведников в самых разных социальных кругах и сословиях русской жизни, в том числе и в среде духовенства.

Три праведника, три героя романа-хроники «Соборяне» – три бронзовые фигуры ансамблевого комплекса, в основании которых уже не одна (как у других скульптурных групп вокруг фигуры писателя), а три колонны – три столба, точнее – «три столпа», без которых «несть граду стояния». Вдохновенных пророков-проповедников, «многострадальных духовенных» изобразил Лесков в «Соборянах»: протопоп Савелий Туберозов «высок ростом и тучен <...> он сохранил весь пыл сердца и всю энергию молодости. Голова его отлично красива: её даже позволительно считать образцом мужественной красоты. Волосы Туберозова густы, как грива матёрого льва, и белы, как кудри Фидиева Зевса. <...> Глаза у него коричневые, большие, смелые и ясные. <...> В эти глаза глядела прямая и честная душа протопопа Савелия, которую он, в своём христианском уповании, верил быти бессмертною»; Захария Бенефактов – «второй иерей Старгородского собора» – «воплощённая кротость и смирение. <...> сам он весь точно сплетён из соломки. <...> но и он <...> привык держаться бодро и при всех посещающих его недугах и немощах сохранил и живую душу, и телесную подвижность»; наконец, «третий и последний представитель старгородского соборного духовенства» дьякон Ахилла Десницын: «Роста Ахилла огромного, силы страшной, в манерах угловат и резок, но при всём этом весьма приятен». Эти люди исполнены внутренней духовной силы и правоты. Их фигуры на фоне храма Михаила Архангела венчают композицию уникального памятника Лескову.

И вполне закономерно, что летом 2007 года Орловский областной Совет народных депутатов утвердил решение Коллегии Орловской области о включении памятника Н.С. Лескову в Государственный реестр объектов культурного наследия регионального значения, а также обратился с просьбой об этом к Правительству Российской Федерации.

Место, где возведён памятник, выбрано не случайно. Эта часть города непосредственно связана с жизнью и творчеством Лескова. Будущий писатель жил неподалёку – в доме мещан Хлебниковых. Будучи служащим Орловской уголовной палаты (здесь-то и отыскал он источник для своей знаменитой повести «Леди Макбет Мценского уезда», которую опубликовал Ф.М.

Достоевский в издаваемом вместе с братом Михаилом Михайловичем журнале «Эпоха»), ходил Лесков ежедневно на службу в присутственные места по улицам Карачевской и Болховской, по мосту через Орлик мимо церкви Михаила Архангела. Этот храм упоминается в лесковских повестях «Несмертельный Голован», «Юдоль», очерках «Дворянский бунт в Добрыньском приходе».

Рядом с памятником Лескову – здание бывшей мужской гимназии. «Меня отвезли в орловскую гимназию, – вспоминал писатель в “Автобиографической заметке”. – Я был помещён на квартире у некоей Аксиньи Матвеевны, которой за весь мой пансион платили 15 руб. ассигнациями (4 руб. 30 коп.) в месяц. За что я имел комнату с двумя окнами на Оку, обед, ужин, чай и прислугу <...> Кто нас учил и как нас учили – об этом смешно и вспомнить...» Будущего писателя отталкивали казённая система преподавания, грубость и бездушие учителей. Жуткие нравы и быт орловской мужской гимназии, которая в годы учёбы в ней Лескова (1841–1846) «велась из рук вон плохо», можно представить из его рассказов, повестей и очерков: «Автобиографическая заметка», «Как я учился праздновать», «Заметка о зданиях», «О трусости», «Смех и горе», «Умершее сословие», «Товарищеские воспоминания о П.И. Якушкине». Неудивительно, что Лесков оставил гимназию, так и не закончив курса.

Панорама правобережной Окской части Орла, до сих пор сохранённая, с топографической точностью воспроизводилась писателем во многих его творениях. Например, женский монастырь, описанный в романе «Некуда»: «тарантас <...> через полверсты от Курской заставы остановился у девичьего монастыря. Монастырь стоял за городом на совершенно ровном, как ска-терть, зелёном выгоне. Он был обнесён со всех сторон красною кирпичною стеною, на которой по углам были выстроены четыре такие же красные кирпичные башенки». Привлекательный образ игуменьи и настоятельницы монастыря матушки Агнии создал Лесков в «Некуда»: «смелая душа, гордая своею силою и своим прошлым страданием <...> Мать Агнию все уважают за её ум и за её безупречное поведение по монастырской программе. У неё бывает почти весь город, и она каждого встречает без всякого лицемерия, с тем же спокойным достоинством».

О Никитской церкви, построенной в XVIII веке, Лесков вспоминал: «Когда в Орле в дни моего детства расписывали церковь Никития, я ходил туда любоваться искусством местных художников».

Во многом написаны на орловском материале неподражаемые страницы «Мелочей архиерейской жизни». Рассказывая о распре, которая возникла между орловским губернатором князем Трубецким и властным архиереем Смарагдом, Лесков вспоминал, в какой забавной форме информировал горожан об этой вражде местный остроумец майор Шульц.

Дом весельчака-майора располагался недалеко от Ильинской площади – известной среди орловцев как «Ильинка». Она была местом, где возвещались указы и производились публичные наказания преступников. Здесь в 1809 году были наказаны и клеймены крепостные графа Каменского, убившие своего жестокого господина; была сечена плетью купчиха – прототип главной героини повести «Леди Макбет Мценского уезда». Протестуя против телесных наказаний, в статье «Оживлённая память (государственное учение Филарета, митрополита Московского)» Лесков писал о бесчеловечных расправах над людьми на орловской Ильинке: «Убийце известного изверга графа М. Фед.

Каменского дали в Орле сто один кнут, а заподозренных в поджоге этого города били шпирутенами по 6000 ударов. Конечно, их били мёртвых».

Со временем Ильинка стала средоточием торговли. Зерно являлось основным предметом торговой деятельности орловского купечества. В городе и на пристани на берегу Оки располагались ссыпные хлебные амбары. Орловский хлеб поставлялся в Москву и Петербург, в Ригу и другие города. До сих пор в Орле сохранился превосходный каменный дом купцов Серебренниковых, выразительный образ которых представил Лесков в «Несмертельном Головане»: *«Купцы С. считались, по своему значению, первыми ссыпщиками, и важность их простиралась до того, что дому их вместо фамилии была дана возвышающая кличка. Дом был, разумеется, строго благочестивый, где утром молились, целый день теснили и обирали людей, а потом вечером опять молились. А ночью псы цепями по канатам гремят, и во всех окнах – “лампад сиянье”, громкий храп и чьи-нибудь жгучие слёзы. Правил домом, по-нынешнему сказали бы, “основатель фирмы”, – а тогда просто говорили “с а м”. Был это мякенький старичок, которого, однако, все как огня боялись <...> Тип известный и знакомый, тип торгового патриарха».* Этот тип создан писателем и в драме «Расточитель», и в романе «Некуда», и в трилогии «Отборное зерно».

Имел «и свои ссыпные амбары, и барки» сын купца и продолжатель семейного дела «молодчик Мишенька» в рассказе «Грабёж» (1887). В этом году с момента создания рассказа исполняется уже 127 лет. Но все эти годы лесковский повествовательный шедевр не перестаёт увлекать читателя; спектакли, поставленные по рассказу, не сходят с подмостков сцены. *«Я орловский старожил, – повествует герой. – Весь наш род – все были не последние люди. Мы имели свой дом на Нижней улице, у Плаутина колодца»*, то есть недалеко от Ильинской площади.

«Заразительно весёлой, чисто орловской панорамой» назвал «Грабёж» сын писателя Андрей Лесков. Действительно, в этом рассказе наиболее полно отразилось «орловское происхождение» Лескова, его любовь к Орлу, блестящее знание русской провинции, которая была дорога писателю как подлинно корневая основа национальной жизни. Достоверность орловского колорита этой «бытовой картинки» тем более поразительна, что Лесков посещал свой родной город последний раз в 1862 году, память между тем бережно сохраняла все мельчайшие подробности, так что город Орёл стал одним из «героев» рассказа. Здесь поименованы все орловские храмы, в том числе церкви Покровская и Спасо-Преображенская на Ильинке, церкви Богоявления, Борисоглебская, Никитская... Провинциальные развлечения: театр – *«тогда у нас Турчанинов содержал после Каменского, трактир “Вена”*; битвы бойцовых гусей <...> на Кромской площади»; бои «на кулачки» мещан с семинаристами, которые собирались *«или на лёд, на Оке, под мужским монастырём, или к Навугорской заставе; тут сходились и шли стена на стену, во всю улицу. Бивались часто на отчаянность»*, – писатель в точности воспроизводит не только топографию, но и саму атмосферу старинного провинциального города.

«Грабёж» был задуман как святочный рассказ (*«а Вам на декабрь пришлю маленький рождественский рассказ из орловского и елецкого быта»*, – писал автор В.М. Лаврову, редактору журнала «Русская мысль», 30 октября 1887 года), а значит – действие, происходящее на святки, должно было быть занимательным и поучительным, возможно – курьёзным, но обязательно

весёлым, со счастливой развязкой, не без вмешательства Промысла Божьего («На то святки!» – восклицал Лесков). *«По жанру он бытовой, – характеризовал свой рассказ автор, – по сюжету – это весёлая путаница; место действия – Орёл и отчасти Елец. В фабуле была перемешана с небылицей, а в общем – весёлое чтение и верная бытовая картинка».*

В основе сюжета – характерные мотивы «святочной неразберихи», «святочного снега», света и тьмы. Водевильное происшествие, рассказанное в доказательство парадоксального положения, сформулированного в преамбуле: *«как найдёт воровской час, то и честные люди грабят»*, – совершается в метельной путанице, в крошечной тьме: *«тьма вокруг такая густая, что ни зги не видно, и снег мокрый-премокрый целыми хлопками так в лицо и лепит, так глаза и застилает».*

Фарсовые положения и их трагикомическая кульминация – битва в темноте на замёрзшей Оке, после которой повествователь и его дядя – степенный елецкий купец, испугавшиеся легендарных орловских воров – «подлётов», с недоумением обнаружили, что и сами стали грабителями, подготовили ситуацию, о которой сложилось присловье: «Орёл да Кромы – первые воры, а Карачев на придачу, а Елец – всем ворах отец». В народе о таком положении говорят: «Бес попутал».

Однако тёмные силы, сбивающие человека с толку, торжествуют совсем недолго. Ночное недоразумение благополучно разрешается в светлом рождественском финале, так что герой-рассказчик не может не закончить своё повествование восклицанием во славу Божию: *«я и о сию пору живу и всё говорю: благословен еси, Господи!»*

В то же время все жанровые сцены озорного лесковского рассказа не лишены комизма: например, певческое состязание по выбору нового дьякона – настоящая жемчужина – настолько колоритны даже эпизодические фигуры этого «резного, изящного, безудержно весёлого» произведения. Рассказ «Грабёж» не без причины считается комическим шедевром. Его комизм и весёлость очень искренние, добрые, сердечные.

Анекдотическое смехотворное недоразумение и даже его драматическая сторона (главный герой Мишенька со стыда хотел повеситься, став невольным грабителем – «подлётом», а его маменька от переживаний *«так занемогли, что стали близко ко гробу»*) – разрешаются «святочно», счастливо. Мишенька нашёл своё счастье в «семейной тишине» с хорошей «девицей Алёнушкой»: *«и позабыл я про все про истории, и как я на ней женился и пошёл у нас в доме детский дух, так и маменька успокоилась».*

С точки зрения Лескова, крепкий дом, дружная семья, «детский дух», истинное благочестие: *«Баловства и озорства за мною никакого не было, и к храму Господню я имел усердие и страх»*, – это реальные человеческие ценности; основа их подлинно народная.

Годы детства, проведённые «Николушкой» Лесковым в Орле, ярко отразились и в повести «Несмертельный Голован» («из рассказов о трёх праведниках»). Этого лесковского праведника в народе *«прозвали несмертельным вследствие сильного убеждения, что Голован – человек особенный; человек, который не боится смерти».* На самом деле Голован – «герой великодушный», человек бесстрашный и самоотверженный – помогал своим землякам, когда в городе началась эпидемия чумы. Он и сам заболел, но сумел вылечиться только потому, что отсёк острой косой заражённый «шмат» своего тела и бросил его в Орлик. Чума прекратилась, а в народе сложилась

легенда, будто Несмертельный Голован пожертвовал собой, чтобы спасти город.

Этого праведника Лесков «прописал» рядом со своим собственным домом: «Мы были с Голованом соседи. Наш дом в Орле был на Третей Дворянской улице и стоял третий по счёту от берегового обрыва над рекою Орликом. Место здесь довольно красиво». В 1974 году дом на бывшей Третей Дворянской улице стал музеем Н.С. Лескова.

Отправляясь по лесковским местам и по следам лесковских героев, важно иметь в виду одно из главных качеств прозы писателя, которое заключается в том, что внешняя достоверность у него всегда наполняется глубоким внутренним содержанием. Чем «документальнее» выглядит рассказ, тем сильнее его нравственно-эстетическое воздействие, максимальное жизнеподобие, документальность сочетаются с ориентацией на высшие идеалы. Своеобразие произведений Лескова проявляется в особых способах передачи взаимодействующих планов бытия: земного, реального, национального, конкретно-исторического и плана духовного, вневременного. По лесковскому слову, «мимотекущий лик земной» соотносится с **вековечным, непреходящим.**

ПОЭЗИЯ

Анатолий НЕСТЕРОВ

Анатолий Михайлович Нестеров – член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников. Стихи печатались в журналах «Смена», «Наш Современник», «Союз писателей» (№1 2012 г.), «Подъём», «Петровский мост», «Невский альманах» (№2 2012 г.), в «Роман-журнале-XXI век», в альманахе «45 Параллель» и других поэтических изданиях.

Живёт в Ельце.

«Несётся прошлое за нами...»

Давай с тобой на лыжи встанем,
уедем в самый зимний лес.
Как у волшебника в кармане,
там много всяческих чудес.
На ветках серебристый иней
Звенит –

лишь ветку колыхни.

Пусть зимний день весёлый, синий
заменит горькие нам дни.

А ты в ответ:

– Живёшь мечтами!

Нам не спастись.

Средь ночи, дня
несётся прошлое за нами
так неизбежно,
как лыжня.

Правдивы только зеркала...
Они не лгут, не унижают,
они бесстрастно отражают
и чувства наши, и дела.

Твой взгляд, из зеркала маня,
коснулся трепетно, и снова –
как бы из времени другого –
с надеждой смотришь на меня.

В том времени, где ты была,
мне недоступен мир зеркальный –
такой чужой, холодный, дальний.
...Правдивы только зеркала.

Когда звучала чья-то Лира,
зовя сражаться и любить,
я не творил себе кумира,
хоть без кумира трудно жить.

А слава реяла над всеми
чужая, не мешая нам.
Я знал, что в жизни только время
расставит по своим местам

всё то, чему когда-то сбыться,
войти и в мрамор, и металл.
Но время может ошибиться –
я долго этого не знал.

Я больше сюда ни за что не вернусь,
мечты, как всегда, обманули.
Пускай меня ранит безжалостно грусть
с упрямой настырностью пули.

Как мог я легко, безнадежно пропасть
под шёпот ресниц и под шорох.
Теперь никогда, приоткрыв свою пасть,
меня не проглотит твой город.

Теперь нипочём, ни за что, никогда
не стану я пленником встречи.
Я общие наши с тобою года
швырнул в ненасытную вечность.

Мальчик примеряет шляпу отца.
Девочка – банты.
Девушка – платье.
Женщина – серьги.

А сирота постоянно
примеряет на всех прохожих
роль своих родителей –
мать и отца.

Предел возможностей, желаний...
Судьбы подвох или пробел?
Я в юности забыто-ранней
пределам верить не хотел.

Я думал кстати и некстати,
что вечен мир...
Он – без конца!
...За всё, за всё мы в жизни платим.
...А годы капают с лица.

Аллергия на осень...
Все куда-то спешат.
И листву свою сбросил,
не стесняясь, наш сад.

В небе грустно-осеннем
вдруг сверкнёт яркий свет,
словно в дни потрясений
бывшей радости след.

Он внезапен вначале,
как из прошлого весть.
Всё же в каждой печали
что-то светлое есть.

Сегодня небо голубое,
как двести лет тому назад...
Оно такое же, такое,
и золотится вновь закат.

И кажется в лесу порою,
что время замедляет бег.
Всё то же небо голубое,
всё тот же дождь, и тот же снег.

И сосен сонные макушки
мне шлют привет из прошлых лет.
Гусары пьют... Гуляет Пушкин...
Дантес готовит пистолет...

На север, на север, на север
умчаться... Из дома рвануть
на сейнер, на сейнер, на сейнер,
чтоб в путь, только в путь, только – путь!

Чтоб море, бушуя, качало,
а счастье, как ветер – в груди.
Чтоб всё начиналось сначала,
хотя это всё позади.

Ударит солёной волною,
пошлёт поцелуи вода...
А там вдалеке, за кормою
летят, словно птицы, года.

Зимняя ночь

Уже утраты и потери
ко мне приходят по ночам.
Ещё скрипят с надеждой двери:
Открыть. Шагнуть. Бежать. Начать.

Уже за прожитые годы
сомненья по ночам берут.
Ещё предчувствие свободы
и счастья будит поутру.

И длится ночь зимой, и длится...
Старая, юный снег кружит.
И, кажется, когда не спится,
что эта ночь длинней, чем жизнь.

В эту зиму очень много,
много снега намело.
С небом сходится дорога,
всё бело, белым-бело.

Запорошены деревья,
снег и снег со всех сторон.
Я живу сейчас в деревне,
словно вижу белый сон.

Вдруг безмолвье нарушает:
«Н-но!!! Живей бери разгон!»
Сани... Лошадь... Долетает
снег из пушкинских времён.

Хочу я перед дальнею дорогой
лишь об одном тебя просить:
Забудь, что было! Прошлое не трогай!
Не стоит память ворошить.

Не стоит ворожить на тех обрывках,
что вдруг предстанут пред тобой.
Забудь печаль, тревоги и улыбки –
что было некогда судьбой.

Всё вычеркни из жизни. И внезапно
ударит обретений свет.
...Лови с надеждой призрачное завтра:
в нём нет меня, в нём боли нет.

Я постарел на три разлуки,
я опоздал на много встреч.
Как новой избежать разрухи?
Как мне прошедшим пренебречь?

Оно – мой камень преткновенья,
не обойти, как ни крутись.
И будущее – не спасенье!
От прошлого в нём не спастись.

За мною будут вечно следом
лететь из юности мечты,
наивные полупобеды
и недолюбленная ты.

Как бились в крике эти руки,
я что-то им сказать хотел...
...Я постарел на три разлуки
и на печаль я повзрослел.

Сколько раз дорогой прощальной
уходил и совсем не знал:
на меня тревожно, печально
смотрит женщина из окна.

Как ей смотрится тёмной ночью?
Почему она так грустна?
Ухожу, а мне в спину молча
смотрит женщина из окна.
И меня, словно в море, смоем
набежавших людей волна.
Но мне чудится, хоть не смотрит, –
смотрит женщина из окна.

Я в чужих городах терялся,
и прошедшему – грош-цена.
Вспоминал, иногда смеялся –
смотрит женщина из окна.

Сквозь удачи и сквозь потери,
сквозь судьбу, что так неясна,
всё по-прежнему, в это верю, –
смотрит женщина из окна.

И боится, что к ней случайно
не вернусь. В тревоге она.
И поэтому всё печальней
смотрит женщина из окна.

Года, минутами шурша,
блуждают где-то в мирозданье,
где бродят первые свиданья
и в сны приходят не спеша.

И в этой лунной тишине
звезда щеки моей касалась,
а мне, наивному, казалось:
ты возвращаешься ко мне.

Лошади

*...Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.
Вот и всё. А всё-таки мне жаль их,
Рыжих, не увидевших земли.*

Борис Слуцкий

А всё же лошади те выжили...
Когда тонули корабли,
до берега добрались рыжие,
стряхнули воду – и пошли!
Они пошли бродить по свету,
пошли разгуливать печаль.
Мне кажется, свистит не ветер,
А лошади – галопом – по ночам.
Они бегут от глупой смерти,
от океанской злой воды,
как убегает грусть от смеха,
как всё живое от беды.
Я их за городом встречаю,
пасутся мирно на лугу
и, грустно головы склоняя,
о прошлом память берегут.
И поднимают к небу морды,
ведь небо – океан – родня...
Я лошадей не видел мёртвых,
они бессмертны для меня.

По дорогам по скользким,
по дорогам крутым –
по дорогам по скользким! –
Жизнь свою я крутил.

Ветер злой и трёхъярусный
сёк меня, выжимал.
Но я снова, трёхъярусный
жизнелюб, выживал.

Били штормы и качки,
в щепки – лодка, весло.
Но я словно из сказки,
мне везло и везло.

Было всякое с нами:
горько, грустно, смешно...
Стало синими снами,
что умчалось давно.

Пусть бывают потери –
жизнь всегда хороша.
Как же хочется верить,
что бессмертна душа.

Дом из брёвен нежилой.
Окна наглухо забиты.
Те, кто жил здесь, позабыты.
Так забудут нас с тобой.

Дом угрюмый, нежилой,
и никто сюда не въехал.
Крикнул я – и только эхо
чьей-то юности былой.

Всё проходит чередой...
Но всегда, как в наказанье,
за удачи мстят страданья,
что отпущены судьбой.

В январе всю морозы,
мы опять в плену стихий.
Ухожу я в дебри прозы,
забываю про стихи.

Словно окна забиваю,
словно с прошлым расстаюсь.
Забываю, забываю,
лишь тебя забыть боюсь.

На душе слегка тревожно,
грусть, как изморозь, светла.
И снежинка осторожно
на лицо твоё легла.

И мороза паутинки,
словно сети января.
В этой жизни мы снежинки,
чур, растаю первым я.

Когда звёзды веселятся,
когда они счастливы –
звездопад!
А когда они грустят
в плену мимолётной печали –
на небе темно.
Когда мы с тобою счастливы,
никто этого не видит –
мы же не звёзды!
А когда мы грустим
в плену мимолётной печали –
на небе темно.

Вот сейчас опустят гроб
в яму страшную, сырую.
И, как все, холодный лоб
осторожно я целую.

Где теперь твоя душа?
Затерялась в мирозданье?
Смотрит сверху, не дыша,
позабыв свои страданья?

Слёзы, боль зажав в горсти,
я прощаюсь – и не плачу!
Но, увы, моё «прости»
ничего уже не значит.

Кому нужны стихи твои –
твои счастливые минуты?
Ругай судьбу или хвали,
свой век, с двадцатым перепутав.

Тогда стихи звучали в такт
берёзам, осени, рассветам...
Сегодня всё совсем не так –
сегодня стыдно быть поэтом.

Леонид ЧИГРИН

Загадка короны Российской империи

Историческая миниатюра

Алмазный фонд России. Тут хранятся сокровища, каждое из которых поистине бесценно и является достоянием не только русской, а и мировой культуры. Ибо шедевр, даже вышедший из рук одного мастера, неминуемо несёт на себе печать своего времени и является плодом усилий и взаимодействия многих людей во многих странах и континентах.

В Алмазном фонде немало удивительных творений, и о любом из них можно рассказывать часами. Но сегодня речь пойдёт о короне российских императоров и о тех невероятных событиях, которые с нею связаны.

Корона российских императоров. Любуясь ею, мы отмечаем высокое умение и выдумку, с которыми изготовлен этот символ царской власти.

Тускло отсвечивает благородное золото, весёлыми искорками отблёскивают вделанные в корону драгоценные камни.

Пять столетий корона венчала головы самодержцев русского государства. Она знаменовала собой абсолютное правление и богоизбранность человека, становившегося её владельцем.

Иван Грозный, Пётр Первый, Александр Первый и последний царь Российской империи Николай Второй... За каждым из этих имён стоят великие события и громадные потрясения, менявшие судьбы мира.

Но и сама по себе корона таит много загадок. О них можно писать книги и снимать художественные и документальные фильмы. О каждой из них... Но мы возьмём лишь одну, ставшую сенсацией недавнего времени.

Багрянцем пламенеют крупные рубины, вделанные в корону.

Многие столетия все: и придворные ювелиры, и знатоки драгоценных камней полагали, что

Леонид Александрович Чигрин – родился в Белоруссии, в пос. Осинторф в 1942 г. Журналист, сценарист, прозаик. Один из ведущих русских писателей Средней Азии. Романы и повести переведены на английский, китайский, японский, турецкий языки.

Живёт в Душанбе.

корону российских царей украшают индийские рубины. Лишь в последние годы специалисты-минералоги установили, что в короне российских императоров, красуются... памирские лалы. Установив это, специалисты оказались перед загадкой, которая взволновала их. Если учесть, что корона русских самодержцев существует около пятисот лет, то как в ней могли оказаться драгоценные камни из далёкого Горного Бадахшана. Ведь в ту пору, в годы правления Ивана Грозного, не было никаких контактов со Средней Азией, и о Памире знали лишь просвещённые люди, знакомые с «Книгой путешествий» знаменитого венецианца Марко Поло. Но пути истории прихотливы, и её муза – Клио даёт нам кончик путеводной нити, ухватившись за которую, мы можем дойти до истоков одной версии, содержащей разгадку тайны короны российских императоров.

Вглядимся в портрет тверского купца Афанасия Никитина, который первым из русских путешественников побывал в загадочной Индии и оставил о своих удивительных приключениях книгу под названием «Хождение за три моря». За Каспийское, Чёрное и Индийское... вернее за два моря и Индийский океан.

Именно Афанасий Никитин помог нам выстроить версию, объясняющую, как в короне русских царей оказались памирские лалы. Более того, Никитин был первым русским человеком, установившим контакт с голландцами. А его отзыв о голландских мореплавателях определил через двести лет судьбы России и Голландии.

Наше путешествие по времени начнётся в старинном русском городе Тверь. Проходя по спокойным улочкам этого провинциального города, всматриваясь в лица его прохожих, любуясь соборами, которые несут на себе отпечаток древности, даже не веришь, что в 1471 году Тверь, Рязань и Новгород соперничали с Москвой за право называться самым сильным городом на Руси. Тверь задалась целью одолеть Москву, но в битвах тверичи уступали москвитам. Сказывались плохие оружие и воинские доспехи. И тогда правитель города, воевода Борис Захарыч Бороздин, призвал к себе купца Афанасия Никитина и приказал ему следовать до города Астрахани водным путём, оттуда проехать в Закавказье и разведать секрет производства булатной стали. Изготовленные из неё мечи и панцири помогли бы тверичам одолеть московскую дружину.

Спросите: почему именно Афанасию Никитину было поручено это сложное дело? Ответ лежит, как говорится, на поверхности. Дело в том, что с детства Никитин отличался большой способностью к языкам. Тверь была торговым городом, в неё приезжало много именитых иноземных гостей, и мальчишка, прислушиваясь к их речи, быстро усваивал чужие говоры. К зрелым годам Афанасий Никитин говорил по-персидски, знал греческий и литовский языки и тюркские наречия. Причём говорил на чужих языках так чисто, что персы принимали его за перса, греки за грека, вот только внешность у Никитина была не персидская. Светловолосый, белокожий, голубоглазый...

Афанасий Никитин взялся выполнить поручение воеводы Бороздина. На полученные в долг деньги он закупил товаров и вместе с другими купцами двинулся водным путём в Астрахань.

Корабль, на котором находился Никитин, был захвачен татарами. Ему самому с большим трудом удалось бежать в Дербент, а оттуда в Баку, где купец оказался в безопасности.

Средств к существованию не было, и Афанасий Никитин стал работать на нефтяных промыслах. Условия жизни были рабскими, платили крайне мало, и тверской купец искал возможность вырваться из этого ада. Такой случай вскоре представился. В Баку он познакомился с огнепоклонниками, которые приплыли сюда из Индии поклониться пламени, бьющему из-под земли. Горел газ, сочившийся по трещинам из больших глубин. В то время персидский язык имел в Индии широкое распространение, и Афанасию Никитину не составило большого труда уговорить паломников взять его с собой.

И опять возникает закономерный вопрос: почему Афанасий Никитин не пожелал возвратиться в родной город, а решил предпринять далёкое и многотрудное путешествие? И тут ответ будет несложным. Товары, которые он вёз в Астрахань (полотно, беличьи шубы, солёную рыбу), были закуплены им на кредитные деньги. А по закону в те времена нужно было или вернуть деньги без процентов, поскольку тебя ограбили, или ты попадал к займодавцу в кабальную зависимость до той поры, покуда не расплатишься. Это, во-первых. Во-вторых, в Баку Афанасий Никитин увидел индийские булатные сабли, которые по красоте и прочности намного превосходили кавказские.

И тверской купец Афанасий Никитин тайком уплывает вместе с огнепоклонниками в сказочную Индию. В каких он странах побывал, что с ним происходило, о том сам Никитин предпочёл умолчать. Но вот что интересно. В Индию он прибыл под именем персидского купца Хаджи Юсуфа и в зелёной чалме. Прибавлять к своему имени титул «хаджи» и носить зелёную чалму по мусульманскому верованию дозволялось только тому правоверному, который совершил «хадж» – путешествие в Мекку и там поклонился всем кораническим святыням. Более того, когда в Индии заподозрили, что Хаджи Юсуф – переодетый «френги» – европеец и хотели казнить его за обман, то Хаджи Юсуф с лёгкостью доказал, что он истинный мусульманин, подробно рассказав обо всех религиозных церемониях в Мекке. Если так, то мы сталкиваемся с ещё одним удивительным историческим открытием: тверской купец был первым христианином, которому удалось тайком побывать в священной Мекке и своими глазами увидеть, как истинные мусульмане общаются с Пророком.

Индия встретила Афанасия Никитина многими чудесами: пагодами и дворцами, равных которым он не видел в восточных странах, подлинной экзотикой и чудовищными жизненными контрастами между колоссальным богатством и страшной нищетой. Афанасий Никитин путешествует по Индии, изучает её языки, обычаи и верования и ищет случая познакомиться с кузнецами, владеющими секретами изготовления булатной стали. Но последнее ему пока не удаётся. Искусные ремесленники строго блюдут древний секрет.

И всё-таки неожиданное богатство сваливается на тверского купца. В одном из караван-сараяв он видит тяжелобольного христианского монаха Нестора, который прибыл в Индию, чтобы основать там христианскую общину. Никитин пытается вылечить монаха, но это ему не удаётся. Перед смертью Нестор отдаёт Никитину кожаный мешочек, полный алых рубинов, травяных изумрудов, синих сапфиров и пурпурных яхонтов. «Особенно береги рубины, – завещал умирающий монах. – Они просветляют разум, сохраняют память и способствуют долголетию».

Афанасий Никитин воспользовался драгоценными камнями только один раз. Он купил себе быстрого коня, который облегчил ему дальнейшие переходы по Индии.

Тверской купец многое увидел и узнал, пережил любовь к индийской девушке Шанти, но секрет булатной стали ему не давался в руки. Помог случай, который, как утверждают на Востоке, всегда идёт навстречу тому, кто его ищет. Никитин искал этот случай. В селении Парвата оружейник Сатьяпал предложил голубоглазому Хаджи Юсуфу обменять быстрого коня на саблю из булатной стали. Тот согласился, но поставил условие: он должен видеть своими глазами, как выковывается булатный клинок, чтобы не было обмана. Кузнец принял условие чужеземца, но взамен потребовал, чтобы всё то время, пока будут работать мастера, Хаджи Юсуф не произнёс ни слова. Три месяца молчал Афанасий Никитин, наблюдая, как составляется знаменитая булатная сталь, а по ночам записывал все подробности в толстую тетрадь, которую все эти годы возил с собой. Наконец сабля из булатной стали была в руках тверского купца, ровные строки в заветной тетради сообщали о всех подробностях её изготовления, в кожаном мешочке таилась пригоршня драгоценных камней. Путь на родину был открыт...

Тверской купец выполнил задание правителя своего города, воеводы Бороздина и неожиданно разбогател, пробираться на Русь ему следовало с особыми предосторожностями. Морские пути кишели пиратами, а что такое разбой, Никитин хорошо знал на своём горьком опыте.

Немного предыстории. В XV веке на морях между собой соперничали португальские, голландские и английские моряки. Все отыскивали прямой путь в Индию, торговля с которой обогащала их страны. И каждый из мореплавателей пользовался особой славой: португальцы хитростью и вероломством, англичане – склонностью к пиратству и только голландцы...

Арабский лоцман Ибн Маджид водил иноземные суда в Индию и хорошо знал: кто чем отличается, кому можно верить, а кому нет. Афанасий Никитин познакомился с Ибн Маджидом в индийском порту Дабхол. Отсюда ему предстояло отправиться по Индийскому океану в Персию. Но с кем? Кому он мог доверить свою жизнь? Голубоглазый Хаджи Юсуф колебался в выборе, но Ибн Маджид дал дельный совет.

«Плыви только с голландцами, – коротко сказал он. – Они – хорошие моряки и честные люди. А вот португальцев и англичан бойся».

И дождавшись оказии, Афанасий Никитин отплыл на голландском судне из порта Дабхол в желанную Персию.

Далёкое морское путешествие ещё раз подтвердило правоту слов арабского лоцмана Ибн Маджида. В пути Никитин тяжело заболел, случился приступ тропической лихорадки. Он бредил, в забытии сорвал с шеи кожаный мешочек и отбросил его в сторону. Капитан голландского судна Алларт, такое имя донесли до нас предания, долго любовался рубинами и сапфирами, которые вёз с собой «перс Хаджи Юсуф», а потом снова ссыпал драгоценные камни в мешочек и спрятал его. Когда же болезнь отступила, капитан Алларт вернул путешественнику мешочек с сокровищами. «Превыше всего для голландца честность и умение». Так отозвался о голландских мореплавателях Афанасий Никитин.

Сильные ветры, дувшие в океане, вынудили парусник избрать другой путь. Вместо Персии корабль пристал к берегам Сомали, и для тверского купца открылась страница путешествий по африканскому континенту. В Африке он расстался с голландскими мореплавателями, до конца своих дней сохранив в сердце уважение к ним за честность и прямодушие.

Судьба швыряла тверского купца Афанасия Никитина, как щепку морской прибой. Но он неудержимо стремился на родину, хотя выпали на его долю в пути и большие потери. Пройти через Персию, в которой в XV веке разгорались междоусобные войны, оказалось сложно. Уже на самом выходе из страны в городе Кафе его снова ограбили. Отобрали драгоценную саблю из булатной стали, толстую тетрадь, в которой были описаны «Хождения за три моря» и секрет изготовления чудесного и стойкого металла.

Стараясь не попадать больше в руки грабителей, Афанасий Никитин избирал окольные пути, один из которых привёл его на территорию современного Таджикистана, но те давние впечатления удивительного путешественника о нашем крае заслуживают отдельного повествования.

Из всего, чем он дорожил, остался только мешочек с драгоценными камнями, висевший на шнурке на шее у Хаджи Юсуфа. Грабители сочли его амулетом и не тронули.

Четыре года долгих и тяжких странствий по странам Востока и Индии не сломили Афанасия Никитина, а вот потеря сабли и тетради сказались на его здоровье. Пусто стало на душе, и опять возобновилась тропическая лихорадка. Когда становилось совсем невмоготу, тверской купец доставал из кожаного мешочка алые рубины, которые он считал индийскими и долго смотрел на них. Ведь они, как сказал христианский монах Нестор: «Просветляют разум, сохраняют память и способствуют долголетию». А так нужно было Никитину всё это вместе для успешного завершения его необычайных странствий.

До родной Твери оставались считанные дни пути, когда путешественник окончательно занемог. Он добрался до небольшой деревушки Зосимово Селище близ Смоленска и дальше ехать не мог. Бедная крестьянская семья приютила странника. Неизвестно, существует ли та деревня, в которой провёл свои последние дни Афанасий Никитин, человек, которому суждено было несколькими фразами изменить ход истории. (В Твери земляками Афанасия Никитина поставлен ему памятник).

За те четыре года, которые тверской купец провёл в странствиях, политическая обстановка на Руси изменилась коренным образом. Город Москва и правивший в ней великий князь московский Иван III сумели склонить чашу весов в свою сторону. Москва выиграла затянувшийся поединок с Рязанью, Тверью, Нижним Новгородом и начала объединять вокруг себя русские города с тем, чтобы сложить сильное государство – Русь. Таким образом, значение сведений, которыми обладал Афанасий Никитин, приобрело уже общегосударственный характер.

Это историческое отступление хорошо воспринимается на фоне древних кремлёвских строений, а также старинных палат во внутренних помещениях Кремля. Их особый интерьер, сохранившиеся росписи, помогают ощутить колорит того времени, непередаваемую атмосферу сложной и противоречивой эпохи.

Афанасию Никитину оставалось жить считанные часы. Он попросил, чтобы его доставили в какой-нибудь монастырь, где бы он принял святое причастие и очистил душу покаянием. И его повезли на санях по разбитой сельской дороге...

И тут сказала своё слово История, которая просто не могла допустить, чтобы подвиг тверского купца канул в Лету забвения. Она устроила встречу, и эту встречу без всякого преувеличения можно назвать судьбоносной.

Великий князь московский Иван III собирал под свою руку всех грамотных и толковых людей. В Смоленске таким был дьяк Василий Селищев, которого истребовали в Москву для служения великому московскому князю. Сани Селищева и Афанасия Никитина встретились на смоленской дороге. Узнав от крестьян, что они везут человека грамотного, побывавшего в заморских краях, дьяк спросил, не может ли он чем-нибудь помочь умирающему или передать что московскому князю. И тогда тверской купец отдал ему мешочек с драгоценностями, где находились алые индийские рубины, могущие «просветлять разум, сохранять память и способствовать долголетию», с просьбой вручить их Ивану III, а также сказать ему, что в дальнейшем в торговых, морских и иных делах следует, в первую очередь, иметь дело с голландцами, которые сами по себе люди честные и искусные мореплаватели.

Изумлённый дьяк Селищев обещал донести слова Никитина великому князю. Он даже не мог предположить, что в это время человека, умирающего перед ним в простых крестьянских санях, отыскивали правители Москвы и Рима, Киева и Вильнюса, что с Афанасием Никитиным хотели встретиться хан Большой Орды и Римский папа Сикст. Всем нужно было разведать самый короткий путь в Индию и получить исчерпывающие сведения о богатом и таинственном Востоке.

Много позднее нашлась и тетрадь с записями тверского путешественника о его удивительных приключениях. Её привезли в Москву литовские купцы. Но как она попала к ним из далёкой Персии? Ещё одна историческая загадка...

Драгоценные индийские рубины пролежали в княжеской сокровищнице в Москве целых сто лет, до той поры, когда Ивана Грозного провозгласили первым русским царём и стали для него спешно готовить царскую корону. И тогда в ней алым пламенем загорелись рубины, привезённые Афанасием Никитиным из далёкой Индии. А куда, скажите, ещё могли пойти камни, которые – «просветляют разум, сохраняют память и способствуют долголетию». Конечно же, только в царскую корону... Были сохранены по повелению великого князя московского Ивана III и слова тверского купца о голландцах. Они пригодились через двести лет, когда думный дьяк Виниус рассказал молодому царю российскому Петру Первому о замечательном путешествии Афанасия Никитина в Индию и о том, что прежде всего, нужно дело иметь с голландцами, которые люди честные и искусные моряки.

«С голландцами, говоришь?» – переспросил молодой царь и задумался. Предстояло строить российский флот и учить моряков, а в этом деле, действительно, нужны были честные и умелые наставники. Вот почему Пётр Первый обратился за содействием именно в Голландию, а не в Португалию или Англию, где тоже были опытные кораблестроители и хорошие моряки, да вот только не получили они о себе доброго слова, которое пережило века.

Голландцы помогли России стать великой морской державой, подготовили у себя многих русских матросов и офицеров, а заодно и сам царь Пётр Первый освоил на корабельной верфи в Амстердаме плотническое мастерство.

Пять столетий сверкали рубины в короне царей Российской империи, рубины, привезённые из Индии тверским купцом Афанасием Никитиным при содействии голландских моряков. Так и считались алые камни индийскими

рубинами, пока, наконец, учёные-минералогии не установили, что это бадахшанские лалы. Но как же всё-таки попали драгоценные камни, добытые на Крыше мира, в сказочную Индию? Ответ на этот вопрос нужно искать уже в дне сегодняшнем.

Месторождение «Кухи Лал» или «Гора лалов» и ныне эксплуатируется горняками на Памире. Работы тут ведутся только летом, зимой обильные снега заваливают ущелье и подъездные пути, на долгие месяцы полновластными хозяевами в высокогорном регионе становятся сильные холода и свирепые ветры. Шахтные отверстия пробиты в отвесной скале и издалека они напоминают птичьи гнезда. Многие века ведётся добыча лалов в Горном Бадахшане, но технология их разработки осталась, в общем-то, сходной, изменилось лишь техническое оснащение. Если раньше камень долбили киркой, то сейчас в скальный монолит вгрызаются жала перфораторов. Но вот что интересно. Учёные установили, что горняки, работавшие здесь в доисторические времена, выполняли пустых проходок намного меньше, чем, скажем, сейчас. Иными словами, если раньше, чтобы добраться до гнезда с лалами, пробивали в крепчайшем камне пять метров штольни, ныне же пробивают десять. Чем это объяснить, почему древние горняки действовали намного точнее, учёные геологи и практики затрудняются сказать... Ещё одна загадка, ждущая своего разрешения.

Проследить, каким путём доставлялись бадахшанские лалы из Памира в сказочную Индию, несложно. В те древние времена Горный Бадахшан на территории Афганистана и Горный Бадахшан на территории Таджикистана были одним целым. И драгоценные камни, добытые на Крыше мира, прямоком шли в Кабул, где их закупали индийские купцы, верившие, что лалы обладают магической силой. А уже из Индии бадахшанские лалы расходились по всему свету, и ценность возрастала тем больше, чем дальше их увозили от жаркой и благодатной страны.

Зато невозможно ответить на другой вопрос: как попали бадахшанские лалы в руки христианского монаха Нестора? Тут можно строить лишь предположения, и каждая версия будет казаться правдоподобной.

Представим, что на ладони шахтёра, работающего на месторождении «Кухи лал», лежат только что добытые бадахшанские лалы. Давайте сравним их с теми, что украшают корону российских императоров, и убедимся, что сходство полное. Но теперь уже смотришь на добытые лалы по-иному: с большим интересом и любознательностью, ведь мы только что убедились, каким эхом отдаётся в веках всякое доброе дело и доброе слово.

И завершить наш рассказ хочется снова воспоминанием о тверском купце Афанасии Никитине, стоявшем на палубе быстроходного парусника. Может быть, голландского? Это было бы оправданно, потому что именно этому человеку две страны обязаны своими давними культурными, политическими и экономическими связями, обязаны просто дружбой и несколькими страницами истории.

А заодно отдадим должное и сказочной стране Индии, колыбели древнейшей цивилизации, в которой всегда происходили удивительные встречи и поразительные события, «просветляющие мировой разум и способствовавшие его долголетию».

ПОЭЗИЯ

Ирина ДУБРОВСКАЯ

Ирина Дубровская – член Союза писателей России и Южнорусского Союза Писателей.
Живёт в Одессе.

От Майдана до Майдана (Стихотворения последнего десятилетия)

На злобу дня

...А злоба дня размахивает палкой.

Б. Пастернак

Когда мутят оранжевые флаги
Небесную сияющую гладь,
Мне остаётся чистый лист бумаги,
Чтоб мыслей ход неспешно записать.

Ах, как бурлит страна моя *чужая!*
Кругом её воинственная прыть.
Свобода, точно девка площадная,
Всегда рабов готова ублажить.

Кто больше даст, того и любит слаще.
Ах, как же до продажной той любви
Охоч народ, ослепший и пропащий,
С оранжевой бациллою в крови.

Непопулярные заметки

1

Скорбит уставшее перо
О поколении слепцов.
Зло принимая за добро,
Оно счастливых ждёт гонцов.

Но где являются гонцы,
Там власть лукавого грядёт.
То вновь прибывшие лжецы
Пришли дурачить свой народ.

2

Не в силах горечи сдержатъ,
Гляжу на Киевскую Русь.
И хоть глядеть уже боюсь,
И хоть Руси не отыскать
В дыму оранжевых огней,
Нерасторжима наша связь,
Хоть имя родины моей
Она теряет не стыдясь.

3

Гостям на бале сатаны
Под видом мёда дали яд.
Но я гляжу со стороны
На жуткий этот маскарад.
Сверкают тысячи огней,
Сулят безумцам рай земной.
И лишь со стороны видней,
Что это сделка с сатаной.

4

Какой блистательный размах!
Какая живость площадей!
Мелькают доллары в глазах
Демократических вождей.
Так вот каков он, наш «прогресс»,
Свободы пылкой торжество:
Простейший шкурный интерес
Есть суть и двигатель его.

5

Погасла ясная звезда,
И лицемеров голоса
Вползают в души без труда,
Влекут наивные сердца.
Не пощадили и детей:
Чтоб безнаказанно царить,
И их успели заразить
Бациллой низости своей.

6

Бывали хуже времена,
Но ниже не было страстей.
О, бесноватая страна,
Куда ведёшь своих детей?
Во мрак безумья? в царство тьмы,
Где не слышна благая весть?
Ответьте, здравые умы,
Коль вы ещё такие есть.

7

Надежда, путника веди
Сквозь этот стыд, сквозь этот смрад!
Пока ты теплишься в груди,
Бесстрашен дух и ясен взгляд.
Пусть тьма сильна, а свет угас, –
Пока надежда будет жить,
Нам пелена не тронет глаз,
Мы их сумеем различить.

8

Когда огнём пылает кровь
И сердце ноет от тревог,
Дай, Боже, веру и любовь
И не оставь во тьме дорог.
Чтоб видеть сквозь налипший снег,
Сквозь торжество безбожных сил:
Временщиков недолог век
На вековой моей Руси.

9

Не жди счастливого конца,
Но и в несчастьи твори.
Пусть царство алчного тельца
И ненасытные цари
Свой на земле отбудут срок.
Лишь для того пришли они,
Чтоб получили мы урок
На все последующие дни.

10

Не злоба дня питает стих,
Бывают просто времена,
Когда в жару страстей лихих
Родная корчится страна.

А я – её живая часть,
И если спросят на Суде,
Скажу: я не могла молчать,
Когда она была в беде.

Против течения

1

Не обзывайте «русскоязычной»,
Не опускайте до грязных свар!
Вашей делёжки трагикомичной
Душу живую разъял угар.

Вашей разборки сиюминутной
Гадок и грешен позорный фарс.
Всё безобразье эпохи смутной,
Как в зеркалах, отразилось в вас.

Что же ты, время вождей народных,
Скалишь, как хищник, свои клыки?
Что же ты, племя людей свободных,
Мелочно делишь свои куски?

Всё уж поделено, всё свершилось.
Непоправимо, в угоду вам,
Древо единое – разъединилось.
Хватит рубить по живым корням!

Я не приемлю ваш суд без чести,
Я не поверю устам, что лгут.
Малой России с Великой вместе
Я посвящаю свой день и труд.

2

Сколько можно напрасной борьбы:
Раздробленья единой породы,
Разделенья единой судьбы,
Расчлененья живого народа?

Как же хочется жить и дышать,
Мир приветствовать песней весёлой!
Сколько ж будут ещё нас терзать
Самостийные ваши престолы?

Всюду след золотого тельца,
Где пройдёт – там нечисто, неладно:
Подкупив подлеца, гордеца,
Их заставит идти до конца,
Разделяя и властвуя жадно.

3

Всё вернётся, всё придёт на круги.
Как бы ни усердствовала ложь,
Правду, как природу, не сотрёшь.
И чужих господ не будут слуги
Отчею землю управлять.
Ведь в какие б ни рядились платья,
Нет неблагодарнее занятия,
Чем народ единый разделять.

Революционный этюд

Шумит оранжевая рать,
Вскипает разум возмущённый.
Приказ был сверху: так держать
Широкий шаг революционный!

Всех уличить, всех покарать, –
Велела партия: так надо!
И улучшать, и обновлять –
Пока не рухнем, до упаду.

Так что же нового у нас?
Что даст нам нынче жизни древо?
Ответь мне, новый *правый класс*, –
Я до сих пор шагаю левой.

И вижу новшество одно:
Куда ни бросишь взгляд, повсюду
Героев ряженных полно –
Не фарисеи, так иуды.

Стыдись, страна, пока жива!
С подбострастием холопа
Народ, не помнящий родства,
Здрав штаны, бежит в Европу.

И больно, и грустно
За славный народ,
Что в гиблое русло
Безумец ведет.

Из крымской тетради

1. По дороге в Севастополь

Ну здравствуй, рай земной,
Я гость в твоей судьбе.
Прими же голос мой,
Поющий о тебе!
Я знаю, старый Крым,
В твоих горах – тайник.
Там сладкий винный дым
И мудрость древних книг.
Уже не чуя ног,
Присяду отдохнуть
И вспомню: здесь пролёт
России новый путь.

2. Ночь пути

Ночь пути от Одессы до Крыма...
Севастополь, достойнейший брат,
Мы с тобою навек побратимы –
Породнились мы кровью солдат.

В сердце память той ночи тревожной
В сорок первом священном году.
Позабить нам никак невозможно
Ту великую нашу беду.

Сквозь времён дымовую завесу
Не устанем с тобой вспоминать,
Как полки оставляли Одессу,
Чтоб за крымскую землю стоять.

3. Севастопольский свет

Ещё я слышу выстрелы.
О, чудо из чудес!
Как этот город выстоял?
Как дважды он воскрес?!

Как сохранил достоинство
Средь низменных сует?
Святой России воинство,
В тебе надежды свет.

Средь торжества бесчестия,
В апофеозе лжи
Мне доброе известие
Хоть шёпотом скажи!

Хоть одиноким парусом
Над зыбью волн явись.
Над нечистью, над хаосом
Геройски продержись.

4. Балаклава

Севастопольских бухт благородная гладь,
Русской доблести память и слава.
Как придёт мне черёд этот мир оставлять,
Я вернуться хочу в Балаклаву.

Чтоб ещё раз вдохнуть этот синий простор,
Чистотою его надышаться
И навеки уйти в этот звёздный затвор,
В этих древних горах затеряться.

Высоко-высоко, где не сможет терзать
И томить притяжение земное.
Ибо кажется мне, здесь легко умирать:
Шаг всего – и уже над землёю.

ПОЭЗИЯ

Владимир ГЛАЗКОВ

Владимир Тимофеевич Глазков – русский, потомок донских казаков. Родился 15 июня 1949 г. в городе Новоаннинский Волгоградской области. Пишет стихи и прозу. Публиковался в различных сборниках, в том числе во втором выпуске сборника стихов «Я вижу сны на русском языке» как лауреат Второго международного поэтического конкурса «Я ни с кем никогда не расстанусь!..», а также альманахах, журналах России и Украины – «Великороссь», «Камертон», «Склянка часу» и других.

Живёт в городе Черкассы на Украине.

«Не грусти о том, что было...»

Благословен ли был тот день
и в абрикосной цвети вечер,
явивший радость первой встречи
и скрыв до срока скорби тень?

Благословен ли был тот миг,
когда возник неясный трепет
младых сердец, под вольный лепет
весёлых слов и фраз пустых?

Всё тот же двор, но всё не так,
как мы в мечтах своих хотели,
стремясь к высокой, дерзкой цели,
хоть есть теперь и наш очаг.

Кто знает, как могло бы быть?
Луна с пустых небес скатилась,
и сколько б снов нам ни приснилось,
сложилось так всё, как сложилось...
Как дал нам Бог. И надо – жить.

Отчему дому

– Я пришёл к тебе, мой ласковый дом.
Расскажи-ка мне, мой друг, о былом:
чем ты раньше жил и как жил потом,
как метель гуляла там – за окном?
Как стекал с карниза радужный зной,
как синел небесный свод над страной,
как поднялся сад за дальней стеной
без меня? Без рук моих? Не со мной?

– Знаешь, было всё и так, и не так.
По утрам шумел привычно степняк,
да закат ложился тенью в косяк,
как извечный вопросительный знак...
Мне вращать и дальше в землю, а ты,
ты лети на крыльях дерзкой мечты.
Только в Божий мир большой красоты
приноси с собой от дома цветы.

Не грусти о том, что было, улыбнись тому, что будет.
Будут звёзды в небе стьлом, щебет птиц, что утром будит,
будет свет в окошке милым, дорогие сердцу люди,
блеск алмазов дивной силы под золой сыпучих буден...
Будет жизнь. И всё, что было, пусть, мой друг, с тобой пребудет.

Вот сейчас, вот сейчас разорвётся душа
от молчания и безвременья,
от того, что в ней нет ни дворца, ни гроша,
ни принятия, ни отвращенья.

Пустота... Пустота, как гремучая смесь
равнодушья к пирам и Голгофам.
Разорвись, наконец! В пыль! В туманную взвесь!
В покаяние звёздам и строфам...

Стал Он ясною зарёй,
Иль рососою предрассветной,
Иль незримою звездой,
Или песнею неспетой.

Стал Он запахом травы,
Хрустом снега на Крещенье,
Или во главу главы
Первым словом о Прощенье.

Стал Он тем, что не объять
Умноглупой головою,
Но – как вздох – легко принять
Полной грудью и душою.

Стал Он откликом на крик,
Чтобы нам не разминуться,
Чтобы в быт сойдя на миг,
В Бытие навек вернуться.

Указали Бобику на место:
Ткнули пальцем в коврик у порога.
Но увиделась ему своя дорога:
Не на коврик, а к вершине Эвереста.
Где восходит мир по вертикали,
Где на сердце сладко и тревожно,
Где Луну лизнуть в мордашку можно
И облаять все свои печали.

Пересматриваю страницы
Изрифмованные словесами.
Вижу образы. Вижу лица
С подбородками и висками.

Узнаваемы, как портреты
Римской выделки беломраморной:
Полированные адепты
Тайн Вселенских и тайны камерной.

Римский стиль. Волевые лица.
Разрифмованные претензии...
Но пусты без зрачков глазницы.
И пусты стихи без поэзии.

Осенние свадьбы

Опять закружили осенние вальсы,
Опять вышивают узоры на пятаках,
Мечтая о суженых – сильных и добрых,
Мечтая смущённо о свадьбах весёлых.
В российской глубинке неброской
Обрызгало охрой берёзки,
И тянутся к небу дымки от костров,
И с шорохом сыплется с неба любовь.

Какими бывают осенние ночи,
Какими озёрными могут быть очи
У русских красавиц в цветных сарафанах,
У русских полянок, от осени пряных.

И зори над лесом, рекой и лугами,
И зори улыбок невест с женихами.
И плыть до венчальных небес устремленьям,
И плыть в колыбелях другим поколеньям.
В российской глубинке неброской
Обрызгало охрой берёзки,
И тянутся к небу дымки от костров,
И с шорохом сыплется с неба любовь.

Слово

Скажи о чём-нибудь обычном:
О том, как лес шумит весною,
О том, как тихо под луною
Неспешной мягкой волною
Накроет сон твой день привычный.

О том, как вышита сорочка
Искусной маминой рукою,
Как над дорогою степною
Безмерно небо кружевное,
С парящей в нём орлиной точкой.

О том, как вкусно пахнет в доме
Теплом, уютом и хлебами,
Как дождь обильный над полями
Колышет дымными власами,
В июльской исходя истоме.

Скажи о сказанном и новом
Простыми, ясными словами,
И тучи станут облаками,
И Божий мир под небесами
Приветит нас ответным словом.

Белокрылый вальс

Задумчивый берег реченьки,
Зелёный туман до дна.
В туман окунулись плечики
У маленького холма.
Теснятся в подлеске сосенки
И сплетничает камыш...
Обычный пейзажик простенький –
Лубочной картинке тишь.

Но в хвойно-иглистом мареве
По странной игре любви
В рассветном апрельском зареве
Две вишенки расцвели.
Две косточки над потёмками
Поднялись под белый свет,
Обнявшись ветвями тонкими,
Оделись в невестин цвет.

Две косточки, занесённые
Под хвойный густой покров,
Проросшие в дни студёные,
Вдали от больших садов.
И лес расступился просекой,
И лентой река вплелась
В лубочный пейзажик простенький,
В любви белокрылый вальс.

Солнце на востоке осветило поле,
Разгулялось вволю утро молодое.
Посули удачу нам на день грядущий,
Зацепи за кручи грозовые тучи.

И направь нас, грешных, на стезю прямую,
Отведи мысль злую, да беду слепую,
Подари нам счастье жить среди живущих:
Сеющих и жнущих, вечно чуда ждущих.

Вначале – слово

За вычурностью слога есть ли мысль?
За вычурностью мысли есть ли чувство?
За вычурностью чувства есть искусство
Вдохнуть в строфу житнетворящий смысл?

Простой и ясный. Острый как клинок,
Чтоб раскроил ударом точным душу,
Чтоб я прозрел. Шагнул, как Ной на сушу:
Дрожа и не скрывая свой восторг.

Вначале было слово... Было? Есть!
Их копи – звонких камешек в мерцанье,
Но полосни мой слух алмазной гранью...
И поклонюсь, поэт.
Хвала тебе.
И честь.

Нисходят тайны мира поутру:
мне ласковое что-то пела мама,
и зори поднимались из тумана,
и тополя шептались на ветру.

Уже я в день рождения, лишь ангелом хранимый,
не жду благословения любить и быть любимым,
не жду застолья праздного и суеты непрошеной,
и пылью буден сердце запорошено.

Не распахнётся дверь под отчий кров,
мне не обняться в этот день с тобою,
не дотянуться взглядом и рукою
и не услышать самых главных слов.

Теперь я в день рождения, лишь ангелом хранимый,
не жду благословения любить и быть любимым,
не жду застолья праздного и суеты непрошеной,
и пылью буден сердце запорошено.

А будут живы до скончанья дней
полёты снов, победы и ошибки,
друзей моих открытые улыбки,
тепло стихов и таинство ночей.

И в этот день рождения, лишь ангелом хранимый,
не жду благословения любить и быть любимым,
не жду застолья праздного и суеты непрошеной...
Но звёздным блеском сердце припорошено.

Разговор

Давай разожжём костёр
Из памятных веточек наших лет.
Шалашиком сложим вздор
Из маленьких бед и больших побед.
Улыбкою чиркнет взгляд,
Затеplit заветных лучинок клад,
И простенький разговор
Совьётся дымком в винтовой узор.
И простенький разговор
Совьётся дымком в узор.

Поляны живой уют:
Зелёный покой и сосновый вкус.
Минуты хватает тут,
Чтоб сбросить с души лихолетий груз.
Высокая синь небес
И мачтовый, светом прошитый лес,
И пёс – вислоухий плут –
Забыл, что забавы лесные ждут,
И пёс – вислоухий плут –
Забыл, что забавы ждут.

Горят на Земле костры,
Друзей собирают, дымком маня.
Разделим с тобой мечты
Под пламенное колдовство огня.
Пускай прогорят дотла
Пустая молва и сомнений мгла,
Разложим давай костёр,
И дым поплывёт в вековой простор,
Из веточек разговор,
И мы уплывём в простор.

Грёзы в морозы

Крепки морозы в январе,
Звенят деревья во дворе,
И Бобик в стылой конуре
Грустит о золотой поре.

Когда большим был этот двор,
Когда сквозь реденький забор
На мягкий луговой ковёр
Манил пугающий простор.

Когда соседский рыжий кот
Мурлыкал песни у ворот,
И запах был совсем не тот,
И было всё наоборот.

И вспомнит он, когда за злость
Давали сахарную кость,
И вспомнит он, как свет был мил,
Когда ошейник не давил.

Мне не хочется петь о Франции,
Пусть о ней пропоют другие,
И экспрессы пускай голубые
Мчат их всех до парижской станции.

И не буду я петь о Греции,
О Канаде, или Бразилии,
Пусть там райское изобилие,
Море, пряности, пусть, и специ.

Мне бы, вот, под берёзкой стройненькой
Спеть про лапотную Россию,
Про просторы степей седые,
Да огурчик её малосольненький.

Мне очень вас всех не хватает
Теперь, когда дым на висках,
Когда разлетелся во прах
Пред смертной кончиной мой страх,
И сердце уже не летает.

Мне очень вас всех не хватает,
Мне в тягость сиротство моё,
Во мне – суета и хламьё,
И дом мой – всего лишь жильё,
В котором гостей не бывает.

Мне очень вас всех не хватает.
Но шаг по Земле – не дорога,
А путь, что даётся от Бога,
Где спросится много и строго...
На нём вы. И мне он мерцает.
И вам, уж, – меня не хватает.

Романс

Ну, как же это всё бывает:
Что птица в небесах летает,
Что снег под ярким солнцем тает,
Что по морям огонь блуждает?
Ну, как же так оно бывает,
Что сердце всем влюблённым шепчет:
Любовь – Любви не отнимает...
Любовь – Любви не отнимает...

Ну, как же это всё бывает:
Что по весне пыльца порхает,
Что где-то зёрнышко созревает,
Что мир Любовь преображает?
Ну, как же так оно бывает,
Что в сердце – солнечная строчка:
Любовь – Любви не отнимает...
Любовь – Любви не отнимает...

Ну, как же это всё бывает:
Что время чувства возрождает,
Что мост волшебный вырастает,
Что мудрости мудрец не знает?
Ну, как же так оно бывает,
Что сердцу так во снах понятно:
Любовь – Любви не отнимает...
Любовь – Любви не отнимает...
Любовь Любовью – прирастает...

Заклубился у реки запах хлеба,
Зайчик солнечный с руки прыгнул в небо,
Улыбнулись тополя в школьном марше,
Ну, а молодость твоя стала старше.

Телефонные звонки спозаранку,
Дни без утренней любви – как подранки,
Ты торопишься в края, где всё – краше,
Только молодость твоя стала старше.

Вёсен стройные полки – чередую,
Но рассвет у той реки – над душою,
И, любовь твою храня, Ангел машет:
Просто молодость твоя стала старше.

Свидание с собой...

У меня свидание с собой.
Ждёт меня неглавный разговор,
да грустинок мелких перебор
под моей неяркою звездой.

Скучным стал души моей запой.
Всё, что будет, знаю наперёд:
вечерок тихонько уплывёт,
о тебе не вспомнив, милый мой.

Оседают в небе пыльный зной.
Всё во мне не так и невпопад,
я репейной рифме нынче брат:
у меня свидание с собой.

Душен вечер, мелок звездопад.
У меня – свиданье...
Не с тобой...

Полнолуние

Сегодня – полная луна...
 Я выпью эту ночь до дна
 неспешными, глубокими глотками,
 пока младая тень моя
 ведёт, в неведомость маня,
 не шаркая усталыми ногами.
 Мне странен этот странный сон:
 как будто я опять влюблён...
 А, может, не опять? И не как будто?
 А, может, тот осевший дом
 на перекрёстке дорогом
 дождался, наконец, своей минуты:
 благословить во мне – меня,
 от скорбных лет обороня,
 холодным, чистым, полнолунным светом,
 чтоб молодая тень моя
 шепнула мне, что это – я –
 веду её к смеющимся рассветам?

Допью и ночь, и сон до дна...
 Хотя в ущерб вошла Луна...

Небо с зелёной крышей

Дом под зелёной крышей:
 вот этажи и цоколь...
 Небо, конечно, выше
 этой покато́й крыши,
 но не мечты глубокой.
 Но не толчков сердечных
 в венке моей височной...
 Небо, конечно, вечно,
 вечность – не скоротечна,
 но и мгновенья – прочны.
 Но и минута может
 по изволенью свыше
 сделать, мечтой умножив,
 из этажей похожих
 небо. С зелёной крышей...

Над родной сторонущкой
 Веселее солнышко,
 Веселее, да милей
 От него душе моей.

На родной сторонущке
 Каждый дом – иконушка,
 Каждый дом и каждый клён,
 Каждый камушек знаком.

От родной сторонущки
 Разлетелись дролюшки,
 Разлетелись, унеслись
 Не на час, а на всю жизнь.

По родной сторонущке
 Грусть-тоска на доньшке,
 Грусть-тоска у казака,
 Без родимого дымка.

Я родной сторонущке
 Поклонюся в полюшке,
 Поклонюся, помолюсь,
 Как живой воды напьюсь...

Женщине

Ты пришла в этот мир по веленью Любви,
 Ангел тронул губами ладошки твои
 И оставил до срока в руках у Судьбы,
 Чтоб в тебе пробудился бутончик мольбы.
 Чтоб сердечному трепету не иссякать,
 Чтоб хотелось любовью весь мир пеленать,
 Чтобы счастьем лучистым искрилась всегда
 Твоя озорная звезда.

Ты шагаешь по жизни легко и светло,
 Излучая Душою любовь и тепло,
 И с улыбкою щедрой несёшь карнавал
 От таинственных женских глубин и начал.
 Как в тебя не влюбляться, чтоб всё – нипочём,
 Чтобы Ангелом быть за округлым плечом,
 Чтобы счастьем лучистым искрилась всегда
 Твоя озорная звезда.

Штольня

Раздражает пустотный стих,
как небритость на дряблой коже.
И в душе всё одно и то же:
внешний блеск – при глазах пустых...
Что со мною? Немой вопрос,
на который не жду ответа.
В этой штольне темно без света
разудалых вишнёвых гроз...

В этой штольне – остаток лет,
безысходность пустого срока.
Нет тут шёпота от пророка,
и пророков здесь тоже нет.
И сползаю, сползаю вниз –
в тёмный омут тоскливых буден,
уповая на всё, что будет:
на неведомый Твой каприз...

Закричать бы, да не кричится,
Разбежаться бы, да не хочется...
Величают по имени-отчеству,
А мне море какое-то снится,
Где над парусом и Луною
Невесомые звёзды блещут,
Да ладошками волны плещут
В струйке времени за кормою...

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена ТРЕТЬЯКОВА

Несжатое поле

(А.В. Кольцов и его место в традиции золотого века отечественной словесности)

Юбилеи, в общем-то, довольно основательная проверка на память и беспамятство. За тридцать лет – от 1999-го до 2030-го – на одних юбилейных публикациях мы вновь прошли бы пушкинский путь к художественному реализму, если бы сумели быть верны гениальному поэту: не модернизировали классическое наследие, не подменяли суть жизненных процессов постмодернистской игрой с текстами. Всё это так далеко от сути!

За суетой незаметно первую дюжину годков нового века разменяли. В 2009-м минул юбилей Кольцова. Но всё осталось так же. Движемся не в гору, а с горы, ничего существенного не говоря о природе процесса, который дал нам Пушкина и Кольцова. Ни в академической науке, ни в журналистике не поднят вопрос об эпическом компоненте золотого века отечественной культуры, да и в программе школ, глядишь, то ли вообще уберут предмет «Литература», то ли оставят в списке для чтения не классику, а пелевиных-донцовых.

Как же на деле поддержать, вернуть из забытого потомками языковое чудо, которому мы обязаны пушкинским лаконизмом и кольцовской простотой? Как объяснить, почему в русском человеке благодаря языку не засыпает жажда петь, отчего наиболее верной дорогой к сердцу читателя и слушателя оказывается простота речи? Почему лишь она надёжно защищает народ от опасности разнародиться в бессмысленную толпу? Круг серьёзных вопросов можно ширить и дальше, однако сколько ни черти круги на мишени, чтобы попасть в яблочко, надо не спрашивать, а отвечать. Надеемся, возвращение к разговору о судьбе Кольцова и о месте его творчества в ряду явлений золотого века поможет нам в этом. По крайней мере, поймём, что пересечение творческих задач,

Елена Юрьевна Третьякова – доктор филологических наук, профессор, автор книг и статей об А.С. Пушкине, Ф.М. Достоевском, Ю.П. Кузнецове, а также ряда учебных пособий филологического и культурологического профиля. Родилась в 1957 г. в Ташкенте. Окончила филологический факультет Ташкентского государственного университета в 1979 г. С 1980 г. печаталась в ведущих столичных и республиканских изданиях. Педагогический путь – ТашГУ (1985–1996), КубГУ (1996–2009), с 2003 г. по настоящий день преподаёт историю отечественной литературы в Краснодарском госуниверситете культуры и искусств. Редактор журнала «Культурная жизнь Юга России». Живёт в Краснодаре.

решённых Кольцовым и Пушкиным, не было случайным, научимся благодарно ценить прозрачность их языка. Там, где колосятся урожаи пушкинской и кольцовой нивы, найдём для себя не наспех сорванный букет метфор («Ах, мол, стихи Кольцова – васильки во ржи!»), а пример словесности, не разрушающей эпическое самосознание народа.

– Знаем, возразят скептики, это немецкие философы романтизма придумали. Эту теорию они доказывали в начале XIX века, а за ними, с ещё большей увлечённостью, и русские любомудры в «Московском вестнике» и других своих журналах.

Что ж, правильно. Любомудры считали своим лучшим наставником Пушкина, да и Александр Сергеевич относился к «Московскому вестнику» (1827–1830) как к своему детищу. Они стремились применить теорию *народности* на деле, в жизни и в литературе: укоренить практики книжно-журнального общения в эпическое целое русской культуры. Эти усилия дали начало золотому веку отечественной словесности: восстановили алгоритм устойчивой передачи эпического компонента в языке. Алгоритм восстановится и в XXI веке, если будем действовать по-пушкински и по-кольцовски – примкнём к 200-летней давности процессам, деятельными участниками которых были Кольцов, Пушкин, Карамзин со своей «Историей государства Российского».

Эпос, как шар, накапливает лучи зеркального подобия прошлой / будущей истории народа. Он весь – огромная призма, сквозь которую пропущено всё, что было с нашими предками. А чтобы призма вместила всё, что происходит с нами, нужно нам самим освоить эпическое восприятие мира. История щедрой рукой разбрасывает намёки на то, что давно уж пора юбилейные даты родной культуры отмечать не впустую, накапливать эпический потенциал.

Вспомним, например, последнюю записанную рукой Николая Михайловича Карамзина мысль: «Орешек не сдавался...» Не трудно простым подсчётом убедиться в том, что героический момент – оборона крепости Орешек (1611–1612 годы) отстоял от Отечественной войны с Наполеоном ровно настолько, насколько отстоит от нас начало золотого века отечественной словесности. Неужели зеркальность отрезков родной истории оставит нас холодно-равнодушными, совсем безразличными, чужими по отношению к ним? Ведь всё это отнюдь не незапамятные времена.

Да и слово *незапамятные* не означает «безнадёжно выпавшие из памяти». Прислушайтесь к тому, что говорит сам язык, внутренняя форма слова. *Не-за-памятное* – то, что не запомнилось, не выпало из границ памяти человеческой, а укрылось за поверхностными слоями, ушло в матрицу (ментальную подоснову структур психики людей, по К. Юнгу, коллективное бессознательное). Слово *забыли* тоже не знак бесследных потерь. *Забылым* стоит громада общечеловеческого опыта, возобновляемого силою судеб: *было и будет* – однокоренные слова (у них одна древнейшая этимологическая основа *bu). Всё это именно так по объяснениям выдающегося русского учёного Александра Афанасьевича Потебни, не менее проницательного, чем Карл Юнг. Учение Потебни о внутренней форме слова в языке серьёзно продвинуло гумбольдтианскую теорию. По духу своему и по времени создания принадлежащее культуре золотого века, оно объясняет фундаментальные законы внутриязыковой сохранности культурного предания [1].

Как и иные данности золотого века, это учение само есть плод самосознания, тип которого правильнее всего называть *эпическим*, широким,

неиндивидуалистским – в противоположность более узкому индивидуалистскому. Современники Кольцова и Пушкина, ощущая различия между ними, говорили *русское / французское*. Что под этим кроется? По типу развития русский язык – аналог древнегреческого: эпический компонент не был утерян внутренней формой слова благодаря взаимодействию православной книжности с *устным преданием* восточных славян. На становление французского и всех романских языков-наследников латинского влияли в основном практики *письменной речи*. Таким образом, в конгломерате культур Средневековья и Нового времени действовали два принципиально разных типа переработки смысла: первичный и вторичный. Первичный (Ломоносов, Пушкин говорили о нём *первобытный*), в силу верности дописьменным древним способам переработки смысла, не подавлял эпическое самосознание народа. Вторичный становился причиной заката культур в кризисные для индивидуалистского самосознания эпохи.

Пушкин мальчишкой перечитал всю французскую библиотеку своего отца, грамматику французскую освоил пожалуй что раньше русской. Однако, взрослея, старался перебороть «проклятое французское воспитание» (индивидуалистический компонент), чтобы стать настоящим эпическим поэтом.

А как обстояло дело с Кольцовым? Рука судеб, будто специально старалась устранить влияние книг на первоначальную детскую и отроческую пору его умственного становления. Мальчика с младых ногтей приучали к практической жизни и ежедневным делам отца. Сколотивший немалый капитал воронежский прасол Василий Петрович Кольцов смело развёртывал и другие доходные промыслы. Тянуть купеческую лямку тяжело. Нужен был сын-помощник, а не книгочей. Чтобы уметь ладить с гуртовщиками, руководить полевыми работами, вести торговлю скотом, лесом, пшеницей... Алёша рос очень способным. Хотя к поступлению в уездное училище ему приходилось готовиться урывками, приняли сразу во второй класс. Однако отец почти тут же забрал – не дал пробыть и четырёх месяцев.

Вот и вся тебе книжная премудрость, включая самостоятельно купленные в лавке купца Кашкина и доставшиеся от Варгина книги – немудрёная библиотечка в несколько десятков штук... А ум сформировался недюжинный. Ум креп и рос в опоре на устное освоение родной речи. Богатые внутренние возможности раскрылись без книжных вмешательств: язык сам запел в одарённом человеке, и современники увидели чистый образец некнижно вышестованного русского таланта. На почве абсолютно чисто поставленного судьбой эксперимента как объективный факт подтвердилось: самовоспроизводящаяся матрица русского языка вполне с этим справляется. И по природе своей эта матрица эпична.

Творения гения выдают, воочию являют её стихийную природу (ген языка). Эти творения не «васильки во ржи». На просторе эпического самосознания лирика, думы, песни рождаются как фрагменты едино и слитно написанного многофигурного полотна. Зрелый плод поля русской культуры – хлеб духовный – содержит у своего основания христианское зерно.

В том, как переживают Кольцов и его герои свои радости и житейские невзгоды, видно, что борьба индивидуальных начал испытывает на прочность весь внутренний состав человека. Испытания крушат остов нравственных сил, если ум даст слабину; упрочивают и закаляют, если не погас душевный жар.

*Слабый ум судьба страшила,
Холод в душу проникал.
Но не пал я от страданья,
Гордо выдержал удар,
Сохранил в душе желанья,
В теле – силу, в сердце – жар!*

На думе «Последняя борьба» (1838) лежит ничем не отменяемый отпечаток сокрушительной бури, строки родились под бременем горькой утраты: «Закатилось солнце русской поэзии» [2]. Но сквозь боль и понимание, как это тяжело остаться без Пушкина, в них явственно проступила и закалка громами небесными. Кольцов создал настоящий шедевр христианской героики – исповедание сердца, которое нашло силы принять и смиренно нести Богом данное страдание.

Посылая это произведение Белинскому [3], Алексей Васильевич заметил: «“Последняя борьба”, может, пахнет Пушкиным – не спорю; но в ней своя форма, свои следствия битвы» [4]. *Пахнет* сказано так, что мигом перенесёшься в Лукоморье: «Там русский дух, там Русью пахнет». Волшебная поэзия русской сказки заберёт в полон, обступит тебя. Однако есть в русском языке и глагол *пахнёт*, у Кольцова он встречается, например, в стихотворении «Косарь» («Ты пахни в лицо, / Ветер с полудня!»), означающий мимолётное, лёгкое дуновение аромата. Можно, конечно, и не задумываться о сопresутствии этих двух значений. Но задумаешься – поразишься: вот уж где язык сам силой и властью своей, идущей от внутренних возможностей слова, делает людей поэтами! Чутьё само подскажет: да тут о чём-то нежном идёт речь, рождённом под сенью мадригала или элегии.

Литературоведы давно установили, что мелодический строй и тема «Последней борьбы» имеют связь с пушкинским стихотворением 1828 года «Предчувствие»:

*Снова тучи надо мною
Собралися в вышине
.....
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду
.....
Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;*

*И твоё воспоминанье
Заменит душе мойей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.*

Однако, как и сказал Кольцов в письме к другу-критику, в «Последней борьбе» есть «своя форма, свои следствия битвы». Эти следствия битвы знаменательны: человека закалило огнём бед.

Пушкинское «Предчувствие» намечает абрис христианских мотивов кистью тонкой и полной изящества. Прощание с милой, печаль разлуки и

неизвестность: что выпадет впереди? Либо, подобно декабристам, затворничество «во глубине сибирских руд», либо, подобно Ариону, спасение на водах... Стихотворение достойно украсить альбом нежной дамы. Как вздох, не омрачающий её воспоминания, оно не тяготит младенческую душу, лишь чуть тревожит юную светлую грусть. Переноса на своё эпическое полотно тему, Кольцов взял эту, будто фарфоровую, вещь в руки и, чтобы она, столь хрупкая, не разбилась, укрыл поглубже: сохранил и когда над головой не предгрозовые тучи, а страшная буря понеслась. «Надо мною буря выла, / Гром по небу грохотал». Отгрохотали невзгоды, испытали человека на стойкость и веру... После этого и сама душа оказалась одета в крепчайшую броню, и тема житейских бурь претворилась в соответствующий, куда более прочный материал.

Мы вернёмся к тексту «Последней борьбы», когда придёт черёд сказать, как на сегодняшний момент обстоит дело с знанием произведений поэта. Да и о выдающихся заслугах Кольцова в разработке жанра дум поговорим особо. Сейчас важнее подчеркнуть, что самобытный философский ум имеет воспитателем родной язык, а не учения вроде шеллингианской натурфилософии или гегелевских идей об абсолютном разуме. Греки (Сократ) и римляне (Цицерон) называли развитую сообразительность и способность запоминать *природными* добродетелями. Память и сообразительность Кольцова тренировала даже не фольклорная поэзия (о её уровне можно судить по кольцовским же замечаниям, которыми поэт сопроводил посланные В.Ф. Одоевскому песни из городского фольклора воронежцев), а мудрость, не стираясь, прошедшая через сорок уст.

Перетекающая из уст в уста речь варьирует способы индивидуализации смысла: субъективный (от имени собственного *я*), коллективный (от *мы*), межсубъектный (*я – ты*), от третьего лица (*он, она, оно, они*). Как же при этом не дробится, не искажается суть? Суть цела, если ум молчаливо придерживается стержня языковой способности, который никаким местоимением не маркирован и ни одному из средств индивидуализации не подчинён. В русском языке есть слово *совесть*. *Со-весть* (смысл, единый и нераздробленный) – эпический стержень всех «говорливых» компонентов главенствует как одностороннему восприятию смысла не подвластный. Без этой опоры первичной «безавторской» стихии архаических языков органичное развитие невозможно, вторичные переработки смысла перечёркивают и прерывают преемственность этого развития.

Уже в первой трети XIX века отечественные реформаторы литературного языка, желавшие упрочить язык как основу книжного распространения просвещённых взглядов и устного общения образованных людей, вполне осознанно искали альтернативу французскому опыту. Язык французских классиков XVII столетия, построенный на основе придворного жаргона времён Людовика XIV, отжил своё и был отброшен вместе с аллегориями театра-маскарада «блистательной монархии».

Реформу русского литературного языка отличала опора на эпический компонент. Это сплотило лучшие умы и силы многонациональной России, высветлило общность людских судеб православно-христианскими началами. Несмотря на пройденную в XX веке полосу недугов и бедствий, русский язык по внутренней форме слова и ныне сохранил жизнеспособность не меньшую, чем во времена, когда сияло «солнце русской поэзии». Он подспудно поёт,

тянет душу в приволье, которое нельзя ограничить, как нельзя отменить гравитацию Земли. Такая энергия способствует правильному возделыванию поля жизни. В мифе русской национальной культуры (миф есть глобальная самореализация возможностей письменного / устного предания), как на широком поле, никому не тесно – каждый добрый злак поднимется и, набрав полный колос, сполна отдаст урожай зерна на благо матушке-земле и её людям.

Но потомки 200-летней давности сиротеют вдали от этого привольного чуда, всё вязнет в индивидуализме и его инновациях. Иванов, не помнящих родства, окончательно отучают от живой речи: ставь в бланках ЕГЭ крестики вместо ответов. Какой там Пушкин! Какой Кольцов!

Моложавая работница музея поводит тонкой указкой по витражному стеклу. В экспозиции среди старинных предметов вывешен казачий рушник с не вылинявшим за сто лет ярким узором. На самотканом полотне рука безымянной мастерицы красным по белому вышила: ПОДЪ КРЕСТОМЪ МОЯ МОГИЛА НА КРЕСТЕ МОЯ ЛЮБОВЬ. Ни экскурсовод, ни один из участников экскурсии знать не знает, что это слова из стихотворения Кольцова...

Грех спрашивать с учителей и с экскурсоводов, когда весь нынешний массив печатной продукции к юбилеям писателей, чьё творчество составило золотой век, сплошь вторичен. Глаз скользит по страницам, но ничто души не живит, не радует... Хотя дискуссию о кризисной культурной ситуации выносят на конференции и обеспечивают грантами, выпускают сборники научных статей о «языковом вкусе эпохи» (разумеется, вкусе индивидуалистическом), за помпезностью уже не скрыть истощения сил – такого же, каким закончилась борьба модернистских литературных группировок в 1923–1924-м годах.

Для иного осознания проективных задач неплохо бы вспомнить другую эпоху – «дней Александровых прекрасное начало» и первые десятилетия после победы над Наполеоном. Тогда литературные кружки и общества ставили целью устранить засилье французского элемента, открыть простор элементу русскому, чтобы индивидуалистический тип образованности не преграждал дорогу неиндивидуалистическому. И реформа литературного языка придала культурным силам нации характер взаимодействия не механический, не через соперничество идей. Книжная (письменная) / некнижная (устная народная) речевая практика укореняла в почву эпического самосознания всё здоровое и наиболее ценное для культуры. Это называют «пушкинским началом золотого века». Но установку «Писать, как говорят, и говорить, как пишут» сформулировал Н.М. Карамзин, и сам последовательно работал над её воплощением в своей «Истории», первые восемь томов которой русская публика получила в 1818 году (Пушкин и его единомышленники считали себя карамзинистами).

Эпическое самосознание – перекрёсток, с которого открыты пути во все стороны света. «Способность созерцания – способность синтетическая, – написал в своей статье о Кольцове М.Е. Салтыков-Щедрин. – Она даёт <...> возможность усматривать строй и гармонию в разрозненных данных, добываемых анализом, группировать их и вообще обращаться с ними, как с матерьялом, преисполненным жизни и значения <...> масса добра всё-таки тяготеет над массой зла. Эта-то сознательная уверенность и даёт художнику право быть спокойным и употреблять все усилия, всю энергию на водворение в мире добра и истины и искоренение зла» [5]. Эпический синтез не однонаправлен,

он исключает диктат какой-то системы идей, интересов той или иной социальной или эстетической группировки.

Когда Н.А. Полевой стал обвинять «Историю государства Российского» за то, что всё взято из летописей и нет современной трактовки, Вяземский сказал, что Карамзин не думал «протащить историю сквозь иглиные уши идей». Пушкин в подборке замечаний о литературном процессе, опубликованной «Московским вестником» (1828), назвал эстетические учения сектами, каждая из которых имеет свои недостатки и достоинства. Не будучи склонен к односторонним трактовкам, Александр Сергеевич подчёркивал: «Односторонность есть пагуба мысли» [6]. И образцы оценки, не ангажированной идеями, следует искать в первую очередь у Пушкина.

«Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание...» По этой полужизни из «Письма к издателю» (III том «Современника») трудно догадаться, кто стоит за неким А.Б. из Твери. Но не «печатно скрываться», а плотно сконцентрировать самое важное и достичь эпического результата стремился автор заметки. Оценка подана как не инициированная самим пишущим (ср.: «Я обратил внимание...» – «Кольцов обратил на себя общее внимание»), неавторская («общее внимание») и склоняющая к добру («внимание благосклонное»). Криptonим А.Б. не так уж прост. Свой болдинский цикл повестей Пушкин препоручил Ивану Петровичу Белкину («Повести Белкина»). С аналогичным приёмом имеем мы дело и тут: А.Б. – тот же Белкин, но не Иван, а Александр («азь – буки» можно прочитать и как «Азь есмь Буки»). Такого рода искрящиеся юмором, преисполненные не хитростью, а добротой уловки выдают почерк большого мастера.

Со времён основания «Литературной газеты» (1830–1831) Пушкин последовательно приобщал к пространству эпического общения и журналистику. Ф.В. Булгарин уже тогда, настороженно уловив эту особенность редакторской позиции, съязвил, что авторы этого издания намерены «печатно скрываться» (мы процитировали эти слова из «Северной пчелы»).

Первые публикации стихов Кольцова в столичных изданиях тоже относились к 1830–1831 годам. Среди них стихотворение «Перстень», присланное Н.В. Станкевичем в «Литературную газету». Пятью годами позже на страницах «Современника» был помещён «Урожай».

Жуковский и Плетнёв, которым довелось вести журнал после дуэльной трагедии 1837 года, разделяли замыслы Пушкина и по мере сил продолжали начатое, уже без Александра Сергеевича, но отнюдь не в разрыве с его начинаниями. Возьмём на себя смелость утверждать, что вне подобной стратегии, бескорыстно притягивавшей к себе всё наиболее талантливое, совестливое и нравственно чистое, обществу было бы труднее выстоять, компенсировать новым и новым приливом талантливых людей утраты, которые одну за другой несла русская поэзия с конца 1830-х.

Пушкин, Жуковский, Вяземский, Одоевский, Плетнёв, при жизни Кольцова принимавшие деятельное участие в его судьбе, увидели и поддержали развитие эпического таланта. Сами твёрдо став на перекрёсток, они не думали о первенстве какого-то одного из «направлений». Между тем, именно из-за идей, которые исповедовали критики (не один Белинский, но и большинство других, начиная с 1840-х годов), возникали разногласия в спорах о поэте-прасоле.

Почти все обнародованные за первые 15 лет оценки творчества Кольцова имели достаточно основательный и целостный характер: сказалось и время

само по себе, отнюдь не склонявшее к легковесности, и знакомство авторов статей с личными качествами Кольцова-человека. Обстоятельства воронежского житья-бытья, порой до мельчайших подробностей, вставляли из устных рассказов Кольцова и писем, которые он посылал.

Эти письма сами заговорили с читателем, когда Виссарион Григорьевич Белинский включил их в статью «О жизни и сочинениях Кольцова», сопровождавшую томик стихов, изданный в 1846 году. Эта статья была и осталась одной из лучших работ главного критика «Отечественных записок». На трактовку, данную Белинским, самостоятельно и дельно возражал В.Н. Майков, через 10 лет – М.Е. Салтыков-Щедрин, досконально изучивший русскую провинцию за годы пребывания во Владимире, в Вятке и ещё ряде поволжских городов.

Подходы к творчеству Кольцова не столько варьировались, сколько развивали споры об эстетике «чистого» (неутилитарного – В.П. Боткин, П.В. Анненков и др.) и «практического» (социально ориентированного – Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский и др.) искусства, пока в 1870-х не настал черёд народников. К ним прислушивались в первую очередь вплоть до Первой русской революции, прогремевшей в год столетнего юбилея Кольцова. Отдать дань талантливому певцу земледельческого труда считали своим прямым долгом признанные писатели, публицисты, столпы академической науки (И.С. Тургенев, Г.И. Успенский, Н.Г. Чернышевский, В.П. Острогорский, А.Н. Веселовский, Н.И. Черняев и др.).

Июньская 1917 года переплавка политических событий не перечеркнула, а по-своему возвысила дорогое народу имя: внушительным образцом монументальной пропаганды идеалов новой культуры масс стал памятник Кольцову у стен Китай-города, возведённый наряду с тремя другими мемориальными фигурами (Иван Никитин, Тарас Шевченко и Максимилиан Робеспьер). Однако отношение к Кольцову было уже не тем, что прежде. Суть изменений достаточно хорошо видна по сочинённому к открытию монумента стихотворению С. Есенина «О Русь, взмахни крылами».

В первую годовщину Октябрьской революции Москва кипела и радостно митинговала, размахивая знамёнами. Есенин понимал, что фигура Кольцова «среди тёлков и коров» не годится для знамени – разве что на хоругви вышить, червонными нитками («идёт в золотой ряднине») по голубому фону. Так у первоожатого крестьянских поэтов появились иконописные атрибуты («В руках – краюха хлеба, / Уста – вишнёвый сок» – что-то вроде претворения хлеба и вина), дополненные метафорой «вызвездило небо / Пастушеский рожок», развитие которой Есенин отодвинул в финальную часть стихотворения, где звук свирели назван «звёздным шумом» и идёт речь о грядущем поколении певцов. Не к Кольцову, а к наиболее близкому для Есенина и его современников окружению, условно говоря, от Клюева до Чапыгина, был обращён призыв: «О Русь, взмахни крылами, / Поставь иную крепь!»

Николай Клюев вылеплен Есениным из размытых ассоциаций белого («с снегов и ветра, / Из монастырских врат») цвета: сквозь «резьбу молвы» проступают блики смирения, которые то ли лучатся, то ли стираются «с бескудрой головы» монашествующего учителя.

Собственный портрет стихотворца, напротив, дан на фоне густо-чёрном, бугрящемся новыми и новыми хребтами гор («А там, за взгорьем смолым, / Иду, тропу тая, / Кудрявый и весёлый, / Такой разбойный я»). Разбой – неумёное богоборчество («Но даже с тайной Бога / Веду я тайно спор»). К кольцовским

«Песням лихача-кудрявича» это не близко, да и лихая языческая зарисовка «Сшибаю камнем месяц / И на немую дрожь / Бросаю, в небо свесясь, / Из голенища нож» уводит в сторону от богопослушного настроения кольцовских дум. В есенинском ассоциативном ряду – разбойничья скрытная и дерзкая повадка, скрежет ножа и дрожь пространства, сшибленный камнем месяц, бешеное вращение наизнанку вывернутых координат неба и земли...

Конструкцию главной идеи, так сказать, логику стихотворения, поэт вывел к тому, что всё должно перемениться и облагодетельствоваться: из просторов России «незримым роем» за Есениным «идёт кольцо других» песнопевцев, «И далеко по сёлам / Звенит их бойкий стих». Им предстоит «вязать из трав книги», «нести звёздный шум» в пространство, где исчезла темнота: «Уж смыла, стёрла дёготь / Воспрянувшая Русь. // Уж повела крылами / Её немая крепь! / С иными именами / Встаёт иная степь».

Однако о целомудренной верности кольцовскому завету тут говорить не приходится, скорее – о монтаже очень пёстрого разнородного материала: одические архаизмы («Сокройся...»), присловья колдовского заговора («сгинь ты») и шаманское мельтешение фигур («Слова трясем с двух пол»), митинговые выкрики «Довольно!», эпатаж («племя / Смердящих снов и дум»; «славить взлётом гнусь...»), фиглярские перевороты слов («гнить и *ноять*» = *ныть* и *гноять*?).

Никого не хотим обидеть. У больших поэтов тоже случаются неудачи, когда сам по себе «социальный заказ» утопичен и в нравственном смысле сомнителен. Мы лишь взяли пример мысли, не вписавшейся в смиренную цепь по-кольцовски родственных звеньев.

Аля уяснения этой цепи, этой традиции в её прямом, а не искажённом виде полезно очертить границы понятий, в которых сам Алексей Васильевич Кольцов строил и излагал свои мысли о мироздании. Обратимся снова к «Последней борьбе» (1838), чтобы сопоставить эту думу с другими, более ранними и более поздними. А также, поскольку дума – жанр медитативный, обращённый вовнутрь собственного сознания философа, сверим высказанное в думах с тем, что высказал Кольцов в жанре послания, а именно – в стихотворении 1839 года, обращённом к В.Г. Белинскому и по содержанию очень близком к «Последней борьбе».

Мы полностью убеждены, что слово *последняя* в названии думы 1838 года означает рубеж, достигнув которого, Кольцов уже не оставлял найденной точки. Неколебимо стоял на ней при всех дальнейших испытаниях судьбы и искусства мысли. То есть не шёл за Белинским как во всём послушный ученик [7], а подсказывал нечто важное для них обоих, предлагал другу тоже встать на эту, дорогую самому Кольцову, позицию.

Как и любую гипотезу, наше предположение об этом требуется проверить, подкрепить доказательствами. Поэтому обратим внимание на биографический эпизод 1838–1839 годов, непосредственно связанный со школой философских исканий, в которую вовлекал Кольцова Белинский. Нам надо будет ответить: почему поэт послал Виссариону Григорьевичу думу «Последняя борьба» не тогда, когда она была написана, а только в сентябре 1839-го? Не желал ли Алексей Васильевич специально оттянуть с посылкой «Последней борьбы» – по крайней мере, до осени 1839 года, пока у него не созрело решительное намерение полностью объясниться с Белинским, поверить окончательный итог своих раздумий?

Итак, теория «примирения с действительностью» вовлекла Кольцова в круг смутных надежд на некую умозрительную систему – философское учение, говоря о котором, московский его приятель буквально фонтанировал новыми для них обоими идеями в период встреч 1838 года. Когда длительная отлучка из дома закончилась, Кольцов вернулся в Воронеж и там имел возможность обдумать всё услышанное от Белинского, прочувствовать и пережить в себе его философский настрой. Он убедился, что его собственная душа стала меньше подвержена унынию. Возвышенное состояние, пробуждённое горячими искренними московскими разговорами, её не оставляет. В июльском письме 1838 года читаем: «Последние два месяца (время наиболее тесного их общения в Москве – Е. Т.) стоили мне пяти лет воронежской жизни» (с. 207).

Теоретическая часть суждений давалась туго («Бог знает, как худо работает моя голова»; «Жалею об одном, что нельзя было жить ещё месяц с вами: хоть бы месяц один ещё, а то есть ещё кое-какие вопросы тёмные. Я понимаю субъект и объект хорошо, но не понимаю ещё, как в философии, поэзии, истории они соединяются до абсолюта. Не понимаю ещё вполне этого бесконечного игнорирования жизни, этой великой природы во всех её проявлениях»), она так и осталась неосвоенной (см. письмо от 28 октября 1838 года). Но вся середина лета 1838 года прошла как бы вдвойне осенённая яркими лучами. Не только достиг *понимания вполне*, но и *двигаться к свету понимания*, ещё не имея в душе последней решительно поставленной точки, – уже было благом, давало освобождение от уныния и тоски: «Да, я теперь гляжу на себя – и не узнаю. Где эта бессменная моя печаль, убийственная тоска, эта гадкая буря души, раздор самого себя с собою, с людьми и с делами? Нету ничего, всё прошло, всё исчезло – и я на всё гляжу прямо и всё сношу и сношу тяжёлое без тягости. И всем этим вам обязан...» Кольцов не терял надежды окончательно разрешить для себя самого нечто принципиально важное, определиться с тем, как же самому теперь жить, коль уму открылись громадные, сложнейшие проблемы: «И меня ничего на свете так не успокаивает в жизни, как вполне понимание этих истин».

Найдя в себе гораздо большую, нежели прежде, твёрдость, способность не отступать перед «кучей неприятностей», не впадать в уныние из-за плохо идущих «дел коммерции», он бодро говорил Белинскому, как, впрочем, и самому себе: «Материализм дрянной, гадкий и вместе с тем – необходимый... Плавай, голубчик, на всякой воде, где велят дела житейские; ныряй и в тине, когда надобно нырять; гнись в дугу и стой прямо в одно время!»

В конце июля Кольцов отправил ему написанную в 1836 году (и тогда же, 15 июня 1836 года, посланную непосредственному адресату стихотворения М.А. Бакунину) думу «Человек», в начале сентября – «Стеньку Разина». Большинство стихотворений 1838 года отсылалось именно в «Московский наблюдатель»: поэт честно выполнял обещание поддерживать журнал, редактируемый Белинским. Искренне благодарил за беседы, из которых, говорит сам Кольцов, «я узнал много для души моей святого, чего я целый век сам бы не разрешил и не сделал». Однако душевную свою думу «Последняя борьба» он передал Виссариону Григорьевичу лишь в конце сентября 1839 года, гораздо позже момента, когда эта дума создана.

В чём причина задержки? Не в самой ли этой думе, где сердце говорит мудрее разума?

Осень 1839 года была очень плодотворна и щедра на зрелые вещи – «Что

ты спишь, мужичок», «Тоска по воле», «Без ума, без разума», «Хуторок», «Лес (В.А. Жуковскому)» и др.

Именно тогда, отправив в Москву к ещё не оставившему «Московский наблюдатель» другу «Последнюю борьбу», Алексей Васильевич написал ей вдовгонку «Послание (В.Г. Белинскому)» – стихотворение, в котором содержится призыв: «Будь человек, терпи! / Тебе даны все силы, / Какими жизнь живёт / И мир вселенной движет».

Послание датировано шестнадцатым ноября 1839 года. В нём Кольцов повторно запечатлел, теперь уже в межсубъектном модусе (форме речи, обращённой к *ты*) высказанный [8], свой героический выбор – решение, которым вдохновлена дума «Последняя борьба» (1838), написанная, как мы помним, от имени *я*.

Такой итог охватил (отцентровал) настрой и главную краску личного обаяния Белинского – тягу к беспокойному морю мысли, к героике умственных борений, но ничего не суживал. На необходимость «сузить море», скорее, намекает афоризм, завершающий письмо к Белинскому от 12 октября 1839 года: «уже море – ближе берег».

Послание к Белинскому и дума «Лес», посвящённая Жуковскому («О чём шумит сосновый лес?») крайне интересны в плане психологизма. Они убедительно показывают, что Кольцов, как и Пушкин, был настоящим Протеом: умел думать *не от себя*, а *от другого*: не гадательно, не приблизительно, а непосредственно-точно передавать качество душевного состояния и мыслительный процесс того, чья неповторимая и богатая своим содержанием душа поставлена в центр стихотворения.

*О чём шумит сосновый лес?
Какие в нём сокрыты думы?
Ужель в его холодном царстве
Затаена живая мысль?..*

*Коня скорей! Как сокол быстрый,
На нём весь лес изъезжу я.
Везде глубокий сон, шум ветра,
И дикая краса угрюмо спит...*

*Какая ж тайна в диком лесе
Так безотчётно нас влечёт,
В забвенье погружает душу
И мысли новые рождает в ней?..*

*Ужели в нас дух вечной жизни
Так бессознательно живёт,
Что может лишь в пределах смерти
Своё величье сознавать?..*

Отнюдь не многим из других отзывавшихся Жуковскому авторов удавалось перенять столь много от создателя «Невыразимого». Напитать строки такой же чуткостью к замороженной тишине; перенести в, казалось бы, риторические, вопросы дыхание потусторонней тайны – веяние холодного царства, которое смущает человека мыслью о бренности и смерти.

Кольцов и Белинскому не приписал чего-либо несвойственного его натуре: тот же благородный порыв и накал чувств. Поэт ни в коем случае не поставил

себя выше адресата: слова императивного наклонения, окрашивающие текст в учительные тона – психологическая характеристика не столько автора послания, сколько самого Белинского. Но при этом как бы обдумал и написал за Белинского правильный ответ – достойную реплику на отосланную в сентябре «Последнюю борьбу».

Собственный кольцовский итог обсуждения философских проблем («Последняя борьба», написанная от первого лица) был перелит в форму «ты» (речь, сказанная от второго лица). «Когда с презреньем люди / Зовут тебя на брань, / Ступай во имя Бога, / Воюй за правду, честь, / Умри на поле брани; / Но не беги с него назад». Как взмахи руки, которую то прижимает к сердцу, то энергично устремляет навстречу другу искренне говорящий человек, выплески разделённого чувства соединили *ты* и *я* в одно целое:

*Не пяться, друг! стой прямо!
Главы пред ними не склоняй!
Но смело в бой неравный –
На битву Божию ступай!*
.....
*Громада гор земля –
Земля песчинка лишь одна;
И океан безбрежных вод –
Что капля утренней росы.
У духа жизни веса нет,
У воли духа нет границ,
Везде одна святая сила,
И часть её есть сила та ж.
Одним лучом огонь небес
Осветит тьму, согреет лёд,
Но тьма и холод в небе
Другова солнца не зажжёт.
Зачем же долго медлить?
Другую мочь откуда ждать?
И где война – там дело
Великой жизни бытия!
В её борьбе – паденье смерти
И новой мысли торжество!*

И никакого различия сути не оказалось – его и не было в том, что энергично, как всеильное заклинание от слабости духа, звучит в послании от друга к другу, в «Последней борьбе» и в других текстах, запечатлевших искреннее исповедание христианской души, которым дали жанровое название «думы», – философским произведениям Кольцова на тему мироздания. Чтобы ясно увидеть это, сопоставьте с только что приведёнными словами ключевой фрагмент думы «Последняя борьба».

*Что погибель! что спасенье!
Будь что будет – всё равно!
На святое провиденье
Положился я давно!
В этой вере нет сомненья,
Ею жизнь моя полна!
Бесконечно в ней стремленье!..*

*В ней покой и тишина...
Не грози ж ты мне бедою,
Не зови, судьба, на бой:
Готов биться я с тобою,
Но не сладишь ты со мной!
У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь,
Под крестом – моя могила;
На кресте – моя любовь!*

Эти прекрасные строки снискали всенародную любовь, были положены на музыку, переиздавались неслыханное число раз. Их непременно включали в состав песенников, переписывали от руки, вышивали на рушниках.

У Кольцова и в более ранних произведениях немало поэтических формулировок, в которых запечатлено народное философствование о мире: «Всё, что есть, – всё это божье; / И премудрость наша – божья» («Человеческая мудрость», 1837); «Тяжелы мне думы, / Сладостна молитва!» («Великая тайна», 1833). Отдать достоинствам истинно-народной философской мудрости высший пьедестал оказалось вполне естественным, когда Кольцов осознал, что иные пути не примирят ищущих – уведут ум в метафизику, отдаляют от реальности.

Мы заново подняли вопрос о философской позиции поэта, взяв известный момент его биографии и созданные в 1838–1839 году тексты, так как считаем нужным пересмотреть принятый в кольцововедении постулат о том, что идя по стопам Белинского, во всём послушный ему Кольцов мучился раскаянием в собственном невежестве; лишь ранняя смерть помешала ему стать таким же передовым мыслителем, каким стал Белинский. Растиражированная многими статьями и книгами, эта версия – пример односторонней трактовки, которая (ещё раз вспомним слова Пушкина «Односторонность есть пагуба мысли») полной картины не даёт и от этого способна ввести в заблуждение.

Постулат продолжает линию, заданную в статье 1846 года «О жизни и сочинениях Кольцова», где Виссарион Григорьевич утверждал: «Мистическое направление Кольцова, обнаруженное им в думах, не могло бы у него долго продолжиться, если б он остался жив» [9]. От внесения справедливых правок в подобную оценку жанра дум достоинства статьи ничуть не пострадают. Она так и останется в глазах читателей свидетельством равнодушного взгляда, важным источником биографических сведений: никто не сообщил нам столько истинно верного и ценного для раскрытия личности поэта, не сохранил для потомков столько писем Кольцова, как В.Г. Белинский. Скажем более – ни от кого, кроме Виссариона Григорьевича, Кольцов не ждал столь трепетно ответа на свою думу «Последняя борьба». Судьба послала ему, поэту, критика, который жаждал понимать и объяснять текущую литературу, верил (по крайней мере, на пике их бесед об «абсолюте») в главенство духовности.

Смерть Пушкина обезоружила многих неофитов романтической теории, согласно которой всё истинное в искусстве есть результат неколебимого олимпийского спокойствия. Сознанием Белинского болезненно овладевал комплекс проблем, выталкивающий за рамки «олимпийской» теории критика, обязанного регулярно поставлять в журнал статьи и обзоры текущего литературного процесса. Немецкая теория романтизма солидна, основательна, верна... Пусть это трижды так, однако как же в безмятежном духе рассуждать о своём полном тяжких испытаний времени, когда всё справедливое в отношении муз оборачивается горькой несправедливостью в отношении к поэтам?

Душевный ад тяжёл без веры в избавление. Глубокие внутренние колебания устремили, буквально бросили навстречу друг другу двух людей, переживавших беду так остро, так не хотевших терять надежду на неколебимые опоры...

Каждый из двоих искал за себя и за другого. Вот, полагаем, то главное, что требовало взаимной открытости, исповедальности. Алексей Кольцов опередил друга: в довольно краткий срок окончательно и навсегда пришёл к вероисповедному выбору, облёк мысли об этом в стихотворную форму...

Он отправил думу «Последняя борьба», а затем «Послание» тому, кто, ему казалось, ждёт его решительного ответа... Однако миг сплочённости, когда каждый из двоих ощущал другого совершенно рядом, уже был позади. Путь рука об руку долго не продлился: один из ищущих достиг перекрёстка и не сошёл с него; другой пошёл скитаться дальше.

Что становится очевидным, если смотреть на эпизод 1838–1839 годов глазами Кольцова, а не Белинского? Автор «Последней борьбы» писал «Послание», желая стать больше чем друзьями – духовными братьями. Но адресат не был готов отказаться от поисков «абсолюта» или какой-либо другой руководящей идеи.

Полной открытостью и пониманием Белинский Кольцову не ответил ни тогда, ни позже. Составляя некролог, итожа оценку жизни и сочинений друга, критик похвально высказался о простоте и смелости его ума, но тут же одной «туманной» фразой закрыл тему, о которой самому ему говорить не хотелось. Он написал: «Мистическое направление Кольцова, обнаруженное им в думам, не могло бы у него долго продолжиться, если б он остался жив. Этот простой, ясный и смелый ум не мог бы долго плавать в туманах неопределённых представлений».

Незачем во всём полагаться на эту характеристику, поскольку Белинский был склонен сам трактовать смену философских увлечений как движущуюся эстетику. К 1846 году он уже давно отошёл от философской теории, которую проповедовал в «Московском наблюдателе», на этапе своего «примирения с действительностью», его всё более привлекала разработка позитивистских идей.

Кольцов же не изменил ни православной народной вере, ни подлинному эпическому чутью. Вникая в суть вещей, этот ум продолжал подыскивать слова для объяснения непостижимых материй. Ни робким, ни неумело-ученическим подобным склад мышления не назовёшь. В ответ на замечания Белинского по поводу думы «Лес», которая критику не понравилась (он предложил её переделать), Алексей Васильевич ничего переделывать не стал. Он прямо признался, что произведение ему самому нравится, и объяснил почему: «Чёрт знает, какая ошибка в “Лесе”! Он мне шибко нравился, – мне думалось, читая его, что какой-то злой демон выходит из него и шепчет грустные мысли, и в какую образность ни входит, всюду разрушает жизнь и, наконец, в общем уничтожении выводит смерть; а сила души, в самой смерти сознавая своё величие, уничтожает его и, торжествуя, расширяет жизнь» (с. 251).

Уже и летом 1838 года наряду с желанием заняться немецким языком, чтобы освоить немецкую премудрость, Кольцов высказывал определённые возражения против метафизики «абсолюта». Поистине сократовский намёк другу содержит история о том, как поддержал умонастроения Белинского отец поэта Василий Петрович Кольцов. «Мы ездили с ним вместе на степи; дорогою я взялся ему всё доказывать, рассказывать философски, рассказал как умел, и он со мною совершенно во всём согласился: даже согласился, что

он сам большой фанатик, то есть старинный почитатель одних призрачных правил без чувства души (так ли я понимаю слово фанатик?). А это всё ручается, что мы с ним скоро будем ладить хорошо. Дай-то Бог» (с. 228).

Жанр думы не был в кольцовском творчестве ни второстепенным, ни слабее разработанным, чем жанр песен. Думы – опора большого эпического полотна, развёрнутого Кольцовым. И это именно так, поскольку в философских и вероисповедных произведениях проступает сам стержень ментальности. Ключом к раскрытию специфики дум как наджанрового феномена может быть сравнение дум Кольцова с философской поэзией Ломоносова, шире – анализ народно-религиозной составляющей творчества русских писателей XVIII века. Попутно скажем: нельзя навешивать ярлык «наивные» на тексты, в которых заметно эпическое языковое чутьё. Оно вообще воспитывается на лапидарном материале.

Единство устной / письменной речевой традиции золотого века отечественной культуры заметно не только в материале слов, но и в том, как легко и просто расступались перед истинными талантами-самородками все условности и «перегородки» социального устройства. Алексей Кольцов, Тарас Шевченко были радушно приняты в среде литераторов-аристократов. И когда приходилось разрешать запутанные дела своего отца, Кольцов в первую очередь прибегал к помощи П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, В.Ф. Одоевского. И в роли просителя ему не приходилось заискивать перед этими «князьями» и «министрами»: у развитых душ не бывает зазнайства и лакейства. Немаловажная черта – живое воплощение душевной красоты и истинно-человеческого достоинства в людях, у которых слово не расходится с делом.

Что выделяет *кольцовскую поэзию земледельческого труда* на фоне деревенской лирики «сочувствующих поэтов»? Они пишут в усиленно-сентиментальных жалостных тонах: «Бедному пахарю моченьки нет» (Н.А. Некрасов. «Несжатая полоса»). А у Кольцова несжатое поле – пространство радости, неразлучной с созидательным делом. Поле не меряно, колосья не считаны... Где благодать хлебов, колосок за колоском перебираемых ветром, – там и серп, что пожнёт, и рука, что снопами увяжет волны, в живом кольшущемся строе которых царит всеобщий гармонический закон.

Кольцовское отношение ко всему родному так обрадовало Пушкина! Он не мог не любоваться стихотворением «Урожай» (1835) из тетрадки стихов, привезённой из Воронежа Николаем Станкевичем. Узнав, что воронежский самородок ненадолго приехал в столицу, Александр Сергеевич настойчиво звал его к себе, чтобы познакомиться не на бумаге. По известному рассказу А.М. Юдина мы знаем, как состоялась эта встреча. «Едва Кольцов сказал ему своё имя, как Пушкин схватил его за руку и сказал: “Здравствуй, любезный друг! Я давно желал тебя видеть”. Кольцов пробыл у него довольно долго и потом был у него ещё несколько раз. Он никому не говорил, о чём он беседовал с Пушкиным, и когда рассказывал о своём свидании с ним, то погружался в какое-то размышление» [9].

Во II томе «Современника» читаем светлый кольцовский гимн труду, любви к родному полю и ко всей красоте земной.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал Господь
За труды людям:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремит колосом
Почти до земли,

Словно Божий гость
На все стороны
Дню весёлому
Улыбается.

Ветерок по ней
Плывёт-лоснится,
Золотой волной
Разбегается...

Он напечатан в соседстве с тремя панорамными стихотворными произведениями. Два из них изображают в лицах историю: древнюю, географически отдалённую («Битва при Тивериаде» – сцены из драматического полотна, посвящённого битве крестоносцев при Хоттине) и более к нам близкую («Иоанн III и Аристотель»).

В этой драме царь Иван III ведёт философскую беседу с придворным архитектором Аристотелем Фьораванти о возможности подчинить гармонии не только искусство, но и человеческую жизнь. Русский монарх на перепутье: ради укрепления государства требуется отдать свою дочь Елену замуж за иноземного князя. Но невесте жених не люб, и царь колеблется, как поступить: прислушаться к голосу отцовского сердца или холодно свершить государственный долг?

Третье произведение – волшебная «Сказка об Иване Царевиче, Жарптице и о сером волке» Н.М. Языкова тоже написано по ролям и для сцены.

Окружённая масштабными вещами небольшая стихотворная пьеса не потерялась, а достойно выдержала предназначенную ей роль. В целостном ансамбле ей выпало быть средоточием жизни современной, не заслонённой ни расстояниями, ни далью лет. Очарованием своим «Урожай» ничем не уступает сказке.

Вспомним картину забот простых и величественных, которой Кольцов отдал весь свой лирический и эпический талант.

Рожь зернистая «дремит колосом», «на все стороны улыбается», словно Божий гость, «что послал Господь / За труды людям». Вытянувшаяся выше пояса, она клонится, льнёт налитыми колосьями к матушке-земле, как льнут друг к другу все благие природные процессы. Им дано текуче-легко обмениваться своими качествами: у Кольцова «Плывёт-лоснится, / Золотой волной» не нива, а разбегающийся по ней ветерок. Смещения не размывают смысла. Напротив, позволяют целомудренно-благородно сказать о радости тружеников: честь и гордость за знатный урожай поданы как чувство не хлеборобов, а скирд, намётанных на гумна: «Как князья, скирды / Широко сидят, / Подняв головы».

И, конечно, солнцеворот теснейшим образом сплочён с годовым кругом земледельческих забот. Весна напоит земные просторы дождями, пробудит «громом-бурею», «огнём-молнией», осенит «дугой-радугой» – люди поднимут зерновой запас из закромов, на «убранных мешками» возах доставят его на поля. «И пошли гулять / Друг за дружкой, / Горстью полною хлеб раскидывать; И давай пахать / Землю плугами / Да кривой сохой / Перепахать,

/ Бороны зубьём / Порасчёсывать». Летние жары выпестуют ниву. А потом солнышко, видя, «что жатва кончена», уйдёт отдохнуть, природа остынет. Но огонь жизни не пойдёт на убыль. Недреманный сон хлебов перетечёт в закрома-амбары и тепло, единое и в снопах, и в малом зёрнышке, скоротает зиму на людском подворье, под крышей поселян. В долгих сумерках сиять ему свечой в горницах пред иконою Божьей Матери. «Свечой жаркою» – пишет Кольцов, опять же наполняя затепленный над тонким фитилём язычок света энергией молитвенных чувств.

Глеб Успенский, известнейшее сочинение которого называется «Власть земли» (1882), ставил это стихотворение Кольцова выше лермонтовского «Когда волнуется желтеющая нива». Напомним высказанные им прекрасные и верные мысли об «Урожае»: «Тут нет пустого места, нет прорехи в мирозерцании»; «природа и мирозерцание человека, стоящего с ней лицом к лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты в одно поэтическое целое» [11]. В этих точно улавливающих суть характеристиках выделены, собственно говоря, признаки не лирики, а эпоса. Только эпос берёт мир как неразъёмное целое.

Таким образом, Кольцов и как автор *русских песен* не может выглядеть чистым лириком. Его лирика – мощный ретранслятор эпического компонента поэзии золотого века.

Эпическая поэзия не старится, не утрачивает богатырскую мощь и, в отличие от искусственных зеркал-софитов, не «бликует». Равномерный свет её разлит, как в полуденной летней степи, и освещает просторы до горизонта. Ритм её скрепляет всё, что способно *стихийно развиваться*.

Развитие – процесс вовсе не линейный (прямая линия – «путь в никуда»), это витки спирали, где гармонично дополняют друг друга межпоколенные (трижды по 10 лет) и вековые (трижды по 30) волны культурных взаимодействий. Если поддержим такой алгоритм, новые поколения не разнародятся в толпу, не побредут бесцельно.

Детям, конечно, полезно слышать самого Кольцова, а не «рой», загудевший вослед имажинистам. Юность сама почувствует, что с кольцовскими песнями грусть светлее, веселье радостней. И устоявшийся зрелый ум поймёт, по достоинству оценит в его творчестве душу сильного и цельного человека, не привыкшего задаваться в час везенья или пасовать в трудный момент. Вот вам естественное слияние волн, тот самый перекрёсток, на котором и до Пушкина рукой подать.

Решительно повзрослевший в Михайловском уединении Пушкин с 1826–1827 годов работал над всё более широким охватом исконно-народной поэтической ритмики и мелодики (цикл песен о Стеньке Разине, «Ещё дуют холодные ветры» и т.п.). Практически в те же годы Алёша Кольцов осмелился записывать приходившие ему в голову напевные строки. На безбрежно широком своём поле русская жизнь выпестовала двух самостоятельно развивавшихся поэтов-гениев. Повидались они лишь на краешке земного пути: до дуэли Пушкина с Дантесом оставались считанные дни... Если что-либо способно абсолютно поменять взгляд на случайное и исключительное, то это именно такие совпадения.

Откровение даётся единожды. Тем, кто его не понял, и другие разы не могут.

В персональном творческом становлении Пушкин шёл от книжной поэзии к фольклорной, Кольцов, наоборот, от устной речи к письменной. Оба пути

сольются в единый гармонический результат и впредь, если не отгораживать юные умы от книг и устных преданий, из которых их деды и прадеды впитывали чистоту, искреннее желание поддержать, утешить ближнего. Совестьливая ответственность за культуру поможет потомкам не забыть свои корни, по-настоящему ценить всё народное и родное.

Почему мы сегодня почти перестали верить в это? Зачем нас заставляют свикнуться с идеей о том, что *читать русскую литературу и жить русской жизнью* – не одно и то же?

Литература и примечания

1. Книга А.А. Потебни «Мысль и язык» писалась с середины 1860-х по середину 1890-х годов, вышла в 1895-м. Её А.М. Горький в 1911 году предлагал переиздать как единственную помогающую статью писателем. Такой ответ дал пролетарский писатель на письма более 400 простых людей-самоучек, которые присылали ему повести, стихи, рассказы о своей жизни и спрашивали: как стать писателем.
2. «Закатилось солнце русской поэзии», – писал в некрологе В.Ф. Одоевский. «А.С. Пушкин помер; у нас его более нету!.. Едва взошло русское солнце, едва осветило широкую русскую землю небес вдохновенным блеском, огня животворной силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармонией райских звуков; едва раздались волшебные песни родимого барда... Прострелено солнце», – вторил ему Кольцов в письме от 13 марта 1837 года (с. 187).
3. Произведение, посланное Белинскому осенью 1839 года, напечатано в журнале «Отечественные записки» в 1841 году (т. XVIII, с. 160).
4. *Кольцов А.В.* Сочинения. М., 1984. С. 227. Далее тексты стихотворений и писем цитируются по этому изданию, номер страницы указывается в скобках.
5. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 5. М., 1966. С. 8–10.
6. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1977–1979. Т. 10. С. 565.
7. Из учёных советского времени проф. Н.Н. Скатов, кажется, первым решил откорректировать мнение о «наивности» (слова П. Соболева) и «беспомощном, ученическом положении Кольцова» (слова Ф. де Пуле) в философских беседах с Белинским. Однако сделал корректировку не полную.
8. В тексте «Послания» можно насчитать десяток глаголов второго лица (*ступай, воюй, бейся, умри и пр.*) в купе с шестикратным повтором местоимений ты, твой.
9. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 117.
10. Цит. по: *Скатов Н.Н.* Кольцов. М., 1989. С. 176.
11. *Успенский Г.И.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М., 1955. С. 38–39. Напоминающая это глубокое высказывание из очерка «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), мы бы поспорили с утверждением о том, что изображённая Лермонтовым картина родной природы менее целостна (ландыш рядом с сиреневой сливой – тоже синтез времён цветения и плодоношения земли).

ПОЭЗИЯ

Николай ПОЛОТНЯНКО

Николай Алексеевич Полотнянко – родился 30 мая 1943 г. в г. Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. Горького. Поэт и автор трёх исторических романов. За один из них («Государев наместник») удостоен Всероссийской премии им. И.А. Гончарова. Книги стихов выходили в Ульяновске, Саратове, Москве (1982). Член Союза Писателей России. С 2006 г. главный редактор журнала «Литературный Ульяновск».

Живёт в Ульяновске.

Про птичек и зверушек

Сова

Пока светло, сова болотная
Сидит в чащобе безработная.
И дальше носа своего
Она не видит ничего.

Но только сумрак у земли
До темноты ночной сгустится –
Зажгутся жёлтые нули
В пустых глазах угрюмой птицы.

Всё видит, слышит...
Крыльев взмах.
И в темь она ныряет ловко.
Бросок.
Пищит в её когтях
Нерасторопная полёвка.

Грач

Шары бурьяна мчатся вскачь.
Подули ветры стылые.
С берёзы голой смотрит грач
На поле в жёстком инее.

– Не раз ухожена земля
Мной, – мыслит он. – За это
Не получил я ни рубля,
Хоть страдал всё лето.

Летит холодный белый пух.
И ветер дует встречный.
Пора и мне лететь на юг,
Но за свой счёт, конечно.

Лось

Откинув голову, он тело гордо нёс
Через поляну, по-хозяйски смело.
Здесь было всё его – деревья и мороз,
И снег вокруг, рогожно задубелый.

Ночь хлопотна была: среди берёз
Его зажали волки молодые.
Лось вожаку башку копытом снёс.
Ушёл, ломая чащи ледяные.

Под утро он нашёл стожок овса,
Наелся, навалялся до отвала.
Шершавым языком коснулся солонца.
Пугнул сороку, чтоб не верещала.

И вдруг услышал свист промеж рогов,
А следом эхо выстрела катилось.
И снег потёк с заснеженных верхов,
И разом вся округа задымилась.

Лисица

Плутовка рыжая устала,
Полдня пробегала зазря:
В траве зайчишку потеряла,
И упустила глухаря.

Но день ещё высок и долог.
Вот чуть отдышится и вновь
Начнет охоту: перепёлок
Травить среди ржаных валков.

Рысь

Желта, когтиста, мутноглаза,
С конфуцианской бородой,
Подолгу своего ждёт часа
Она на ветке над тропой.

Я увидел её и замер,
Не в силах сделать даже шаг.
Из глаз её метнулся пламень,
Поднялись кисти на ушах.

Решив, что я дурак нелепый,
Она ушла, фырча со зла.
Мы так нечасто смотрим в небо,
Всё больше под ноги, а зря...

Медвежонок

В десятках мест насквозь пробита шкура,
Нос обожжён, как будто кипятком.
Зачем же ты полез без дымокура
Зорить, как вор, пчелиный сладкий дом?
Что ж, молодости свойственны ошибки.
С годами опыт сам собой придёт.
Теперь ты будешь обходить те липки,
Где пчёлы зарабатывают мед.

Сапсан

Сапсан на взлёт пошёл с насеста,
И, высоту стремглав набрав,
Всю под прицелом держит местность –
Круги полян, верхи дубрав.

Он и с соперником сразится,
И взять добычу на лету
Всегда готов.
И на беду
С гнезда слетела голубица...

Оленуха

Издали её коснулся слуха
Призывный и желанный бычий рёв,
И, трепеща от страсти, оленуха
Спешит туда, где храп и треск рогов.

Рога в рога. Ломают с хрустом шеи
Быки, дробя копытами гранит.
Кто в цвете лет, упрямей и мощнее,
Тот только в поединке победит!

Природа сильных жить благословляет,
 Чтоб не кончался жизни вечный круг,
 И победитель в свой гарем сбивает
 Пугливых и покорных оленух.

Борзая

Поджарая, с кипящей злобой в пасти,
 Разматывая по ветру слюну,
 В холодное предзимнее ненастье
 Она летит, пугая тишину.
 А впереди, едва земли касаясь,
 Не выбирая торного пути,
 Летит стремглав на крыльях страха заяц,
 И дых смертельный чует позади.
 Прогонисто стремительное тело,
 И беспощаден лютый гон борзой.
 Она промчалась, поле онемело.
 Внезапной задохнувшись тишиной.

Ворона

Осень...
 Листья за ворохом ворох
 Облетают. Короче становятся дни.
 У ворон – это время разборок,
 Спора, гама и толкотни.
 Чуть до драки порой не доходят
 Разногласья. О чём этот гвалт?
 Может, новые делят угоды
 Птиц, что скоро на юг улетят?..

Соболь

В дупле крепка его утайка,
 К ней не добраться – высока.
 Но всё равно отыщет лайка
 По следу в чаще соболька.

Начнёт облаивать и визгать.
 Такой поднимет шум и гам,
 Что глупый соболь станет прыскать
 По гибким веткам и верхам.

И тут ударит точный выстрел.
 И пулька соболя найдёт.
 И серебристый ровный чистый
 Мех на прилавок упадёт.

Гусыня

На рассвете небо синее.
 Июль – пришла жара.
 Царицею гусыня
 Выходит со двора.

За нею, как придворные,
 Не отходя на шаг,
 Гусяточки проворные
 Толкаются, спешат.

Вот травка и озёрко,
 И тополь на юру.
 Пересчитает зорко
 Она всю детвору.

Туманна гладь озёрная,
 Опасность всюду ждёт.
 И гусаки дозорные
 Заряжены на взлёт.

Воробей

Вертляв, как Чичиков,
 В коричневом фрачишке,
 Сверкая дерзко бусинками глаз.
 Он из окна подглядывает в книжку,
 Которую читаю я сейчас.

Март, как птенец, проклюнулся.
 Под солнцем
 Пригрелся воробей, повеселел,
 Искрится ржавью фрачное суконце,
 Воротничок на грудке посвежел.

Он суетится в ветках краснотала,
 Пунцовых от щекотки листовяной.
 И вместе с ним я радуюсь началу
 Движения жизни новой, молодой.

И он своей весёлости не прячет,
Чирикает на ветке за окном,
Что дожил до тепла и рад удаче,
И всё ему отныне нипочём.

Телёнок

В глаза глядят ромашек звёзды
Из душистых зарослей травы.
Трава растёт, щекочет ноздри,
Шумит у самой головы.

К ней потянуться языком бы,
И навернуть зеленый пук...
К телку ползёт янтарным ромбом
Худой воинственный паук.

Телок пугается букашки
И, взбрыкнув, отбегает прочь.
Стоит и смотрит на ромашки
Глазами тёмными, как ночь.

Парит, как облако: над стадом
Навозный, пряный, плотный дух.
Лежит в тенёчке за оградой
На травке старичок-пастух.

Жара слепит. И тень на землю
Всё круче падает. Телок
Бредёт лениво и, помедлив,
Ложится к матери под бок.

И всё упрямей к ней теснится,
Почуяв запах молока.
Корова смотрит сквозь ресницы
И лижет потный лоб телка...

ПРОЗА

Анна АВЕРЬЯНОВА

Сделка

Роман

Часть первая

Первое слово – это так важно. Первая интонация – и вы загубили свой труд, если она неверна. А если же она не фальшива, то вы легко летите от начала своего повествования к его концу. Кажется, всё уже продумано до мельчайшей детали, до едва уловимой морщинки на лице героя. Но нет же, рука не поднимается. Будто бы и не рассказывать вовсе нужно, а из хрупкого мраморного монолита извлечь прекрасную Галатею, чтобы потом полюбить её. И дни проходят.

Но сколько можно ждать?.. Вот уже они, мои герои, по вечерам возникая передо мной, призывно смотрят на меня: «Ну что же ты медлишь?» А бывает даже уже и то, что они избегают смотреть мне в глаза. Нельзя более медлить. Час пробил. Вперёд!

Итак... Итак, с чего же начать рассказ об этом необычном дне в жизни моего героя. С утра? Но утро было совсем обыкновенным. Погода разве что была особенной: снег, ветер. Хотя в феврале много таких дней случается.

В общем, всё было как всегда, как у многих из нас. Погревшись и даже вздремнув в тёплом автобусе, стоя как птенец императорского пингвина, забравшийся в центр стаи, наш герой вынырнул из ставшего таким родным автобуса навстречу освежающему февральскому ветру. Арка, через которую ежедневно проходил он, превратилась в аэродинамическую трубу. Двери не хотели открываться, да и закрываться не особенно хотели. Вахтёрша устало-снисходительно приказывала: «Закрывайте за собой двери!»

Но вот наконец он благополучно засвидетельствовал своё своевременное появление на рабочем месте.

Анна Аверьянова –
прозаик.
Живёт в Москве.

– Нет, Затюкин! – (К стыду моему, я должна сознаться, что фамилия героя моего была Затюкин. Не Алмазов, не Богомазов, а просто: Затюкин. Да и работал он не «завом» и не «замом», а простым инженером, даже не старшим. Так было угодно судьбе.) – Вы только посмотрите, что здесь написано! Завтра, то есть уже сегодня, ожидается потепление, местами небольшие осадки, туман. Я вас спрашиваю, где – туман? – обратилась к моему герою дама.

Она, вероятно, пришла немного раньше, потому что в комнате пахло рижским лаком для ногтей, духами «Агат» и ещё чем-то то ли болгарским, то ли французским. Миловидное личико с негодованием вопрошало Затюкина. Но Затюкина в данный момент более волновало другое. Он наивно-заинтересованно заскользил взглядом по бёдрам своей собеседницы, которые были упакованы во что-то необычное, но фирменное. «Бешеные деньги», – подумал, было, Затюкин, но мысль его была прервана новым восклицанием молодой дамы.

– Где потепление, где туман? За что им там деньги платят?!..

Она, видимо, ещё хотела что-то сказать, но Затюкин, более неожиданно для себя, чем для неё, начал нечто говорить извиняющимся голосом.

– Наталия Константиновна... Вы... Я... но как сказать... Скажите, а вот эти брючки, как называются? Ну, я хотел спросить, это что, и есть те самые «варёные», о которых вы, давеча, по телефону говорили?

– Они, они. Ах, как вы оригинальны, Затюкин, даже в таком деле как комплименты дамам! Я люблю вас, Затюкин, в вас нет банала! – она уже потянулась поцеловать смущённого инженера, но непредсказуемая её мысль продолжала работать. – А самое главное, что эта прелесть досталась мне совсем даром – всего сто пятьдесят. Вы не поверите, это счастливый случай! Только я подумала...

Затюкин так и не узнал, что же подумала Наталия Константиновна, потому что зазвонил телефон, и его вызывали. Вызывать могли только Затюкина, потому что Наталия Константиновна была женщиной практичной и совсем неглупой. Выполняли они с Затюкиным одну и ту же работу. Но она сумела поставить дело так, что все, кому нужны были её услуги, приходили к ней и оставляли свои бумаги. А начальство само заглядывало к ней и, что надо, подписывало. Она всем улыбалась лучезарною своею улыбкою и непременно вводила в мир самых последних печатных и непечатных событий. На неё нельзя было не то, что повысить голос, но и нельзя было в душе осердиться. Более того, многие начальствующие персоны с удовольствием заходили к ней просто так, наоборот, даже используя предлог спросить лишний раз: «Нет ли чего для подписи». И всем, всем она была рада. Она могла помочь страждущим подписать любую бумагу у самого грозного и непробиваемого чинуши, будь он в самом что ни на есть скверном расположении духа. Все были влюблены в Наталию Константиновну, и мужчины, и женщины, все по-разному, но все – очень.

Совсем не то было с инженером Затюкиным. Ему постоянно кто-то что-то выговаривал, выражал недовольство. Он мог пробегать за день десятки километров с одною и тою же бумажкою, так и не подписав её. Он всегда видел перед собою либо спины, либо закрытые двери. Но больше всего он вредил себе тем, что время от времени рождал очередное изобретение, в котором никто не мог (читай – не хотел) разобраться. Всеобщему раздражению не было бы конца, если бы не Наталия Константиновна, с которою он вместе сидел в одной комнате. Она была его добрым ангелом. Поговаривали даже, что ей

удалось однажды подписать Затюкинские прожекты, правда, без упоминания этой неблагозвучной фамилии. Но Затюкин был бескорыстен, и эта удача открылила его.

Вот и в этот день происходило всё, если так можно выразиться в общем смысле, по расписанию. Ничего особенного. Вот только погода после обеда заметно изменилась. Ветер стих, и как-то сразу потеплело. А немного погода и туман появляться стал. Хотя, пожалуй, было ещё одно событие – получение аванса. Затюкин и забыл бы о нём, да Наталия Константиновна заботливо напомнила ему про аванс. А деньги Затюкину нужны были, денег ему хронически не хватало. Подбежав к кассе, он испуганно стал стучать в закрытое окошко. Оно распахнулось, и у Затюкина даже отлегло от сердца.

– А, Затюкин, небось, денежки не нужны, что не торопишься, никак богатенький стал, – ехидно пропела кассирша. – На, расписывайся!

Затюкин взял ведомость и поглядел на кассиршу исподлобья.

– Здесь только сорок, а у меня всегда сорок пять было.

– Ну, Затюкин, ты точно с Луны свалился. Всем ясно было объявлено. Что взносы теперь бухгалтерия высчитывать будет.

– Ну почему пять рублей?

– Нерадивый ты наш... почему-почему. Для круглого счёту, остаток к получке приплюсуют.

– А-а, ну если так... – бормотал Затюкин, пересчитывая синие бумажки.

– Ну что, все? – хихикнула кассирша и закрыла окошко.

– Все, – вздохнул Затюкин и побрёл собираться домой.

Что и говорить, деньги греют душу. Затюкин медленно шёл по улице и отважно присматривался к витринам магазинов. Он даже зашёл и купил пачку бутербродного масла, а потом, проходя около «Даров природы», растратился на баночку мёда. «Ну и что, два двадцать, десять копеек баночка, баночку можно сдать. Что же это я, с аванса ничего для Дунечки и купить не могу?»

Дунечка. У инженера Затюкина была Дунечка. Нежная, любимая. Он любил её без памяти, стыдясь своего возвышенного чувства. Он любил смотреть на неё, когда она, сидя у лампы, зашивала себе чулки, когда гладила бельё, игриво поглядывая на него, когда подолгу стояла под душем, тихонько смеясь ему, когда он приносил ей полотенце или банный махровый халат. Надо отметить, что она была немного рассеянной и почему-то всегда что-нибудь забывала. Но Затюкин и сердиться-то на неё не мог, он покорно шёл перебирать её бело-розовый хаос, отыскивая что-нибудь непременно шёлковое, или непременно с кружевами. Затюкин понимал, что он не достоин её.

Он отдал бы всё на свете, чтобы Дунечка его полюбила так же сильно, как он сам её любил, чтобы она, наконец, гордилась им. Но нет, нет, он не достоин её. Хотя она вот уже два года была его верной женой и не раз шептала ему «любимый», Затюкин понимал, что это только мгновенное снисхождение к нему. Настолько мгновенное, что даже тюльпаны цветут многократно дольше. Он ясно давал себе отчёт в том: что его умная, красивая и заботливая жена несравненно выше его во всём, кроме... Но об этом «кроме» немножко попозже. Сейчас только замечу, что это вот «кроме» и поднимало его в его собственных глазах, скажем так, на достаточную высоту. Здесь же необходимо сказать несколько слов о Дунечке, жене и предмете любви инженера Затюкина.

Пухлый бело-розовый младенец покорила всех ещё в роддоме. У девочки были тёмные волосики и большие чёрные глаза. А голос, у неё тогда уже был не крик, а голос, он был тёплым и мелодичным. Такому ребёнку нельзя было

давать обычное имя. Совет бабушек решил, что девочка должна стать Далилой. Откуда, почему, сейчас и выяснить уже нельзя по причине смерти обеих старушек. Но имя всем понравилось. Даже в ЗАГСе не спорили долго.

Однако же, когда девочка подросла, она стала избегать своего имени и сама себя называла Дуней. Мать очень сердилась не неё за это. Но Дуня была не только красива, но и упряма.

Может быть, именно Дунино упрямство и сыграло роковую роль в судьбе инженера Затюкина. Когда ему среди своих бывших однокурсников случилось быть в доме Дунечки на свадьбе своего единственного друга Феди и старшей Дунечкиной сестры Татьяны, он, к своему ужасу или, может быть, избыточно сильному желанию, оказался за столом рядом с Дунечкой. Несомненно, с первой же минуты его поразила её красота. Он не сводил с Дунечки своего восхищённого взгляда весь вечер, на что Татьяна вовсе безобидно заметила:

– Ой, Федя, погляди, скоро и друга твоего в ЗАГС отведут!

– В рай, в ад, в ЗАГС – куда угодно, только вместе! – захлёбываясь от переполнявших его чувств, изрёк Фёдор. О, благие порывы.

Негромкие Татьянины слова были всё же услышаны Дунечкой. Она вся так и вспыхнула, но, однако же, встала и громко сказала, наверное, и сама не понимая – зачем.

– А вот возьму и отведу.

Мать Дунечки, зная дочернее упорство и с ужасом поглядев на неказистого от собственного смущения Затюкина, тихонько зашептала своей младшей любимице:

– Что ты, Далилочка, что ты говоришь, да ты посмотри на этого замухрычичика! Брось глупости, я тебе джинсы куплю.

Однако своим испугом она только подлила масла в огонь, который, быть может, не обрати на него никто внимания, погас бы сам собой. Но слово произнесено и, как верно кем-то было замечено, его уже никому не дано поймать. Дунечка, а не Далилочка, поджала губки и ещё громче, очень твёрдо произнесла.

– Джинсы из моды давно уже вышли, мамочка. Не хочу джинсы. Я его хочу. И мы завтра же пойдём в ЗАГС. Вот встань и скажи мамочке, – обращаясь уже только к Затюкину, но также громко продолжала Дунечка, – что мы завтра же пойдём в ЗАГС.

Целый компот чувств раскипелся в душе Затюкина: восхищение, трепет, страх канатоходца, работающего без страховки, стыд за то, что он не так высок и красив, как его друг Фёдор.

Хотя, впрочем, честно говоря, он был не то, чтобы красавцем, но была, была в нём какая-то чисто мужская красота. Не та красота смазливых мальчишек, которая сводит с ума девчонок и пожилых дам и которая даётся всего на несколько лет, а потом плавно переходит в обрюзглые овалы. Другая красота, когда мальчишки-подростки вдруг, однажды, из гадких утят превращаются в белых лебедей, да нет же – в кречетов, и уже мужественные их тела остаются такими до самой смерти.

Тонкий орлиный нос Затюкина, казалось, ещё больше заострился, губы от напряжения сжались, глаза засверкали. Клянусь, он был красив в эту минуту!

Он был похож на Александра Македонского перед атакой, разве что сидел на стуле, а не на вставшем на дыбы боевом коне. Мгновение. Так быстры потоки мыслей, что, кажется, будто время остановилось. Нет, Затюкин не боялся

ответить «да», он боялся, что это – сон, обман, боялся скандала на свадьбе друга и, всё-таки, он уже решился на эту дерзость. Мгновение молчания показалось слишком долгим и Дунечке. Она под столом повелительно-тихонько толкнула ножкой в австрийской с бантиком тифельке сидящего рядом Затюкина. Он же, ошалев от прикосновения этого божественного существа, вскочил и решительно произнёс:

– Мы завтра же, непременно пойдём в ЗАГС.

Ответом ему был громовой хохот Фёдора.

– Ну ты, Тюка, даёшь, завтра же воскресенье! Кто же в воскресенье у вас заявление примет?

За столом опять воцарилось веселье. Как нельзя кстати кто-то включил музыку и молодёжь вскочила танцевать. «Рашен лавер Распутин» – вместе с каким-то басовитым исполнителем выкрикивали гости.

Казалось, вот и обошлось. Но Дунечка была не такова. Она не была бы Дунечкой, если бы не довела дело до конца, то есть до ЗАГСа. Да и Затюкин был, в общем-то, парень не промах. Одно слово – кречет. Уж если на то пошло, так родись он в другое какое время, может, и был бы он Спартак или Александром Македонским. Но, увы, увы... Хотя до свадьбы он не чувствовал себя в чём-то ущемлённым. Он был уверен в себе, регулярно ходил в спортзал и в «Лазню». Не знал он тогда, что для мужчины и тем более для мужа ничего нет унижительней низкой зарплаты.

Муж, мужчина, несёт своей возлюбленной сорок рублей. Да нет же, не сорок уже, а тридцать семь рублей с копейками. Не бриллиантовые россыпи, не море цветов, не французские духи, наконец, а тридцать семь рублей с копейками. О, как это унижительно. Он был готов за такое унижение вызвать на дуэль весь мир, но... Хотя Дунечка не корила его за маленькую зарплату, но как ему горька была её искренняя радость, когда ей удавалось купить банку тюльки. «Почему?» – думал Затюкин. – «Почему?»

Вот тут и возникает то самое «кроме», потому как он смел догадываться, что он не совсем заурядная натура, что он бы мог быть более полезен обществу и соответственно получать немножечко больше от него. Мысли его естественно переходили в другое русло – широкое, свободное. Думал он о том, что не может коллектив создать чудо-чип. Нет, это какой-нибудь Циолковский придумывает эти штучки. Но даже имени ЕГО никто не знает. А ведь какая лёгкость мысли! Затюкин рисовал в воображении портрет этого гения компьютерной техники, а потом пытался быть на него похожим. Когда он брал в руки очередную импортную новинку, когда изучал втихую от начальства её возможности, он уже каким-то своим особым чутьём понимал: «Это ЕГО работа». Или же: «Нет, не ЕГО, это – бездарно». Он исследовал всё новые и новые схемы с каким-то нечеловеческим азартом. Он следил за движением ЕГО мысли. Он разгадывал ЕГО. Он хотел постичь ЕГО тайны, и начинал понимать их. Да, если этот некто ОН был Циолковским, то Затюкин считал себя уже Королёвым. А они, они, эти чинуши, поворачиваются к нему спиной и закрывают двери. «Пускай, – думал Затюкин, – пускай! Придёт же когда-нибудь и мой звёздный час, и мне нужно встретить его с достоинством. Нужно быть всегда готовым к своему звёздному часу»... Звёзды. Совершенно естественно Затюкин переходил и к звёздам. У него было своё мнение и по поводу чёрных дыр, и по поводу теории относительности и ещё, ещё... А Эйнштейна Затюкин не уважал. То есть не то, чтобы совсем не уважал, но уважал меньше, чем полагалось в соответствии с имеющимися в учебниках дифирамбами. Да и за

что его было уважать? За формулу связи энергии с массой? Ну так её же ведь задолго до него Оливер Хэвисайд вывел, ещё этот малоизвестный англичанин и телеграфное уравнение вывел, да и два провода мы скручиваем тоже по Хэвисайду. Нераскрытая личность. А этот радикал в теории относительности! Так его же Лоренц записал.

А почему они этой ерунды про близнецов и укорочение размеров не наплели, так это потому, что они знали, что из чего получается. Они знали, что результат данного физического опыта есть результат данного физического опыта, и проведённого, причём, во вполне определённых условиях. А вот если абсолютизировать результат этого опыта, да ещё и абстрагироваться от конкретных условий его проведения, то можно и до близнецов договориться. Странно как-то, вот когда мы телевизор смотрим, и у нас изображение сжимается, или ещё как-нибудь там искажается, мы же не говорим о «сжатии диктора» или о «растяжении вектора времени». Все знают, что диктор пребывает в собственных размерах и время на его часах такое же, как и у нас. Происходит искажение информации о дикторе из-за различного рода помех, а то и из-за неисправностей в телевизоре. Будьте спокойны, ваш близнец умрёт примерно в то же время, что и вы, будь он даже на какой-нибудь Альфа-Кентавре. Но вот информацию о его смерти вы действительно не получите, а получат её ваши потомки.

А этот Козырев-недоучка со своими «векторами времени»! Да и недоучки же ему и отвечают. Наверное, и первоисточников не читали никогда. А если и читали, то не разобрались. Кишка тонка. Эксперимент – дело серьёзное. Чтоб теорию хорошо знать, сначала нужно хотя бы самому экспериментами заниматься, да не просто экспериментами, а их обработкой. А то, ишь ты, гироскопчик крутит, водичку льёт в термос и нате: «вектор времени сжимается», «вектор времени разжимается». Ух ты! А вот если поставить рядом песочные часы и маятник с металлическим шариком, да магнит поставить рядом. Шарик к магниту прилипнет, а песочек будет сыпаться. Что же это получается, раз маятник не качается, так и время остановилось?

Да для любого вида часов можно найти условие их остановки. Вот, скажем, человек может жить лишь при определённой температуре тела определённое количество лет. Вариации этих параметров не так уж велики. А вот в ледниках находят микроорганизмы, которым несколько тысяч лет. Вот и получается, что время своё они при определённых условиях растянули. Да и вообще, любая физическая величина, будь то время или гравитационная постоянная, определяется только по некоторому изменению каких-либо физических объектов или их состояний, да ещё посредством некоторого информационного носителя, который сам является физическим объектом. Вот и получается, что у каждого объекта своё время, да к тому же не всегда это время можно сопоставить со временем принятого за эталон объекта или процесса. И проч., проч.

От этих мыслей лицо Затюкина светлело, нижняя губа становилась толще и мягче, расплываясь в улыбке. Он вновь становился красив и уверен в себе.

В кармане его лежал аванс в размере оставшихся тридцати семи рублей с копейками, а в дипломате лежала пачка бутербродного масла и маленькая, но приятно тяжёлая баночка мёда. Впрочем, в таком приподнятом настроении он не замечал не то что веса дипломата, но и своего собственного. Он парил в пространстве, как горный орёл над тщетностью мира.

Приятно щекотало его самолюбие осознание того факта, что он, Затюкин, разгадал загадки гравитации. Да-да, и в этом вопросе Затюкин был на высоте.

Необходимо сразу же заметить, что он не признавал гравитонов, он считал их досужей выдумкой недоучившихся теоретиков. Увы, к своему стыду, должна я заметить, что герой мой был невысокого мнения о теоретиках. Именно их верхоглядству и непониманию сути экспериментов он приписывал появление на свет таких химер, как гравитоны, чёрные дыры и проч., проч. Он был твёрдо убеждён, что сила тяжести есть проявление электромагнитных свойств физических тел. Он даже рассчитал гравитационную постоянную, исходя из своей теории. Нет гравитонов. Есть диполи. Как всё здорово совпадало с его теорией, основанной на знании эксперимента и на здравом смысле.

Кстати, и гироскопчик Козыревский с термосом он рассчитал по своей теории, чудно получилось. Всё совпало. Гироскопчик крутится, значит, движутся заряженные частицы, есть изменение электромагнитного поля, вода льётся холодная в горячую – обмен излучением, тоже возмущение электромагнитного поля. Вот эти-то поля и взаимодействуют друг с другом и с несравненно большим по величине полем Земли. А главное, граммы эти получились. Порядок совпал. Но вот и новая загадка встала перед Затюкиным. Как же при смешении холодной и горячей воды происходит обмен энергией от «горячей» молекулы к «холодной». Как изменяются энергетические уровни? Вопрос. Интересное явление. Что если его в компьютере использовать? Ну, например, в памяти... Ох, дух захватывает! А вот и подъезд.

Около подъезда стояла Варвара Никандровна – местная долгожительница и энциклопедия одновременно. Она была чем-то очень взволнована и кого-то ругала на чём свет стоит. Стоявшая рядом с ней миловидная женщина по имени Галина, недавно родившая, наконец, мальчика после четырёх девочек, невольно вынуждена была слушать разошедшуюся старушеницу, так как не могла отойти от детей. Проскользнув мимо них, Затюкин весьма вежливо поздоровался и даже улыбнулся.

– День добрый, милок, день добрый, – зашипела Варвара Никандровна. – Да только какой же он добрый? Слыхал, бури-то какие? Маг-нит-ные! Голова будто в обруче железном. Таблетки не помогают. Нечиста сила этта бури крутит. Не добрый день этта...

Затюкин ещё раз улыбнулся наивной старушенице и мягко закрыл за собой дверь. Какой-то вот только червячёчек поселился вдруг в его нежном сердце. Так и застряли в его мозгу слова эти глупые: «Не добрый день этта...»

Затюкин медленно поднимался по лестнице. С каждой ступенькой улетучивался его счастливый вид и вместе с тем его красота. С каждой ступенькой его дипломат становился тяжелее, и всё более втягивалась в плечи его голова. Невыносимой душевной мукой становились тридцать семь рублей с копейками, эта сумма именно своей малостью жгла его сердце. Тяжело было Затюкину, непостижимо тяжело. Он уже представлял натянутую Дунечкину улыбку, вот уже год как застывшие бархатные глаза и лёгкий наклон головы, означавший: «Заходи». Вот её светло-русые волосы (а надо отметить, что ещё в школе её тёмные волосы начали светлеть и из тёмно-каштановых превратились в светло-русые, хотя это обстоятельство только лишь усилило привлекательность Дунечки) упали с плеча, вновь собравшись в упругие локоны. Вот она устало прошла на кухню своей милой походкой ленивой кошки. И она действительно устала, Затюкин знал это, потому что тоже пришла с работы, но уже успела приготовить ему, Затюкину, ужин.

Отдел библиотеки, где работала Дунечка, был бойким местом, ни о каком, даже о минутном, отдыхе не могло быть и речи, заведующая строго следила

за работой своих сотрудниц. Но Дунечке нравилось работать среди книг, хотя библиотечный институт не давал возможности получать приличную зарплату. Оклад у неё был немного меньше, чем у Затюкина, всего на десять рублей, но эта десятка была очень важна для них: она всё-таки спасала мужскую честь Затюкина.

Вот с такими мыслями и подошёл Затюкин к своей двери. Но что-то вдруг поразило его. Несомненно, это был запах котлет. Несомненно, он исходил из его квартиры! Чёрный червячок зашевелился в сердце, смутные догадки тяжёлым бременем опустились и легли на душу. Почему котлеты? Сегодня же пятница, по расписанию должна быть тюлька, он сам её вчера купил. Может быть, он забыл какую-нибудь дату? Нет, ничего не мог он вспомнить. Будто очугунела рука, тянущаяся тревожно к звонку. Растаяли и следы его возвышенных звёздных мыслей. Чёрные дыры превратились в облачка сигарного дыма и тоже растаяли. Вот уже совсем другой Затюкин стоял перед своей дверью. Неуверенный в себе, пристыженный самим собою, укоротившийся вдруг на целых двадцать сантиметров! Звонок больно отозвался в сердце Затюкина. Но никто ему не открыл. С тревогой нажал он на ненавистную кнопку ещё и ещё раз.

Вот шаги. Но только что-то не то, кто-то ещё идет за ней. «Может, подруга?» – промелькнула спасительная надежда. Но нет. Дверь распахнулась, и он увидел стоящую за спиной Дунечки свою тётку. Ох, как ненавистна была ему эта женщина! Ещё с самой их первой встречи в этом бренном мире. Затюкин медленно вошёл, улыбнулся каменной своею улыбкою, которой он только и мог улыбаться своей тётке. Он был горд. Он был беден, но горд. Именно поэтому как-то по особенному горд, что беден. Тонкие сжатые губы и римский профиль Затюкина выражали непоколебимую твёрдость духа. Он не поцеловал свою жену, но и она не предприняла попытки поцеловать его.

– Может быть, ты, всё-таки, здороваешься с мамой? – растерянно начала Дунечка, но Затюкин неожиданно прервал её.

– Котлеты по пятницам могут подорвать наш семейный бюджет.

Тётка, весьма поражённая неучтивостью зятя, резко развернулась и с достоинством удалилась на кухню. Дунечкино лицо изобразило боль и ужас, а взгляд, сразивший Затюкина своей холодностью, был полон негодования. Да, я понимаю Дунечку. Но ведь и Затюкина, я думаю, поймут очень, очень многие.

О, если бы не присутствие этой ужасной женщины, Затюкин бы знал, что ему делать. Он бы нежно, но сильно обнял свою Дунечку, он бы расцеловал её и продолжал бы целовать до тех пор, пока она не стала бы отвечать ему на его ласку. Он бы взял её на руки, наконец, и отнёс на диван. А Дунечке нравились его мелкие шалости, она, смеясь, отбивалась бы от него. Особенно ей нравилось, когда он кружил её на руках по комнате. Тогда она крепко обнимала его за шею и тихонечко покусывала ему ухо от восторга. Волосы её, казалось, разлетались птицами по всей комнате, то распрямляясь, то вновь скручиваясь в упругие золотистые локоны.

Только присутствие этой страшной женщины сдержало Затюкина.

– Ты... Ты – жестокий, – всхлинула Дунечка и ушла на кухню.

Увы, в этот момент Дунечка не была Дунечкой, она была Далилой.

Затюкин, сжав зубы и скрепя сердце, разделся, вошёл в комнату и бухнулся в кресло. Злой, голодный, обиженный он сидел и уже в сотый раз перечитывал о наступившем потеплении и о циклоническом характере погоды. Но вот в его поле зрения попала заметка о магнитных бурях, и он, было, зачитался

ею, как вдруг из кухни донёлся Дунечкин смех, больно уколотивший его. Он вспомнил, что в дипломате лежит баночка мёда и пачка масла. «Масло!» – пронзила Затюкина внезапная мысль, – «Масло растает!». Необходимость идти в кухню стала терзать Затюкина. «В конце концов, я у себя дома!» – подбадривал он сам себя. С тяжёлым чувством неутраченной ненависти к этой ужасной женщине достал он из дипломата действительно начавшую таять пачку бутербродного масла и побрёл на волшебный запах котлет.

– Татьяне так идут эти «варёные»! – услышал он тёткино восклицание, подойдя к двери в кухню.

«Опять “варёные”», – испуганно подумал Затюкин. «Всего сто пятьдесят, почти даром! Мне так повезло!» – прозвенел в его ушах голос Наталии Константиновны, и тридцать семь рублей с копейками больно обожгли его самолюбие в том месте, где располагается карман.

Затюкин с отчаянным упрямством рванул на себя дверь, и обрывки фраз повисли в наэлектризованной тишине. Молча, с достоинством главы семьи положил он масло в морозилку. Более того, он решился на дерзость: волшебный, чесночно-пряный запах необыкновенных Дунечкиных котлет раззадорил его.

– Дуня, когда ты думаешь кормить своего мужа? – произнёс он сухо, но как-то по-особенному сделав упор на словах: «Дуня» и «мужа».

Тётка, неожиданно вспыхнув, вскочила с места и, несколько раз отчаянно шевельнув ртом, наконец, всё-таки прокричала с чувством:

– Далила! Моя Далилочка! Он называет тебя Дуней?! Он смеет называть тебя Дуней!?

Она повернулась, отшвырнув в бешенстве табуретку, и ринулась к двери вперёд всю свою пышную грудь. Дунечка бросилась за ней.

– Ты – Далила! Далила!! – с искренним негодованием восклицала Затюкинская тётка. – А он – Затюкин! Затюкин!! – с остервенением кричала она, будто вытянутым указательным пальцем размазывала по стеклу сонную замешкавшуюся муху.

Через мгновение, даже не глянув на себя в зеркало, не застегнув полы шубы, держа шапку в одной руке, а перчатки в другой, она выскочила на лестницу, ногой захлопнув за собой дверь. Дунечка ткнулась отчаянно в мягкую дверную обивку «под дерево» с золотыми кручёными ниточками, протянувшись от одной жёлтой шляпки к другой. Отчаянно же ударила по ней своим кулачком, затем, резко повернувшись, отчаянно направилась к своему обидчику.

Он, то есть обидчик, стоял около плиты, спиной к двери и, согнувшись вопросительным знаком, отправлял целиком в рот ароматную котлету, с которой свешивались луковые колечки с капавшей на плиту подливкой. И полное негодования Дунечкино сердце смягчилось. Какие-то неподдающиеся описанию законы женской логики заставили умилиться нежное Дунечкино сердце и сжалиться над своим мужем. Он же, ещё не уловив перемены в настроении жены, окаменел вместе с котлетой, уже приятно щекотавшей язык.

– Ну ты же опять не вымыл руки! – совсем без гнева в голосе неожиданно для Затюкина произнесла жена.

Он, запихав всё же котлету в рот, медленно, не веря ещё доброму расположению жены, распрямился и, удивлённый, побрёл в ванну мыть руки.

Во время ужина Затюкин сидел какой-то прибитый, ожидая очередной «накачки» после посещения этой ужасной женщины. Но никаких выпадов в его адрес со стороны жены не было. А когда Дунечка заварила чай, он очень

кстати вспомнил про мёд, так что Дунечка его даже поцеловала. После этого он совсем отошёл от стресса, приободрился, и в его душе возник целый поток привычных мыслей, оглушивший его подобно Ниагарскому водопаду. Всё было в нём: нежная любовь к жене, восхищение ЕГО гениальностью, расширяющаяся вселенная и его собственная, Затюкинская, теория гравитационного взаимодействия, а также многое, многое другое, о чём я, не желая раздражать читателя, упоминать не буду.

Умиротворённый и даже довольный жизнью, он помог супруге убрать в кухне и вымыл посуду. Разомлев от неживших его мыслей и неожиданного шикарного ужина, Затюкин погрузился в своё кресло напротив телевизора. Дунечка вошла в комнату за ним, включила телевизор, чтобы не пропустить «Сегодня в мире». Это была любимая их передача. Дунечку интересовало буквально всё: в каком платье сегодня выступает Корасон Акино, как это Тэтчер удаётся обаять английских львов своей новой причёской, что носят в Париже, как одеты итальянские женщины и многое, многое другое. Затюкина же интересовала техническая сторона: что где изобрели, какие новинки создали эти пресловутые корпорации, он даже пытался по внешнему виду определить некие секретные свойства этих новинок, но дизайн, хотя и отображал некоторые свойства, но чаще элегантно скрывал их. Он жадно всматривался в лица представителей корпораций, а вдруг промелькнёт на экране ЕГО лицо, вдруг... Хотя он прекрасно понимал, что личность этого ЕГО должна быть ещё большим секретом, чем ЕГО деяния. Он завидовал и вместе с тем не завидовал ЕМУ. Великий НЕИЗВЕСТНЫЙ, быть может, тоже получал маленькую зарплату, а работать ему приходилось под неусыпным контролем боссов, боясь, кроме того, быть похищенным их конкурентами. Многие отдал бы Затюкин, чтобы познакомиться с НИМ. Он чувствовал, что они очень похожи, что они – родственные души, хотя понимал ЕГО превосходство.

Дунечка села на колени к мужу и обвила его шею своими тонкими, но сильными руками. В этом доме наступил мир и покой. Тихое, ленивое счастье забралось в душу моему герою. Только... Ах нет, не могу, у меня больше нет сил.

Отступление

Отпустите меня, ведь вам так хорошо вдвоём. Остановите это мгновение! Ну хотя бы дайте мне передохнуть немного! Вот уже вторую ночь вы не даёте мне уснуть. Днём я ещё могу отвлекаться, побродить по улицам, потолкаться по магазинам. Поглядеть на газетные киоски. Но нет, вон у книжного прилавка мелькнула чёрная лисья шапка, из-под которой выплеснулись золотистые локоны. Печальные тёмные бархатные глаза обожгли моё сердце. Далила! Ты и днём не даёшь мне покоя. Мне не уйти от тебя. В море лиц я ныряю на улицу, чтобы скрыться от тебя. Но вдруг навстречу мне идёт двадцатипятилетний старичок. Ну что ты, Затюкин, не горюй! У тебя же есть звёзды! У тебя есть ОН, у тебя есть Дунечка, ты несметно богат, Затюкин. Выше голову, где твои звёзды?

Вот и вечер, туман светится неоновым светом. Пора домой, но я боюсь, боюсь оставаться одна. Я знаю, они снова ворвутся ко мне ночью и не дадут мне покоя. Вот и вторая бессонная ночь на исходе. Вы, вы сами требуете, чтобы я продолжала. Вы так жестоки, а ведь я вас люблю. Ну, что же, я продолжаю.

Итак, Затюкин и Дунечка смотрели телевизор. Не только смотрели, но и даже успевали поцеловаться между репортажами, пока обозреватель смотрел на них негодующим взглядом. Правда, его негодование было адресовано расистам ЮАР, но супруги несколько смущались его прямого взгляда и отворачивались или закрывали глаза.

– Ах! – восклицала Дунечка, – какая прелесть, это настоящий африканский батик, ты посмотри какие павлины, как я обожаю африканский фольклор! Какие краски, никакой химии, учти, феноменально! Ой, ну куда же его потащили-то бедного, прямо в машину!

Репортаж из ЮАР на этом оборвался, обозреватель стал что-то говорить о магнитных бурях, а супруги вновь поцеловались. Вот только этот, нынешний червячёчек зашевелился в сердце у Затюкина. «Не добрый вечер этта... – прогнусавил голос Варвары Никандровны. – Бури-то какие?! Магнитные!»

– А сейчас необычный репортаж, – с улыбкой проговорил обозреватель.

На экране появилась какая-то пушистая очаровательная зверятина, а директор то ли английского, то ли американского национального зоопарка с восторгом говорил о невиданном в истории случае появления потомства этой зверятины в неволе. А что же остаётся, не вымирать же! Под неумолчный клёкот кинокамер он взял в руки очаровательный мягкий комочек и стал взахлёб рассказывать о трудностях ухода за этим прелестным малышом.

Дунечкины глаза погасли. Печальку изобразило её лицо. Затюкин знал причину её печали. Но неужели она, всё-таки, не понимает его. Молчание было зыбким. Затюкин не выдержал.

– У меня сегодня аванс был. Вот, возьми, – деланно безразличным тоном произнёс он, протягивая деньги.

Дунечка встала, аккуратно пересчитала деньги и, вздохнув, положила в секретер. Гораздо было бы лучше, если бы она принялась причитать, кричать, ругать мужа за неспособность заработать деньги. Однако же она знала, что разрешение на совместительство у него на работе никому не выдавали, и Затюкин не был исключением, что муж её был до щепетильности честен и поэтому закон для него был свят. Дунечка уже почти смирилась с финансовой реальностью, лишь только при получении очередного аванса или зарплаты не могла пока ещё сдержать вздоха. Более того, эти вздохи становились какими-то уж очень тяжёлыми и безысходными. Невыносимую боль терзали они нежное сердце Затюкина.

В этот раз Дунечка что-то слишком долго задержалась у секретера. Затюкин обернулся и увидел, что по её лицу бегут слёзы. Она хотела было отвернуться от него, но было уже поздно. Дунечка почувствовала это и вдруг с вызовом посмотрела на Затюкина.

– У Татьяны уже сыну год, и «варёные» ей муж купил, – проговорила она с несвойственной ей какой-то чужой интонацией.

«Вот они, обнаружили-таки плоды посещения тещеньки», – обиженно и даже со злостью подумал Затюкин. Он знал, что происки этой ужасной женщины всегда направлены на самое больное. Нежный, добрый, ласковый, ни разу не прошедший по растущей на газоне траве, Затюкин готов был убить это чудовище. Неожиданно возникшая на его лбу жёсткая вертикальная складка превратила его лицо в трагическую маску.

– Дунечка, младенцы же не едят тюльку! Чем же мы его кормить будем, сыночка нашего?

– Ах, Затюкин! Деточек грудным молочком кормят!

Нет, не мог даже представить себе Затюкин, что самое дорогое для него и его бесконечно любимой женщины существо должно будет мучиться в этом мире подобно ему. Что перед ним будут закрываться двери, и к нему будут поворачиваться спиной. Что и ему придётся терпеть унижение, стыд перед любимой женщиной. Нет, не мог Затюкин обречь своего ребёнка на такое мучение. Не мог. Уж слишком у него была нежная душа.

А тяжёлая международная обстановка! А нарастающий дефицит продуктов питания! Затюкин чувствовал себя беспомощным в этом жестоком мире, и чем больше он бился и трепыхался безо всякого результата, тем ещё беспомощней он чувствовал себя. Да, может быть, и проживёт он, мучаясь и любя свою маленькую жизнь, и хватит ему на его век и леса и озёр, но ведь он умрёт, уйдёт из жизни как дезертир, оставив на переднем крае самое дорогое ему существо. Но как, как всё это объяснить Дунечке. Да неужели же она и сама не видит, что среди современных школьников и наркоманы уже есть, да и всякая всячина, о чём с ужасом в своём гнусавом голосе довольно-таки регулярно повествует Варвара Никандровна. Этот мир, увы, не становится лучше. Зачем же кого-то обречь на жизнь, мучительную жизнь на зыбучих песках жёсткого века экологических и социальных катастроф? Для того, чтобы покатасть по двору красивую коляску, чтобы позабавиться с малышом? А что, что с ним будет потом, он же не игрушка, о которой можно забыть. Да отдаёт ли себе Дунечка отчёт в своих желаниях?

– Но Таня с Федечкой ведь как-то живут! – не ощутив и не поняв сложных душевных мук своего мужа, продолжала, всхлипывая, Дунечка.

– У Федечки папа – замдиректора по науке, и он не забывает о своём сыне. Да и Таня не в библиотеке работает, – раздражаясь непониманием жены, процедил сквозь зубы Затюкин.

– Ну хорошо, а как же Галина, у неё же пятеро детей! – повторяла Дунечка заученные уже вместе с маменькой фразы.

Вот он смысл, а скорее бессмыслица тётчиной обработки. Вот они зачем, котлеты-то. Всё у них уже продумано было. Ударила блажь в тётчину голову, а теперь вот терпи. А ведь она сама, случись что, и рублём не поможет, да и первого внука она только по телефону любит. Языком только молоть может, жену смущать. Спокойного нрава был мой герой, тихого, я бы даже сказала кроткого. Но кто же такое сможет вынести?

Знай наперёд, к чему приведёт всё это, может быть, он и сдержался бы. Да знал бы, где упадёшь – соломку бы постелил. Эх, жизнь. Вот и не выдержал Затюкин, взорвался. Тонкие губы его сделали ещё более тонкими, он решительно встал, безумно зажестукировал и почти закричал (это на Дунечку-то!)

– А вот ты пойд и спроси, каково ей столько детей кормить?! Вот пойд и спроси. Пойди и спроси... – и уже как-то обиженно и неуверенно ещё раз повторил. – Пойди и спроси.

Дунечка, никогда не видевшая своего мужа в таком экстазе, ошалело глядела на него несколько мгновений, но потом, будто очнувшись, вздрогнула, сорвалась с места и прямо в халатике выскочила из квартиры, хлопнув дверью. Да, надо отметить, что характер у Дунечки был ещё тот.

Оторопевший Затюкин застыл на месте в неопишуемой позе. Таких ссор у них ещё не было. Он не знал, что делать.

– Дунечка! – взвыл он прямо-таки по-волчьи и бросился к двери.

Нет, он не догнал её. Дверь Галины безапелляционно захлопнулась у него перед носом. Беззвучно рыдая и дрожа после бега, он медленно поплёлся домой. Ему оставалось только надеяться, что Дунечка успокоится и простит его. Она добрая, милая, она отходчивая, она выше меня во всём. Это я, я недостойн её, самому себе отвратителен. Не кошки, леопарды впивались когтями в эту измученную, истерзанную душу.

Закрыв за собой дверь и сев прямо на коврик в прихожей, Затюкин в бесплодном гневе своём на кого-то бил кулаками о пол. Зачем это всё так, зачем? Ну выиграть бы что ли в лотерею! Ну продать бы что-нибудь! Да нечего.

– Разве что душу, – горько усмехнулся он. – Хоть сам вот возьми, да пойд, сдайся в комиссионку. Да не примут ведь. Кому такой нужен...

Тяжёлый, мучительный монолог этот вдруг был прерван каким-то непонятным шумом в комнате. Затюкин вошёл в комнату.

То, что он увидел, поразило размягчённый его мозг, как удар молнии среди зимы. Поражённый, он не мог прийти в себя. Шторы вместе с тюлем взвились к потолку, необычайно сильный порыв ветра ворвался в комнату, натворив в ней изрядного беспорядка. Газеты смело на пол, да и другие бумаги не остались на своих местах. Шторы, видимо, с порывом сильного ветра, смели на пол цветочные вазоны, так что керамические черепки вместе с землёй и поломанными цветами лежали у окна. На улице вновь поднимался, завывая, ветер. Но это – детали. Главное же то, что в комнату через балконную дверь пытался влезть какой-то толстяк. Одна половина его была уже в комнате. Пыхтя, втягивая в себя живот, помогая себе руками и ногами, медленно, но верно втаскивал он вторую половину. Наконец старания его увенчались успехом, и перед Затюкиным предстал солидный мужчина лет этак сорока, в волчьей шапке, в дублёнке, серых брюках, заправленных в сапоги. Одежда его выглядела не очень опрятно, хотя было видно, что вещи все были очень дорогие.

В левой руке у него был «дипломат». Вообще, он производил впечатление старшего научного сотрудника, вернувшегося из командировки после подписания процентов. Вот только лицо его было каким-то незапоминающимся, однако, если говорить по совести, весьма добродушным, хотя и насмешливым. Глянув снисходительно на Затюкина, он хихикнул и прошагал мимо последнего, окаменело стоящего возле дверей, прямо в кухню, задевая за всё на своём пути и всё же сметая. Ну, например, задев «дипломатом» за стенку, он походя вырвал довольно-таки большой кусок обоев, даже не заметив этого. Зацепившись карманом за дверную ручку, вырвал её вместе с винтами да так, что она сама упала ему в карман. Затюкин же, немного придя в себя, бросился на балкон. Глянув вниз, он очумело отпрянул. Голова закружилась. Закрыв балкон и задёрнув шторы, Затюкин пошёл в кухню. Неожиданный гость его уже и там производил значительный шум. Хлопала дверца холодильника, гремели кастрюли и сковородки. Видно, явившийся незнакомец привык жить на шаромыжку и нисколько не смущался присутствием хозяина. Вот он сгрёб своей пятернёй с грязными обкусанными ногтями две оставленные на утро котлеты вместе с луковыми колечками и картинно отправил их в рот. Затем, вытерев грязную руку прямо о дублёнку, полез в холодильник за тюлькой. Бухнувшись на пластиковую табуретку так, будто бы та была дубовой, он поставил свой «дипломат» на стол и едва уловимым движением открыл пластмассовую плоскую банку. Видя это разорение, Затюкин гневно процедил:

– Я сантехника не вызывал.

На что гость отвечал искренним хохотом. Затюкин, сверкая глазами, стоял в дверях и смотрел, как незнакомец захватывал своими толстыми пальцами в массивных золотых вычурных перстнях с дорогими самоцветами нежные тюлевые тушки по нескольку штук зараз и, искусно работая зубами и губами, вытаскивал изо рта уже только головки и косточки вместе в хвостовыми плавничками. Оторвав от нового, ещё не читанного Затюкиным номера журнала «Микропроцессорные средства и системы» яркую обложку, он складывал на неё тюлькины остатки. Этот факт особенно глубоко ранил Затюкина.

– Позвольте, – начал было весьма сентенциозно Затюкин. Но гость фамильярно перебил его.

– Чего торчишь тут, садись!

Затюкин не хотел садиться, да и неприятно ему было повиноваться этому шаромыжнику, однако же, на удивление самому себе, он смиренно уселся на пододвинутую ему табуретку.

– По душу твою пришёл, – сказанул гость и убийственно весело захохотал.

«Чёрный юмор», – отметил про себя Затюкин.

– Ты вот только сказал, а я вот он, пришёл. Сервис. Вызывали? Извольте! Получите, распишитесь. Хи-хи, – снова захохотал гость так, что прилипший к его бороде тюлькин скелетик затрепетал. – Чего нос от меня воротить. «*Satana sum et nihil humanum a me alienum puto*». Что значит в переводе с латыни: «Я сатана, и ничто человеческое мне не чуждо». Ха-ха-ха...

«Где-то это слышано, или читано», – начал вспоминать Затюкин, и нынешний червячёчек вновь зашевелился в его сердце.

– Может, ты уж и передумал душу-то продавать? А то, как нет, так давай оформим, покуда «наши Машки полетели вверх тормашки», хи-хи...

«Он к тому же ещё и пошляк», – отметил про себя Затюкин. «Это он так о том, что Дунечка убежала».

– Одна ведь такая душа, как у тебя Затюкин, стоит иной раз целого созвездия, – продолжал толстяк, отправляя в рот одну партию тюльки за другой.

«Так ведь он и всю банку очистит», – пронзила Затюкина ужасная мысль. «Доколе же это продолжится?» А дно банки уже забелело.

– Уж больно ты грозен, как я погляжу, – вновь поддел гость хозяина.

– Извольте... – начал, было, вновь Затюкин, но толстяк не дал вылиться его справедливому гневу. Он с любезным выражением на своей физиономии полез в «дипломат», как будто только и ждал этого слова от хозяина, повторыя нараспев: «Извольте, извольте».

На столе появились какие-то бланки на тонкой, почти папиросной, но высококачественной и, вероятно, очень дорогой бумаге. Они были, в общем-то, обычными, почти как в комиссионке, только вчитавшись можно было заподозрить нечто неладное.

– Вы уж не прогневайтесь, – насмешливо-жеманно заелозил толстяк. – Тамошняя бухгалтерия порядок любит. Ихний начальник строг больно. Вот туточки распишись и шабаш, и по карманам, ой, то есть по рукам, – продолжал он, сбившись снова на фамильярный тон.

Затюкин мрачно, с негодованием глядел на грязные, торчащие из засаленных рукавов руки незнакомца, пододвигавшие к нему бланки.

– Ну и сколько же вы там даёте мне за мою душу? – саркастично, с нескрываемым презрением к толстяку выдавил Затюкин, принимая всё это за чей-то очень глупый розыгрыш.

– Восхитительно, прелестно! Затюкин, ты далеко пойдёшь!

– Сколько? – почти злобно прозвучал Затюкинский тенор.

– Сумму назначает клиент, – учтиво проворковал гость.

– Пять тысяч, не меньше, – задохнувшись от осознания своей наглости, выпалил разом Затюкин.

Задыхаясь, толстяк зашёлся от смеха. Временами через издаваемое им шипение прорывались громовые раскаты. Даже средняя пуговица, окаймлённая обтрёпанной прорезной петлёй, вдруг вырвалась вместе в «мясом». Но гость не унимался. Он даже упал с табуретки на колени на пол, двумя руками держась за шапку. И, в общем-то, правильно, так как уже в следующую секунду на его голову упал его же «дипломат». Посуда звенела от его смеха. Да что там посуда, оконные стёкла вылетели, разлетевшись на мелкие кусочки, как брызги шампанского! (Но тут же появились новые стёкла...) Наконец он потихоньку стал успокаиваться, поднялся с четверенек и как-то заполз на табуретку.

– Не буду я на твоей глупости наживаться. Потешил ты меня. – Пиши тут вот: десять тысяч, а тут вот – в месяц. Пищи-пищи, ха-ха-ха, и-и-и! – сдерживая приступы хохота, говорил с любезно-добродушной физиономией Затюкинский гость.

Неизвестно откуда взявшаяся в руках Затюкина ручка сама потянулась к бланкам. Сам же он ошарашенно глядел на неё и на бланки, на которых она его почерком ясно вывела: «Десять тысяч в месяц». И весь текст ясно прочитался ему: «Я, гражданин Затюкин, продаю свою душу за ежемесячно получаемую сумму в размере 10 000 (десять тысяч) рублей до самого последнего дня пребывания моего в этом мире».

«Ну и текстик», – подумалось Затюкину. – И фамилия-то моя уже впечатана. Вздор какой-то».

Толстяк быстро выдернул бланки из-под руки Затюкина, засунул один экземпляр в карман себе, а другой экземпляр в карман Затюкину. Удовлетворённо потирая руки, он встал, подошёл к окну и посмотрел вниз. Затем открыл форточку и вдохнул полной грудью.

– Время у нас ещё есть. Давай отметим, что ли, с вашего позволения, так сказать, контракт. Хи-хи.

Затюкин с ужасом поглядел на сиротливо лежащую пару тюлек. Но толстяк не заметил его взгляда. Он основательно уселся на табурет, нагнул почти под стол и достал из «дипломата»... арбуз. «Чертовщина какая-то, – подумал Затюкин, – не может такой большой арбуз поместиться в «дипломате». Да и вообще, всё это какая-то чертовщина. Чего это я с этим мужиком разговариваю. Выпихнуть его надо из квартиры. Ввалился, обои порвал, а они-то моющиеся, французские, по пяти рублей переплачивали. Да о чём это я?»

Тем временем толстяк смахнул с кухонного стола прямо на пол банку с двумя тюлочками, сковородку вместе с крышкой и подставкой, и даже фарфоровый чайник, вытер рукавом дублёнки стол и снова нагнул к «дипломату». В одну минуту на столе появились необычайные яства, которых и директора универсамов давно уже не видали. Одних колбас сортов десять, и все натуральные, коих и названия-то теперь одни только старожилы помнят. Перепелов, запечённых в тесте, достал парочку прямо вместе с фарфоровыми вазочками для мелкой птицы. Затюкин и названий этих предметов сервиса не знал никогда. Также неожиданно и быстро появлялись на столе рыба всяческих видов, икра, затем грибочки тушёные и солёные в фарфоровых

же пузатеньких соусницах с крышечками. Очень поразил воображение Затюкина хлеб, видимо ещё тёплый, запах которого пересилил все остальные запахи, будто его только что из печи достали. Много ещё чего извлёк из своего «дипломата» толстяк, пока наконец не выпрямился и не глянул на стол. В последний раз он нырнул за бутылкой шампанского, аккуратно поставил её около себя и удовлетворённо оглядел стол.

– Ты на меня осердился, Затюкин, оченно за котлеты. Да я не обидчивый. Налетай, мильёнщик! Ха-ха-ха, – снова неприлично громко, но всё-таки добродушно засмеялся толстяк.

Он открыл прекрасную фарфоровую с золотисто-голубыми цветками супницу, из которой сразу повалил пар. Несомненно, это была картошка пюре и, причём, горячая, что очень удивило Затюкина. Он всё ещё находился в каком-то тумане. Тем временем гость откупорил шампанское, налил в хрустальные бокалы. Сам чокнулся с бокалом, который он поставил возле Затюкина и, коротко хохотнув, выпил вино залпом. Затем бросил бокал на пол. Зачарованный взгляд Затюкина следил, как открывались всяческие фарфоровые посудыны и из них появлялись то белые грибочки, то помидорчики, то огурчики. Колбасы и ветчины слетали лепестками с фарфоровых же тарелочек. Вдруг толстяк замер, к чему-то прислушиваясь, потом, игриво хохотнув, принялся за арбуз. Несколько неуволвимых движений ножа – и арбуз распался на толстые дольки. Толстяк, довольный своею работою, взял двумя руками кусок арбуза и, улыбнувшись так, что его толстые губы повторили форму этого же куска арбуза, принялся с шумом уписывать его, выплёвывая в разные стороны арбузные косточки. Кинув полуобглоданную корку в мусорное ведро, однако же, вовсе не оглядываясь, он опять нагнулся под стол. Корка, описав вовсе не физическую траекторию, точно влетела в мусорное ведро, стоявшее под раковиной, но, интересно, и, что особенно поразило Затюкина, дверца мойки была закрыта, однако она распахнулась перед коркой, а когда та удачно улеглась в ведро, аккуратно закрылась. Пока Затюкин следил за этой арбузной коркой, толстяк уже достал ещё какую-то супницу и поставил её на стол. Весело подмигнув хозяину, гость невесть откуда взявшейся серебряной ложкой стал извлекать из этой супницы мороженое со свежей клубникой.

Вдруг он опять замер, опять к чему-то прислушиваясь. Затем засмеялся, будто задумавший какую-то шалость мальчишка. Высунув язык, облизал одним движением ложку, кинул её в раковину, взял «дипломат» и встал, как-то внутренне собравшись.

– «*Satana sum et nihil humanum a me alienum puto*». Ха-ха... – снова засмеялся толстяк.

Нет, я всё-таки должна заметить, хотя это и некорректно с моей стороны, что толстяк этот льстил себе, потому как вовсе не был сатаной, был он всего лишь навсего обыкновеннейшим чёртом.

Несмотря на свою неприязнь, хозяин всё же пошёл проводить гостя, он даже бросился было к балкону, но был остановлен громоподобным хохотом. Справившись с приступами своего заразительного смеха, гость произнёс:

– Спасибо, золотой мой, я и по лестнице неплохо спущусь.

Затюкин, пристыженный и совсем потерянный, пошёл открывать дверь. Толстяк же, на мгновение сосредоточившись, вдруг опять коротко хохотнул, почесал одной ногой другую, вытащил из кармана дублёнки пачку сторублёвок и сунул её в руку Затюкину, затем засвистел весёленький незатейливый мотивчик и уверенно зашагал через распахнутую перед ним дверь.

– Прощай, береги себя, не скучай! Хвост пистолетом! Ха-ха!

Затюкин закрыл дверь. Звонко лязгнул язычок замка, заставив его вздрогнуть. Обрывки фраз, мыслей, образов парили лёгкими облачками в прихожей. Вдруг из-за двери раздался какой-то шум. Затюкин выскочил на лестницу. Многие соседи тоже приоткрыли двери, сначала несмело, а потом, по мере убеждения в своей безопасности и разгорания любопытства всё более и более. Наконец, многие даже вышли из квартир. Что же они увидели? Четыре человека в милицейской форме, два впереди и два позади, вели какого-то толстяка, уже в наручниках. В руках у толстяка был «дипломат». Но, что поразило всех, так это то, что он бесшабашно насвистывал какой-то весёленький мотивчик. Но мало того, он вдруг поднял руки, стал приветствовать жильцов дома, растянув рот в арбузной своей улыбке, будто бы он – президент какой-нибудь всемирной федерации, ну, например, борцов за право ловли рыбы в Рейне, или борцов за права американских евреев в австралийской пустыни, или ещё каких-либо борцов. Это ещё не всё, он мягким задушевым баритоновым стал наполнять подъездное гулкое пространство:

– Товарищи и граждане! Не забывайте, уходя, гасить свет! Не допускайте бесполезного вытекания воды из кранов! Регулярно проводите технические осмотры газовых плит. Берегите детей от влияния улицы! И улицу от влияния ваших детей!

Потом пошло уже и вовсе нечто несусветное, ну к примеру: «Мужья, уезжая в командировку, помните, женщины не любят одиночества! Жёны! Отправляя мужей в командировку, помните, дискомфорт плохо переносится мужчинами». Ещё какую-то чепуху, даже не совсем пристойную. Выходя же из подъезда, ни с того ни с сего завёл, гримасничая, каким-то козлиным тонором: «Наши Машки, наши Машки, полетели вверх тормашки. Эх, эх, эх!»

Жильцы, растерянно пожимая плечами, стали расходиться по квартирам, чтобы получше увидеть из окна окончание этой истории. Хотя и так было ясно, что внизу стоит машина и что дальнейшее зрелище всего-то и будет состоять в том, что этого толстяка впихнут в машину и увезут куда следует. Но не все, не все разошлись. Варвара Никандровна с неизвестно откуда взявшейся прытью выскочила из подъезда вслед за милиционерами.

Вдруг Затюкина пронзило. Он нащупал в кармане хрустящую шелковистую бумажку, а в руке своей увидел пачку сторублёвок.

«Да что же это такое, – пронеслось у него в голове. – Неужто и вправду чёрт это был? Может, воруга какой-нибудь мне краденое сбагрил? Чертовщина какая-то. Так и в Новинки недолго попасть. Душа моя...» Что-то холодное, пустое в груди своей почувствовал Затюкин. Страшно. А страха нет. «Что же это такое?» Выскочив из подъезда, он чуть не сбил с ног дотошную Варвару Никандровну, приготовившуюся уже осенить всех крестным знамением.

– Душа! Душечка-а-а! – заорал, что было сил, Затюкин вслед удаляющейся к машине процессии.

Люди в форме оглянулись на этот крик. В это мгновение Варвара Никандровна осенила-таки всех крестным знамением и пропела «осанну» на всякий случай. И в это же мгновение толстяк исчез вместе с наручниками. Раздосадованные ребята в милицейской форме бросились, было, за угол, да сами удивились своей глупости – следов-то нет! Возбуждённо обсуждая происшедшее, они ещё раз собрались в том месте, где произошло исчезновение толстяка. Варвара Никандровна испуганно сбегала к себе в квартиру, не переставая

ни на мгновение креститься. Запершись на все свои засовы и цепочки, она потом ещё две недели не выходила из дома.

Но вернёмся к месту происшествия. Четверо молодых парней, ничего не понимая, смотрели на оборвавшиеся следы, как вдруг произошло ещё нечто. А именно, в то самое место, где стоял за мгновение до своего исчезновения толстяк, и куда все вместе смотрели вызванные оперативники, упали закрытые наручники. Да, странно. Странный был вызов. Позвонил некий гражданин Губаревич, сообщил, что видел, как в доме напротив на балконе четвёртого этажа появился подозрительный мужчина, который затем проник в квартиру. Каким образом он появился на балконе, гражданин Губаревич объяснить не мог, так же, как никто из группы задержания не мог объяснить и исчезновения этого толстяка. Страсти улеглись. Машина уехала. Только Затюкин всё ещё стоял на крыльце как был: в домашних тапочках, в стареньких, студенческих ещё, штроках, в свитере со спущенными кое-где петлями, которые незачем было поднимать по причине ветхости всего свитера. Невидящими, пустыми глазами уставился он в пространство перед собою. Затихло всё вокруг, только ветер продолжал набирать свою силу и разгонять туман. Медленно, ничего не понимая, поднёс Затюкин к глазам своим пачку сторублёвок.

– Нет, не может быть. Что – это? Я не хотел. Вернись, отдай! Я не хотел! – шептал почти обезумевший Затюкин. Вдруг он бросился на колени и возопил, воздев руки к небу.

– Душа моя! Душечка... Я не хотел!

На крик его, накинув старенькое Галино пальтецо, выскочила Дунечка. Она бросилась к нему и испуганно зашептала.

– Я здесь, твоя Дунечка здесь!

Но он не видел и не слышал её. Он бормотал что-то бессвязное и вовсе уж несуразное о каких-то грибочках, колбасках, арбузных корках, фарфоровых супницах да и ещё, уж воистину – чёрт знает о чём. Дунечка отчаянно пыталась привести его в чувства.

– Тюка, милый, ну что с тобой! Ну прости меня. Я тебя люблю, Тюка. Я всегда тебя любила. Ну очнись, ведь я же рядом, рядом с тобой. Тюка... – молила она.

Ветер развеивал её золотистые волосы, пальтецо совсем уже сползло с плеч и наконец упало. Она опустилась на колени рядом с Затюкиным, неустанно целуя его и говоря ему всякие нежности, но он не слышал её.

Слёзы покатались у неё из глаз. Она вдруг в отчаянии изо всех сил стала трясти мужа, но тщетно. Он всё нёс какую-то чепуху о свежей клубнике, мороженом и так далее.

– Любимый мой, Тюка, ну вставай, здесь холодно, пойдём домой! Ну что же это с тобой случилось? Ну прости же ты меня! – приговаривала Дунечка, пытаясь поднять мужа на ноги. Сама она несколько раз падала. Даже разбила коленку, но крови своей не заметила. Наконец ей таки удалось поднять с колен Затюкина. Она нагнулась, чтобы поднять Галино пальтецо, но вдруг с ужасом застыла согнувшись. У неё на глазах ветер вырвал из обессиленной кисти Затюкина пачку сторублёвых бумажек и закружил ими хоровод вокруг них. Дунечка распрямылась и испуганно смотрела на этот денежный вихрь. Сторублёвые новенькие бумажки носились повсюду, обозначая места завихрений ветра своим скоплением. Затюкин, ослабевший от напряжения и от всего пережитого за этот вечер, стоял и бессвязно бормотал что-то необъяснимое

о душе, о бланках, о проклятых деньгах. Дунечка, сама изрядно уставшая и поражённая всем произошедшим, крепко обняв Затюкина, поминутно всхлипывая и глядя ничего не понимающими глазами на деньги, пыталась повести домой своего супруга. Он же едва переставлял ноги. На счастье, в этот момент выбежала Галина.

– Далила, ты же замёрзнешь... – начала, было, она, но обомлела при виде бумажного вихря, в котором даже не сразу узнала сторублёвые купюры. – Что это? Что здесь произошло? – ни к кому не обращаясь, произнесла она растерянно.

– Галя, Галчонок, помоги мне, у него, наверное, жар. Это я, я виновата, он же такой нежный, а я, я, – не переставая всхлипывать, говорила Дунечка. – Он же у меня слабый, ему нельзя болеть... А я... Я – глупая. Ну что с тобой, Тюка, милый, ну ответь мне. Это же я, твоя Дунечка...

Галина бросилась помогать Далиле. Вместе они повели Затюкина, который ещё невесть что возбуждённо бормотал, домой.

– Ты не беспокойся, Далила, за деньги-то. Я девчонок своих выпущу, они вмиг соберут, все до единой бумажки, не волнуйся.

Действительно, отведя вместе с Далилой Затюкина домой, Галина быстро спустилась вниз и, одев потеплее, выпустила своих девчонок. Они, смеясь и падая в мягкие сугробы, гонялись за радужными бумажками, которых раньше никогда не видели. То-то было весело. Но вот они и набегались, пора домой. Румяные, запыхавшиеся от бега и хохота, девчонки захотели непременно сами отдать тёте бумажки. Галина не устояла, они вместе, всей своей шумной компанией появились в прихожей перед Далилой. Она же, ойкнув, приняла деньги, совершенно ничего не понимая и к тому же ещё сражённая тем, что она увидела в своей кухне. Особенно тем, что там были именно грибочки, мороженое и арбуз, о которых упоминал Затюкин. Однако же она приказала всей компании раздеться и повела девчонок на кухню. Галина, с извиняющимся лицом последовала за ними. Весело и особенно не раздумывая, налетели малышки на невиданные ими никогда яства. Особенно понравился им необычный хлеб и мороженое с кусочками шоколада, масла и орехов. Навесившись и перепачкав изрядно в мороженом свои весёлые румяные с мороза личики, они также шумно и естественно потянулись в прихожую, устроив и там маленький табор. Подталкивая друг друга, и успевая при этом играть в догонялки, они наконец оделись и последовали за старшей сестрой, с которой Галина передала мужу, чтобы он всех немедленно уложил спать. Конечно же, Галина ещё успела дать указания насчёт каждой из них: у кого нужно горлышко посмотреть, кого нужно под душем помыть, кому бельё поменять и проч., проч.

Оставшись наконец с Далилой на кухне, она вопросительно посмотрела на посуду, деньги, потом на Далилу. Далила же только пожала плечами. Да, ситуация... Но Галина была женщиной практичной.

– Ты, Далила, возьми завтра в милицию сходи, узнай, не пропадала ли у кого такая сумма? А хотя знаешь, у честного человека такой суммы быть не может. Не ходи никуда. Может, раз в жизни так повезло. Ты положи эти деньги на книжку. Родишь вот ребёночка, ох как пригодятся! Коляска – сто двадцать, кроватка – тридцать, как пелёночка – так рубль, а то и полтора, а одеяльце, а шубка, шапочки! Нет, не носи никуда деньги. Ты только подумай, какие будут расходы! Уж я намаялась, а ботиночки, а сапожки, да ещё хорошо, когда в магазине есть всё, а то не будет. Так переплачивать этим

спекулянтам. Сама оденешься, наконец, ты ж молодая женщина, красивая, тебе по моде надо одеваться. Деньги никогда не помешают, – рассудительно говорила Галина. Но, вдруг, осторожно спросила.

– А Затюкин твой что говорит? Чьи деньги?

– Говорит, что его, – задумчиво уставившись в фарфоровую пустую тарелку с голубыми золотистыми цветками, безучастно отвечала Далила.

– Ну, ты всё равно позвони, может, его куда впутали. Сейчас строго.

– Да не такой он у меня человек. Он же у меня честный! Ему однажды кассирша в «Столичном» рубль лишний дала. Так он обратно, дурак, повёз. Ты же знаешь, они там сами рубли недодают, ждут, когда покупатель мелочь возьмёт и отойдёт. А потом доказывай, да ещё если сразу вспомнишь. Ох, видела я этих несчастных колхозников, аж плакали стояли. Они за эти рубли на Комаровке целый день мёрзли. А мой, гляди-ка, какой честный, рубль назад этим химерам повёз. Они на него как на чумного, наверное, смотрели.

– Да... Ну я так, на всякий случай, – смущённо оправдывалась Галина. Потом она, как-то ещё больше смутившись и покраснев, заговорила опять. – Далила, раз дело такое, понимаешь, мне сегодня две шубки Макаровна предлагала, по пятидесяти рублей. У меня денег, какое там, в долгах сижу. Может, пока тебе не очень надо, ты бы одолжила мне сто рублей, а? Я верну, верну, за мной не станет. У мужа получка скоро... – тут она осеклась.

– Конечно, конечно, бери, да больше возьми, вон их там сколько! – оживлённо заговорила Далила, пододвинув к ней деньги.

– Нет-нет, – Галина категорично отодвинула деньги. – Только одну бумажку. Прямо сейчас вот к Макаровне побегу, а то ведь завтра же продаст. Шубки-то какие... У меня девчонки аккуратные, потом и в комиссионку сдать можно. Натуральные всегда возьмут.

– Да, – опять растерянно протянула Далила.

– Ну тогда я пошла, – Галина решительно встала, быстро оделась и вышла.

Далила закрыла дверь. Громко щёлкнул замок, заставив её вздрогнуть. Она прошла в комнату, где сидел в кресле Затюкин. Чай на журнальном столике уже остыл, но Затюкин и не прикасался даже к нему. Уперевшись бесчувственным взглядом в то место, где стоял телевизор, он даже не взглянул на вошедшую в комнату жену. Далила, почему-то боясь нарушить тишину, на цыпочках подошла к телевизору и выключила его. Но Затюкин, казалось, даже не заметил этого.

Тогда Далила опять-таки на цыпочках пошла в кухню и принесла журнал «Микропроцессорные средства и системы» с вырванной обложкой, который Затюкин не успел ещё прочитать, тот самый. Но и на журнал глядел он холодно. Далила закусил губу и с отчаянной надеждой обратилась к мужу.

– Я тебе из библиотеки статью принесла про Козырева. Ты просил меня. Тюка!

Но Затюкин безучастно смотрел на телевизор и ничего не отвечал.

Далила растерянно побрела на кухню и, усевшись там около окна, некоторое время проплакала. Слезы не принесли ей облегчения. Совсем потерянная, почувствовавшая вдруг какое-то невыносимое одиночество, она вновь побрела к Затюкину в надежде успокоиться подле него. Муж её сидел всё в той же позе. Далила опустила прямо на ковёр и обняла мужа за ноги, вдруг как-то придавлено всхлипнув.

– Тюка, милый, я люблю тебя! Ну что же с тобой случилось?!

– Не надо, Далила, – сухо ответил Затюкин.

По телевизору шла их любимая передача. Обозреватель что-то говорил о магнитных бурях. Ну, вот и всё.

Р.С. Всё. Может быть, вы, наконец, отпустите меня? Ведь вы же получили, что хотели! Ты, Далила, получила деньги. А ты, Затюкин, получил любовь своей жены и покой. Что же вам ещё надо? Хватит. Я три ночи не спала. У меня, в конце концов, тоже есть личная жизнь. А вас я не осуждаю, о нет.

Да, но продолжение следует!

Минск, 1987

ПОЭЗИЯ

Валерий КОРАБЛИН

Валерий Васильевич Кораблин – родился в семье учителей в п. Веря г. Орехово-Зуево Московской области. После школы окончил техникум, два института (системотехника, программирование, ЭВМ). Стихи начал писать с 15–16 лет. С 16–17 лет печатался в региональных и корпоративных СМИ. Член литературной студии «Владимирские посиделки» Владимирского отделения Союза писателей России. Номинант (дипломы) конкурсов Национальная литературная премия «Поэт года 2011», «Поэт года 2012», «Поэт года 2013». Номинирован на премию «Наследие 2014». Автор шести поэтических сборников, увидевших свет в издательствах г. Владимира и г. Москвы – «Тайны грусти и радости» (г. Владимир, три одноимённых сборника, 2007–2010), «Начало тайны грусти и радости». Светлой памяти С.П. Панюшкина, члена СП России (Москва, 2012), «Осознание бесконечности» (Москва, 2012), «Дороги грусти и радости» (Москва, 2013).

Живёт во Владимире.

«Досталась мне странная доля...»

Солнце в лужах

Расплескало солнце в лужах
Озорные облака.
Ветерок весной закружен.
Лес прогрел слегка бока.

По тропинкам прошлогодним,
Не дотаявши, лежит
Ноздреватый мелководный
Лёд, испариной дрожит.

А над ним, проснувшись, вьётся
Преждевременно оса...
Нет листвы, лишь к лужам жмётся,
В почках лопнувших, лоза.

Да в верхушках шишки ели
Задымились бахромой,
От весёлой карусели
Пахнет свежее смолой.

Расплескалось солнце в лужах,
Опрокинув небеса.
И подснежников досужих
Потянулась полоса.

До свидания, морозы, –
К нам пришла, смеясь, весна!
Прочь, зима, не шли курьёзы,
Надоела ты сполна!

Столетний дуб

Хрустит ледок на солнце в ранних лужах,
Прозрачней воздух, дальше горизонт.
И свежий ветер – отголосок стужи
В воде качает неба синий зонт.

Ещё во сне, во внешности угрюмой
Стоят деревья, мудростью крепясь.
И дуб стоит, могущественен думой
О смысле жизни, в дрёме находясь.

О, сколько вёсен минуло, играя
Снегами запоздалыми, водой.
И облака лебяжьи, словно стаи,
Сто первый год летят над головой.

А дуб стоит, величественен строгий,
Как всё святое, вечно на земле,
И разливает солнце вдоль дороги
Весенним утром радость по воде.

Спешат поезда

Спешат поезда всё на север –
Так редко на юг и восток.
Мне снится краснеющий клевер
И нежно-зелёный листок.

Несусь я в вагоне купейном,
Вдогонку весне и дождям,
До станции с именем сменным
Во славу и в память вождам.

Но что же за городом этим
Нашёл, приобрёл, потерял?
Наверное, таинство сплетен,
Что град грозовой расстрелял.

Мелькают пушистые ели,
В окно рвётся запах смолы.
Мне песни колёс надоели
И малые складни – столы.

Хочу на поляне с берёзой,
Под тенью могучих дубов,
С друзьями под рассказы, грёзы
Почувствовать запах цветов.

Спешат поезда лишь на север,
А хочется мне на восток,
Где в поле краснеется клевер
И запахов льётся поток.

Лавина цветов и колосьев
С весной, устремившись, спешит
В жар лета, где птиц отголосок
Вдоль рощи, витая, дрожит.

Досталась мне странная доля –
Творить в поездах, обретя
Ночами бессонницу, вволю
Себя и дорогу крестя.

Чёрствость

Скоро сердце биться перестанет,
И тогда в дорогу без конца
Близкие, слегка скорбя, отправят,
Не запомнив твоего лица.

Но, уйдя в бессмертие однажды,
Ты увидишь с голубых небес,
Кто любил иль презирал, не важно,
С Богом кто, а в ком греховный бес.

Зная дней земных соблазны, муки,
Ты прости им ледяную твердь
И возьми их души на поруки,
Дай надежду встретить позже, смерть.

«Маша»

Трагедия «Маша» авторства видного галицко-русского историка и литературоведа Василия Романовича Ваврика (1889-1970) писалась под впечатлением от ужасного злодеяния, совершенного австро-венгерскими оккупантами в годы Первой мировой войны. Тогда, в страшном 1915 г., на перекрёстке улиц Дворского и Семирадского в Перемышле (сейчас в составе Польши), были убиты среди бела дня сорок четыре человека русских галичан (карпаторусов). Двум удалось выжить, спрятавшись среди трупов.

Для того чтобы читатель смог понять суть описываемых событий, необходимо сделать небольшой экскурс в историю Галицкой (Червонной) Руси. Галицкая Русь, одна из самых западных окраин Русского мира, с XIV в. находилась в руках Речи Посполитой. Познала она и шляхетско-католический гнёт, и упадок православной культуры,

Владислав Александрович Гулевич – родился в 1975 г. в Кемеровской обл. Окончил Кировоградский педагогический университет (факультет иностранных языков). Политический обозреватель еженедельника «Час пик», член экспертной команды внешнеполитического издания «Международная жизнь».

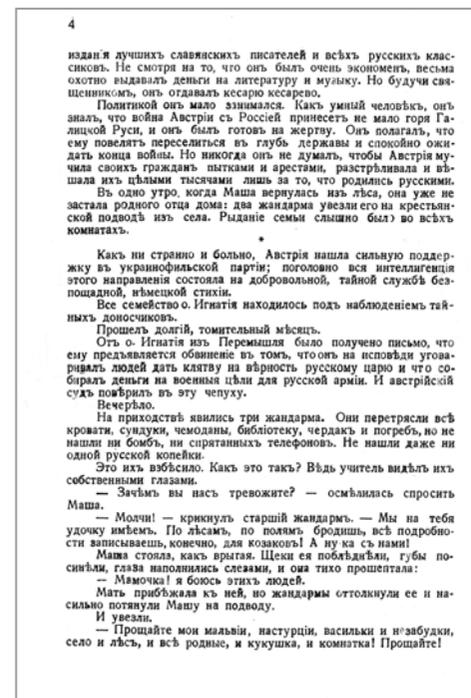
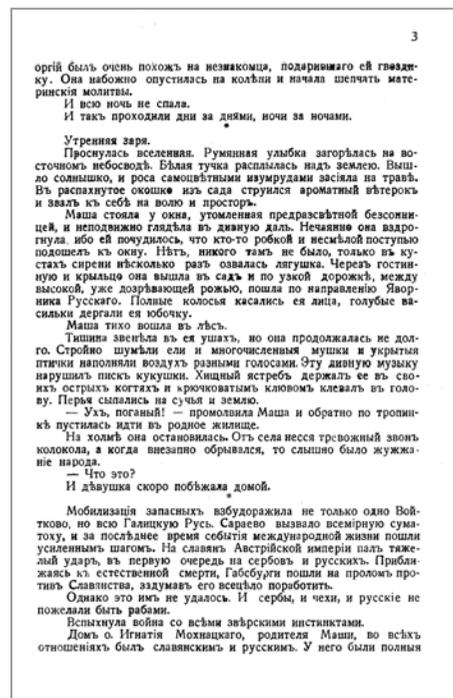
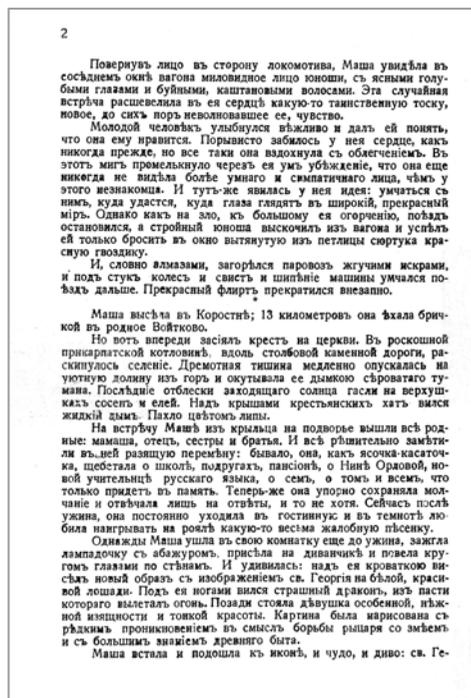
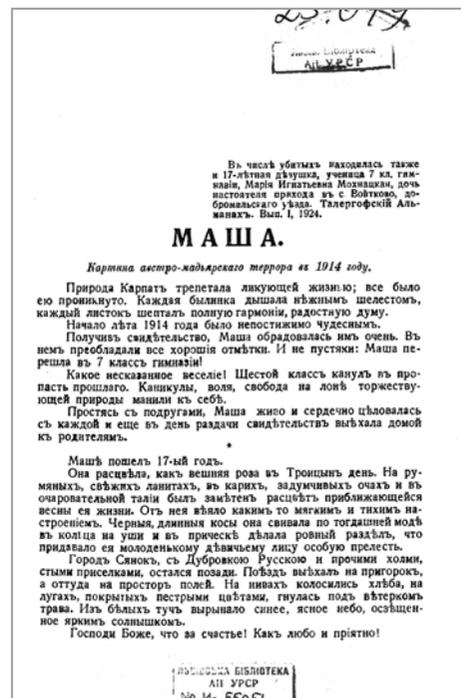
Живёт в Кемеровской области.

и масштабную ассимиляцию высших слоёв общества, которые из конъюнктурных соображений принимали польскую идентичность, переходили на польский язык и отрекались от русского имени. Основная же масса галичан продолжала считать себя русскими (или «русскими», в соответствии с местными языковыми особенностями), и даже называла свою Галицию Галицкой Русией. О русском сознании тогдашних галичан свидетельствует и местный фольклор, как, например, эта галицкая народная песня: «Ты думаешь, пане-ляше, што тут Руси вже нема, што то всьо, что наше, ваше, што тут польска сторона!? Русь, як была, так и есть: до Дунайца всё то наше, пока сьет русский крест! Памятай же, пане-ляше, памятай же в всякий час: ваш лиш Краков и Варшава, а Червона Русь для нас!»

После разделов Речи Посполитой в XVIII в. Галиция достаётся Австрии. Теперь народ Галицкой Руси подвергался двойному давлению – со стороны германской по духу австрийской власти и со стороны местной администрации, состоявшей в значительной степени из поляков. Вена умело использовала этнические противоречия в своих целях, позволяя чиновникам-полякам давить все проявления галицко-русской жизни, и параллельно взращивая в среде галицко-русского народа новую идентичность – украинскую. Поэтому уже в начале XX в. термин «русины», относящийся к жителям Галиции и Буковины, заменяется в австрийском политическом дискурсе термином «украинцы». Украинофильское движение австрийцы рассматривали как обоюдоострое оружие, направленное, одновременно, и против России, и против Польши, во благо империи Габсбургов.

Важно понимать, что в ту эпоху термин «украинцы» означал политическую, а не этническую принадлежность. Национальность «украинец» появится позже, и будет закреплена за галичанами уже в советское время. Советская власть, выдвигавшая в противовес белогвардейскому лозунгу о единой

и неделимой России тезис о праве наций на самоопределение, после своей победы над царизмом не могла сразу от этого тезиса отказаться. И тогда появилась теория о братских, но разных восточно-европейских народах – русских, украинцах и белорусах. Термины «великоросс» и «малорус» приказано было забыть. Слово «русский», ранее подразумевавшее и современных русских в России, и малорусов, и белорусов, теперь относилось только к первым. Мнение о том, что русский народ един, от Карпат до Камчатки, воспринималось как белогвардейщина. Тем паче, что карпаторусы воевали в составе Добровольческой армии, сформировав т.н. Карпато-русский отряд.

Под австрийским управлением в Галицкой Руси развернулась массированная кампания по популяризации среди галичан украинской идентичности, перешедшая, постепенно, в настоящий террор. Венцом австро-венгерских бесчинств стали концлагеря Талергоф и Терезин. Они были специально созданы для уничтожения носителей карпато-русского сознания. В течение нескольких военных лет там сгинули тысячи карпаторусов, не считая тех, кого ранее расстреляли в австрийских тюрьмах. По городам и весям Галиции бродили австрийские патрули, и если на вопрос «Рус?» какой-нибудь галичанин отвечал утвердительно, его тут же вешали или расстреливали. Единственным спасением было назваться украинцем.

В трагедии «Маша» излагается только один из тысячи случаев австро-венгерского террора. Несчастные сорок шесть человек (среди них две женщины, самая молодая из которых – 16-летняя Мария Мохнацкая, девушка из семьи с крепкими карпато-русскими традициями) были обвинены в симпатиях к России и арестованы. Арестантов гнали через Перемышль, и Мария Мохнацкая в ужасе упала на колени перед уличным распятием, воздев руки к небесам, и взмолилась к Божьей Матери о помощи. Подбежавший венгерский офицер ударил её рукояткой пистолета по голове и застрелил. Этот

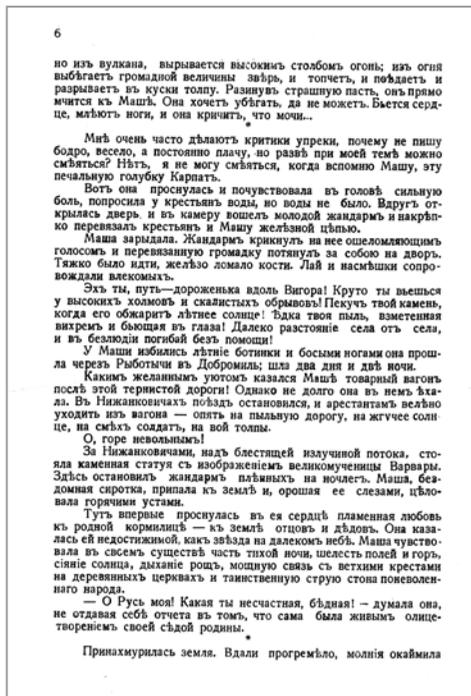
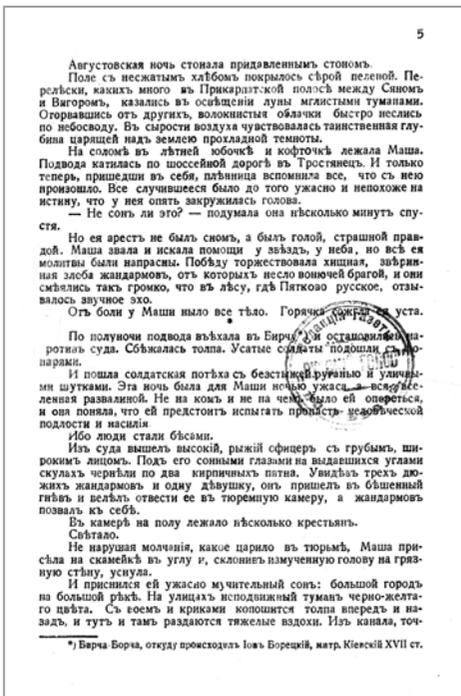
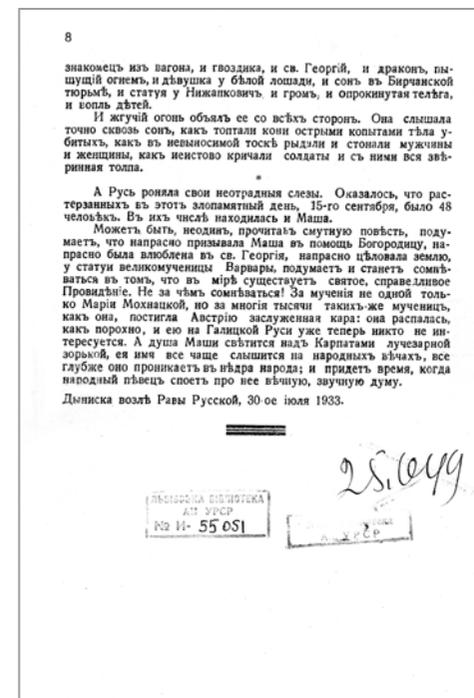
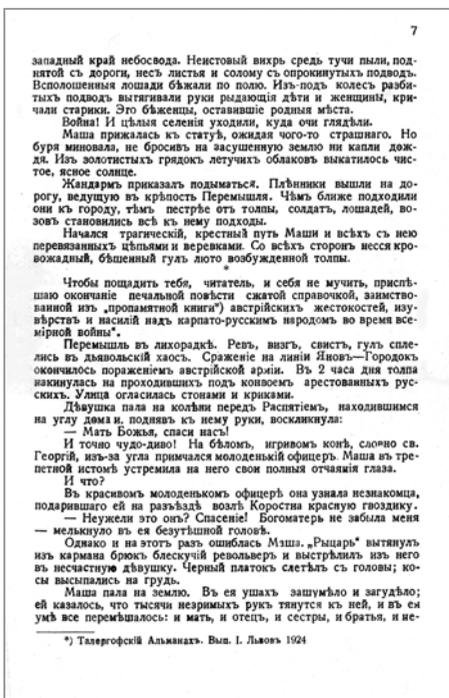
выстрел словно послужил сигналом к жесточайшей расправе. Карпаторусов убивали под злорадное улюлюканье толпы, состоявшей из местных поляков и украиноманов. В ход шли камни, колья, сабли, приклады. Арестованные защищались голыми руками. Через короткое время на мостовой лежала груда бездыханных тел. С балкона за расправой хладнокровно наблюдал австрийский генерал и подбадривал своих солдат.

Расправа в Перемышле громким эхом отозвалась по всей России. Борис Лелявский, депутат Госдумы от Волыни посвятил этому событию пламенное стихотворение («Боже, Боже! от страшных видений мы очнулись в холодном поту. Ниспошли нам немного забвенья, нагони на глаза дремоту!..»). Отреагировал и Василий Ваврик, чья личная судьба также была достаточно трагична (по доносу украиномана был брошен в концлагерь Терезин, командовал Карпато-русским отрядом в составе Белой армии, в годы Великой Отечественной войны оказывал помощь советскому подполью, за что гитлеровцы расстреляли двух его братьев). В. Ваврик был живым очевидцем геноцида галицко-русского народа и, вполне предсказуемо, взялся за трагедию «Маша», посвятив её Марии Мохнацкой. Кстати, брат Марии, Феофил, тоже пострадал за свою русскость. Он был повешен несколькими месяцами позже на рыночной площади. Мать Марии проживала в Львове до самой смерти в 1954 г., и могла бы поведать много интересного о тех страшных событиях. Но в советское время это никому не было нужно.

В современной Украине история галицко-русского движения – негласное табу. Информация о галицко-русском народе не только ставит под сомнение официальную версию истории Украины, согласно которой украинская нация уходит корнями в седую древность, но и раскрывает нелицеприятные факты о соучастии политических украиноманов в геноциде русских галичан. Именно украиноманы, бредившие идеей, что русские в России, это «москали», а не

русские, и что они украли у украинцев их «русские» имя, и поэтому украинцы вынуждены теперь называться украинцами, чтобы их не путали с чужими им русскими в России, служили у австрийских жандармов на побегушках. Доносили на своих односельчан-русофилов, участвовали в облавах, получали от австрийской администрации вознаграждение, получали в своё распоряжение имущество, конфискованное у карпато-русских организаций.

Хотя во всех источниках «Маша» называется трагической пьесой, её оригинал представляет собой менее 10 страниц эмоционального повествовательного текста. Она входила в репертуар российских и галицийских театров вплоть до 1930-х гг. Затем исчезла на целое столетие. Текст трагедии мне удалось отыскать в запасниках Львовской библиотеки им. Стефаника, и хочется надеяться, что найдётся драматург, готовый взяться за возвращение этого произведения на театральные подмостки. История будет ему за это благодарна.

Церковь Вознесения Господня в селе Еремеево

С замиранием сердца, восхищением и благодарной радостью смотрю на труды настоятеля церкви Вознесения Господня, священника Вадима Дюженко, который в селе Еремеево Истринского района, в глубинке, отдалённой от бурного современного потока жизни, медленно, но верно восстанавливает этот храм. Тем более что он – мой соратник и друг по изобразительному творчеству, мы знакомы более двадцати пяти лет. Волею судьбы и Промыслом Божиим, Вадим Дюженко, профессиональный художник, стал духовным деятелем и наставником.

Высокохудожественные мозаики и витражи, которые можно видеть в экстерьере и в интерьерах храма, выполнены Вадимом совместно с его учениками из дизайнерского колледжа. В интерьере церкви несколько икон написаны Татьяной Баценко, тонким живописцем и нашим общим другом. В храме сохранились фрагменты изящной, живописной стенописи XIX века, которые станут вдохновением и ориентиром для восстановления всей интерьерной росписи. Молитвами и трудами, доброй помощью и человеческим усердием еремеевская церковь постепенно приобретает потерянное за годы вынужденного безверия внутреннее и внешнее содержание, наполняется новым светом и теплом.

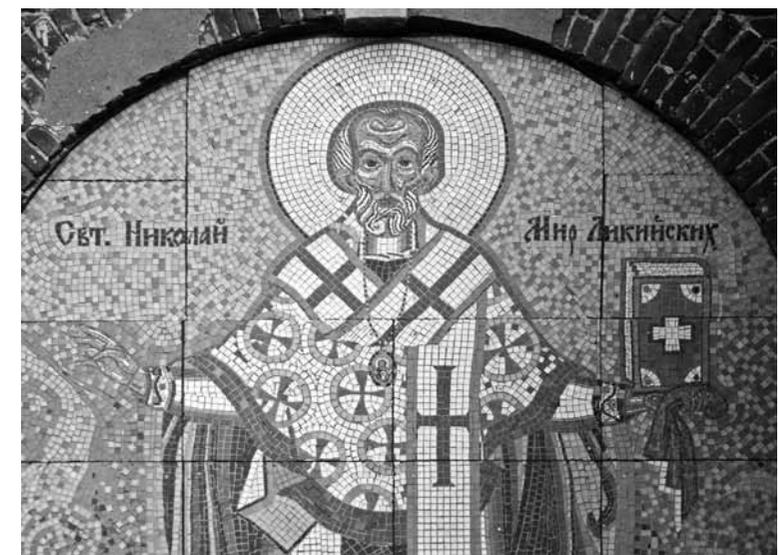
Сейчас у Вадима Дюженко прибавилось забот и планов. Совсем недавно из жизни ушёл его отец, Юрий Фёдорович Дюженко, прекрасный художник, искусствовед и неутомимый общественный деятель. В его память Вадим принял решение организовать рядом с храмом общественный культурный центр. Здесь разместятся музей изобразительного искусства, где будут представлены работы художников – ветеранов Великой Отечественной войны, и центр духовного и художественного воспитания молодёжи.

Наталья Владимировна Алексеева-Штольдер – художник, доцент РГУТиС, член Московского Союза Художников, кандидат искусствоведения. Живёт в Москве.

Мозаика на южном фасаде

Мозаика. Свт. Николай Мирликийский. Фрагмент

Мозаика. Вознесение. Западный фасад

Село Еремеево. Церковь Вознесения

Интерьер. Благовещение. Худ. Т. Баценко

ПОЭЗИЯ

Марина НОВИКОВА

Марина Владимировна Новикова – родилась 24 июня 1984 г. в Москве. Окончила Государственный университет управления по специальностям «национальная экономика» в 2006 г., «юриспруденция» – в 2012 г. Член Союза писателей-переводчиков, член Московской городской организации Союза писателей России. Автор книг «Волны ржи» (2007) и «Малиновый звон» (2011). Печаталась в альманахе «Протуберанцы», журнале «Российский колокол», газетах «Сокол» и «Московский литератор». Награждена дипломами имени Ф.И. Тютчева, Н.М. Рубцова, С.А. Есенина, О.Э. Мандельштама, медалями имени А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова и «55 лет Московской городской организации Союза писателей России», орденом «В.В. Маяковский». Лауреат литературного конкурса «Лучшая книга 2008–2011 гг.».

Живёт в Москве.

«И свяжутся годы единственной нитью...»

Звонкий май, и черемухи дым
Вновь объял все дома до околиц,
Только в памяти вечно храним
Свет бревенчатых маленьких горниц.

Отчего так звенит яркий луг,
Отчего так ветра пролетели, –
Старых ходиков медленный стук
Майский день отобрал у апреля.

Ясный день, свет и синь, пыль дорог,
И стираются в памяти лица,
Кто-то сам ставит в жизни замок,
Чтоб всё в пыль, что дорога клубится.

Дивный сон – будто в небе один
Белый храм, и со множеством звонниц,
Лик прозрачный как будто сатин –
То глядит Николай Чудотворец.

Бабушке

Помню тихую музыку слов,
Тех, что ты мне всегда говорила,
Опускался вечерний покров,
И луна все поля осветила.

Помню, как накрывала гроза
Тишь далёких лугов и просторов,
По стеклу дождевая слеза,
Эхо дальних раскатистых громов.

Помню, как осветила во мгле
Мне дорогу луна, и едва ли,
Чтоб по всей среднерусской земле
Так поля перезвоном шептали.

Мне звенели луга, помню я,
Как летели они мне навстречу,
Улыбалась святая земля,
Убегали дороги все в вечность.

Возвращаюсь, за мною закат, –
Он ложится почти мне на плечи,
Луг вечерним покровом объят,
Небо вновь зажигает все свечи.

И рассказ твой вновь слушаю я,
И ты скажешь, что Пётр и Павел
Час забрал, и что скоро Илья
Унесёт, что апостол оставил.

Где Москва-река берёт начало,
Где рождает утро дивный свет,
Всё мое когда-то отмечталось,
Всё, о чем мечтать бы мог поэт.

«Снегири»

Уснули аллеи, среди дивной тиши
Их свет фонарей озаряет,
И шепчутся сосны, вокруг – ни души,
И в небо они уплывают.

Шагали эпохи, летели века,
 Менялись режимы и лица,
 Но всё поглотила забвенья река,
 Дорога туманом клубится.

Какой открывается дивный простор,
 Снежинки летят будто искры,
 В объятьях зимы снегопад разговор
 Затеял в окрестностях Истры.

И ветви пушистые лес распротёр,
 Жемчужными выткан коврами, –
 Шагаешь в распахнутый дивный шатёр
 В еловой зелёной оправе.

Но что б ни менялось в огромной стране,
 Чего бы ещё ни случилось,
 В тиши по дорожкам, всё кажется мне,
 Кутайсов здесь ходит ночами.

И, чрез века, он – свидетель событий,
 Шагает сквозь мельницу лет,
 Поньше он будто бы ангел-хранитель
 Усадьбы, где теплится свет.

Ждёт этот край ещё много открытий,
 Сквозь смену чинов, эполет,
 И свяжутся годы единственной нитью,
 И в этом есть главный секрет.

А в сонных аллеях ветра пробежали,
 Все окна в усадьбе горят,
 Не графа шаги тишину нарушали –
 То сосны в тиши говорят...

Рождество

Светел месяц, свет свечи,
 Синева и вьюга,
 Рождество идёт в ночи,
 Замерла округа.

Ярко осветил порог
 Месяц тихий, лунный,
 Знаю, верю – с нами Бог,
 Скрип снежинок струнный.

Через петли всех дорог,
 Через перекрестья,
 Вижу я – среди нас Бог,
 Звон церковной песни.

Бродит вьюга в купине,
 Кроет пеленою,
 «Бог един!» – прошепчет мне
 Ангел за спиною.

Близится волшебный час,
 Божье озаренье –
 Бог ведь в каждом есть из нас –
 То Небес творенье.

Реликт

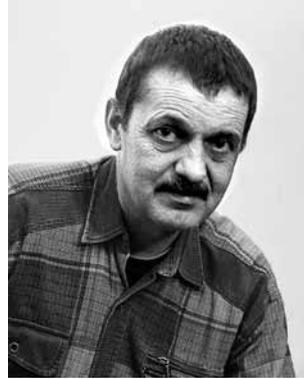
Невесть откуда припорхнул на берёзу рябчик. Потоптался на ветке, огляделся, прислушался. Потом негромко, по-зимнему, свистнул, и снова прислушался к звенящей лесной тишине – не отзовётся ли кто. Птице никто не откликнулся, и она, нахохлившись, обиженно замерла на ветке.

Петрович пошевелинулся на санях, и рябчик, испуганно встрепенувшись, сорвался в полёт и скрылся из глаз за ближними ёлками, оставив по себе быстро исчезнувшее в воздухе искрящееся облачко кристалликов потревоженного торопливыми взмахами крыльев инея.

«Табунок где-то близко. Наверняка» – подумал Петрович. – «Рябчики зимой в одиночку не держатся... Сейчас бы с ружьишком по лесу... Можно и без удачи... Погодка-то – как на заказ... Дичину по такой погодке скрадывать трудно, а вот душу бы порадовать!..» – и тут же мысленно себя одёрнул: – «Размечтался, пертуй старый. Кончились твои охоты, реликт».

«Реликтом» Петровича окрестила Настя – молоденькая фельдшерка из местного ФАПа. Это за то, что один он такой остался на всю округу. Старух – тех много ещё, а вот из стариков, готовых девятый десяток разменять, он один только и остался. Остальные перемёрли давно. Сейчас, ежели самого Петровича не считать, то самый старый из мужиков это Мишка Веретенников, а ему всего-то шестьдесят шесть весной стукнуло...

Вот ведь незадача – ежели дед какой-нибудь помрёт, то бабка без него ещё не один десяток лет запросто протянуть может, а вот если наоборот – дудки. Год-полтора – и нет старика. Не задерживаются на этом свете деды без бабок. Нервы, что ли, у жёнок крепче, или здоровья им дано побольше – кто его знает?.. Правда, Петрович и тут таким «реликтом» вышел – вот уж семнадцать лет, как овдовел, и ничего – живой пока. Тоскливо, конечно, на старости лет одному век коротать, да что уж тут поделаешь...

Владимир Негодяев – родился 21 сентября 1959 г. в с. Верхние Матигоры, что в 5-и км от Холмогор. Жил, учился, служил, работал, немного ездил по стране. Сейчас инвалид на пенсии. Живёт в Верхних Матигорах.

Петрович вздохнул, отгоняя от себя некстати набежавшие на ум грустные мысли, с кряхтением дотянулся до стоящего тут же на санях термоса и добавил горячего, напавшего до густой черноты чая в начавшую уже остывать кружку.

Чаёк в лесу – первое дело. Чай не пил – какая сила?.. Конечно, хорошо бы свеженького, с костерка, но и из термоса тоже ничего.

А погодка сегодня действительно выдалась как на заказ – солнышко, лёгкий морозец, ни ветерка... Хорошо по такой погоде в лесу. Радостно. Работать одно удовольствие – не потеешь. А отдыхать сядешь – не мёрзнешь... Однако погода погодой, а пора и домой выбираться. Дело за полдень перевалило, а зимний день короток, не успеешь оглянуться – уже и отемнило.

Петрович вытряхнул из термоса на снег остатки чая с распаренными ошмётками заварки, прибрал в пакет остатки нехитрой закуски и сложил всё это в специальный ящичек на передке саней. К ящичку же, в специальный зажим, закрепил топор, а лучок с собой брать не стал – сунул под кучу веток. Чего её с собой туда-сюда волочить – завтра всё равно сюда возвращаться.

По недалней лесной дороге протарахтел трактор, и из прицепа кто-то приветственно махнул Петровичу. По трактору – так Сашка Веретенников в лес подался, а вот кто ехал в прицепе, Петрович не разобрал, но всё равно тоже ответно махнул рукой. Следом за трактором медленно, осторожничая на узковатой для него дороге, прокрался «Камаз» с торчащими вверх лесовозными «кониками».

«Покупатели» – усмехнулся про себя Петрович. – «Сашка с мужиками, видать, леса втихаря навалили, а эти тут как тут... Вот ведь жизнь нонеча мужикам устроили: – или вору, ловчи, торгуй да выкручивайся, или зубы на полку ложи... экономика, мать твою...», а вслух, для одного только себя, буркнул под нос:

– Однако, надо и со своим «лесом» управляться – и начал укладывать на санки предназначенное на дрова берёзовое и осиновое тонкотье.

Правду сказать, в дровах у Петровича особенной нужды не было – их вон и у дома на пару-тройку лет вперёд в костры уложено, да и ежели что, прикупить можно – пенсия, слава Богу, позволяет, да и сын каждый месяц пару тысяч высылает – у них там в Череповце на комбинате зарплаты нонеча неплохие. Петрович спервоначалу пробовал от этих денег отказываться, да сын начал всерьёз обижаться: – что, говорит, я единственному родителю, что ли, помогать перестану, ежели этот родитель на старости лет из ума выжил и со мной под одной крышей проживать не желает.

Зря он так, конечно. Петрович ведь по-честному пытался у них в городе прижиться. Позапрошлой осенью поддался наконец на уговоры сына с невесткой и переехал к ним в Череповец. И всё вроде бы хорошо – и комната своя отдельная в большой квартире выделена, и от сына с невесткой почёт да уважение, и внуки не докучают – взрослые ведь уже и все кроме младшего отдельными семьями живут, однако и двух недель не прошло, как затосковал Петрович. Затосковал и понял, что при такой жизни он и до весны не дотянет – помрёт. Да и в самом-то деле, что это за жизнь такая, ежели всего и делов-то на весь день, что около телевизора на диване сидеть и в экран тарачиться, а больше и заняться нечем? За водой ходить не надо, печки топить тоже надобности нет, всеми делами по хозяйству невестка заправляет, а на улицу выйдешь – и там заняться нечем. Знакомых никого нет, поговорить или в гости зайти не к кому – прогуляешься туда-сюда, потолкаешься от нечего делать по магазинам – и обратно к телевизору.

Не привык Петрович к жизни такой. Слабеть от безделья начал – даже походка совсем уж стариковской начала делаться. Шаркающей какой-то. Да ещё живот отрастать начал, и бессонница одолела совсем...

Через два месяца собрался Петрович, да и уехал обратно. Домой к себе.

Сын тогда разобиделся здорово – всё никак понять не мог, чего это тако-го старику в городе не хватает и чем это таким он отца обидел, что тот с ним жить не захотел. Петрович, конечно, разобъяснил ему всё как мог по-своему, да вот только понял ли сын – неизвестно. Сам-то он давно уж совсем городским стал – дом, работа, дела да заботы какие-то непонятные, летом отдых на югах да в заграничах, а спросить, когда в последний раз с удочкой над речкой сидел, или по грибы ходил – и не вспомнит. Об охоте и говорить нечего – он это и вовсе дурацким занятием считает.

Сам-то Петрович всю жизнь, покуда силёнки были, рыбачил да охотился. Когда помоложе был – мог целыми неделями на реке или в лесу пропадать. А сын по этому делу не в отца пошёл. Не любитель. Вот даже и ружьишко своё, когда охотиться перестал, Петрович не сыну отдал, а племяннику своему – Серёге Кузовлеву. Сыну ружьё ни к чему оказалось.

Вот и этих «дровяных походов» Петровича сын не понял бы и не одобрил. Сказал бы что-нибудь вроде того, что ежели дома не сидится, то шёл бы да гулял по опушке просто так. Кислородом бы дышал, а не с дровами пластался. И не понял бы, что праздная прогулка – дело не деревенское. Это у горожан принято в выходные дни в деревню выезжать и просто так, от нечего делать, по лесу на лыжах шастать, да только тем и заниматься, что кислород нюхать и при этом ещё воображать, что будто бы делом заняты. Петровичу бы такие прогулки – что коту махорка – расстройство одно. Уж ежели в лес наладилась, то по делу – на худой конец хоть вичьев на метёлку нарезать или сосновых веток соседке на помело наломать...

Уложив и туго стянув верёвкой дрова, Петрович, хоть это и не требовалось, по привычке толкнул сани, проверяя лёгкость хода. Сани легко, будто и не были загружены, скользнули по утоптанному снегу, и Петрович в который уж раз мысленно помянул добрым словом Лёньку Кобылина. Хорошие он всё-таки сани смастерил – лёгкие и ходкие. Ну, правда, материал для саней – алюминиевые листы и трубки – Петровичу пришлось самому добывать, а вот работа вся Лёнькина. Широкие, отбортованные по кромкам полозья в снег не зарываются, а в сами сани хоть дрова грузи, хоть фляги с водой, хоть ещё чего. Опять же ящичек для всякой мелочи и зажим для пилы... Помнится, Лёнька, когда готовые сани отдавал, пошутил ещё: – «А давай, говорит, Петрович, мы тебе ещё и движок с пропеллером на сани присобачим. Будешь у нас как Карлсон по деревне тархтеть». Хороший он мужик – Лёнька...

Сани легко катили по укатанной тракторными колёсами дороге и почти не давили на перекинутую через плечо ремённую ляжку. Снег под ногами приветливо поскрипывал. Длинная из-за низкого зимнего солнца тень косо убегала из-под ног и, ложась на набитую расчистками дорожную бровку, причудливо изгибалась и играла там, будто бы обрела свою, отдельную от Петровича жизнь. Дышалось легко и приятно, и всё это – и сани, и снежный скрип, и облачка пара изо рта, и раскинувшиеся привольно снежные дали, и небо, и всё-всё вокруг, отзывалось в душе покойной, и вместе с тем до остроты звонкой радостью. Простой, незатейливой радостью жизни и бытия.

Петрович неторопливо шагал, наслаждаясь самим процессом ходьбы, охватывал взглядом распахнувшийся от опушки холмистый простор полей и, как это всегда бывает на ходу, думал. Думал обо всём и ни о чём. Мысли вольно и беспорядочно текли и толкались, выныривая то обрывками давних воспоминаний, то мимолётными заботами ближайших часов, то неожиданной мыслью о вечном... Так он постепенно дошагал до места, где дорога плавно сбегала вниз по пологому склону широкого развала оврага, чтобы, перевалившись через небольшой мостик, взобраться по другому склону и там, повернув немного вправо и обогнув небольшой холмик, стать уже не дорогой, а деревенской улицей.

Обычно Петрович спускался в овраг не торопясь, шагом, придерживая за ляжку скользившие впереди него сани – благо полозья были устроены так, что могли сани двигаться и задним ходом, но сегодня то ли под влиянием хорошей погоды, то ли в результате того, что в народе называют словами «бес попутал», Петровичу неожиданно пришла мысль ускорить процесс, то есть спуститься в овраг верхом на санях. Поразмыслив немного над этим, Петрович усмехнулся про себя, а потом внимательно оглядел округу – не видать ли кого поблизости. А то ведь если увидит кто, что старый дед верхом на салазках с горки катается – смеху потом не оберёшься. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, Петрович выдернул из наваленной на сани вязанки длинную и не особенно толстую берёзовую палку, чтобы использовать её в качестве руля и тормоза, потому что ногами с саней до дороги было не достать, сел верхом на вязанку дров, устроил ноги на перекладине саней, ещё раз внимательно огляделся и начал, раскачиваясь всем корпусом, отталкиваться палкой от дороги.

Сначала сани шли медленно, будто бы неохотно, но потом начали катить всё быстрее и быстрее, и Петрович едва успевал подруливать палкой. А потом сани набрали такой ход, что стало даже немножко жутковато. «Во, блин, сработал Кулибин сани» – пронеслось в голове у Петровича. – «И пропеллера не надо... Тормозов только не придумал. Механик, мать твою...»

А потом думать было уже некогда, потому что сани раскатились так, что ветер засвистел в ушах, и Петрович, закинув палку назад, упер её концом в накатанный снег и навалился на неё всем телом, пытаясь хоть немного замедлить бег саней. Но это почти не помогло – скорость всё увеличивалась. И как ни пытался Петрович удержаться на дороге, как ни подруливал палкой, однако вскоре сани на всём ходу ударились о высокую снежную бровку дороги, развернулись, подняв облако снежной пыли так, что запорошило глаза и не видно было уже, что да как творится вокруг. Развернувшись, сани скользнули поперёк дороги к другой бровке, ударились и об неё, накренились, и этим вторым ударом Петровича сбросило с саней и так приложило боком, что в глазах потемнело и дыхание занялось.

Когда удалось немного отдышаться, Петрович сел на дорогу и огляделся. Если судить по вмятинам в снегу, то выходило так, что боком его стукнуло о снежный бортик дороги, а потом прокатило вниз ещё метров на пять. Потерявшие седока сани тоже не остановились и проехали ещё метров двадцать и теперь стояли, накренившись, на дорожной бровке почти у самого мостика.

Петрович посидел ещё немного, чтобы окончательно прийти в себя после падения, а потом медленно, с натужным кряхтением поднялся на ноги.

– Ну что, пенё старый, прокатился? Жареный петух тебя пониже спины клюнул? Детство золотое вспомнилось? Ладно, хоть цел остался, да не

рассыпался по дороге как мешок с костями. Вперёд наука будет, – пробормотал сам для себя Петрович и заковылял к санкам.

Стаскивать сани с бровки обратно на дорогу было тяжело – уж очень прочно засели они в глыбистом снежном крошечке, так что после этой работы Петровичу пришлось снова садиться на дрова и отдыхать, восстанавливая дыхание. Дышать было почему-то тяжело – будто бы грудь оказалась вдруг перетянута хоть не особенно тугим, но всё-таки довольно ощутимым резиновым жгутом. Да ещё и сердце всё никак не успокаивалось – гулко и часто бухало за грудиной где-то около самого горла, и удары его отдавались в ушах тихим шорохом кровавого тока.

«Крепко, видать, приложило меня с санок-то» – обеспокоенно подумал Петрович. – «Не иначе как грудь зашиб».

Ужасно захотелось вдруг выпить горячего чая. Хоть немного. Но лежавший в ящичке термос был пуст, и Петрович вздохнул с сожалением – придётся до дому терпеть.

Здесь, в овраге, укрытом склонами от солнечного света, воздух уже начал сереть в преддверии ранних зимних сумерек, и эта неуловимая глазом серость отдавалась в душе неясно-тоскливым беспокойством. Петрович поёжился – без движения морозец начинал слегка пощекотывать спину под ватником – и обеспокоенно посмотрел на часы. Времени, однако, было совсем немного – всего-то три часа.

Наконец дыхание восстановилось.

Петрович всё с тем же кряхтением поднялся на ноги, перекинул ремённую ляжку через плечо, подёргал её, прилаживая поудобнее, и продолжил путь. Пройти оставалось всего ничего – преодолеть пологий, но долгий и тягучий подъём по склону оврага, а там ещё метров триста по ровной дороге – и вот он, дом. В гору, правда, идти с гружёными санями было тяжело, но Петрович уже не первый десяток раз мерил шагами эту дорогу и, привычно навалившись на ляжку, он зашагал вперёд. Однако на этот раз идти было почему-то тяжелее обычного. «Сани, что ли, слишком перегрузил сегодня, или, может, полоз погнулся и тормозит?» – подумал Петрович и сильнее приналёг на ляжку. Примерно к середине подъёма стало ещё тяжелее – ноги начали делаться ватными, дыхание сбилось, и по спине заструился ручеек пота. Петрович хотел было совсем уже остановиться, но подумал, что после остановки будет трудно стронуть сани с места, да сразу в подъём. «Вот выкарабкаюсь наверх – там и передохну» – решил он и ещё сильнее наклонился вперёд, преодолевая сопротивление отяжелевших саней. Однако через несколько шагов сердце в его груди вдруг стукнуло как-то не в такт, неровно, а потом и вовсе затрепыхалось часто-часто, будто вытасченная из воды на берег мелкая рыбёшка, грудь вдруг стала тесной и не захотела пропускать в себя воздух, в глазах потемнело, в голове что-то звонко, с раскатистым стекляннным перебором, лопнуло, и свет в глазах окончательно померк.

«Вот и всё. Отпрыгался», – вяло, с какой-то равнодушной неохотой проплыла последняя мысль.

Падения и удара о дорогу он уже не чувствовал.

Петрович медленно и невесомо плыл в никуда сквозь белую мутную пелену. Пустая, плотная как вата тишина окружала и баюкала его, а какая-то невероятная, нереальная лёгкость и опустошённость колыхала медленными и спокойными волнами, унося всё дальше и дальше.

Тела своего он не чувствовал.

«Помер, что ли?» – шевельнулась вялая мысль, а следом пришла другая, медленно-успокоительная: – «Точно, помер. Сейчас, видать, ангелов с крыльшками увижу».

Тут вдруг в белую муть вплыло откуда-то со стороны размытое желтоватое пятно, и трубный глас архангела, разбивая охватившие Петровича покой и тишину, громыхнул будто гром небесный:

– Во, Настасья Петровна – покойничек-то наш глазами хлопать начал!

Глас архангела почему-то здорово походил на голос Серёги Кузовлева, а со стороны тут же прилетел и строгий ответ на этот глас:

– Так и должно быть. А Вам, дядя Серёжа, я уж сколько раз говорила, чтоб Вы меня Настасьей не звали, а Вы всё равно дразнитесь. Трудно, что ли, Настей или Анастасией назвать?

Это был уже голос Насти Полуяновой – молоденькой фельдшерицы местного ФАПа.

Глаза Петровича медленно сфокусировались, и белая мутная пелена перед ними оказалась вдруг крашеным потолком его собственной кухни, а неясное жёлтое пятно – довольной и улыбающейся от уха до уха рожей Серёжки Кузовлева. А в нос неожиданно ударил не ощущавшийся до этого острый и резкий запах медикаментов.

«Живой, значит», – подумал про себя Петрович, а вслух вяло произнёс:

– Что это со мной?

– А обморок! – весело отрапортовал Серёга.

– Не обморок, а давление у Вас, Иван Петрович, не в порядке. Пониженное. Я давно уж говорила, что нельзя Вам больших нагрузок себе давать. Вы же пожилой человек уже, а всё норовите как молодой бегать. Нельзя так пожилым-то, – строго выговорила Настя.

Петрович промолчал, вздохнув, а про себя подумал: – «Вежливая. Нет бы так и сказать: “Старик ты, Петрович, а потому прижми задницу и сиди дома”, а она – вишь – “пожилым” именуется».

Он попробовал приподняться – очень уж неудобно лежала слишком закинута назад голова, да ещё и ноги свисали с короткого для лежания кухонного диванчика, но тело слушалось плохо, было вялым и неподатливым, да ещё и Настин голос одёрнул строго:

– Лежите, Иван Петрович! Вам сейчас полежать нужно, а я вот сейчас укол ещё один Вам сделаю, а потом давление померим.

Серёгина улыбающаяся рожа уплыла в сторону, и её место заняло нахмуренное в преувеличенной строгости лицо Насти. Тут же в левую руку, будто комар укусил, впиалась игла.

– Ну вот, – управившись с уколом, успокаивающе сказала Настя. – Скоро легче станет. А пока полежите с полчаса, не вставайте.

– Неудобно мне, – пожаловался Петрович.

Тут же подскочил Серёга – помог приподняться и подвинуться, приволок и подsunул под плечи подушку, а сам в это время таратроил без умолку:

– Ну и напугал ты меня, дядь Вань! Я петли на зайцев проверять ходил, а как увидал, что ты в угоре с копыт слетел, так будто палкой меня огрели! Всё, думаю, хана нашему Петровичу! Окочурился! Верь-нет, а не помню, как до тебя добежал! Лыжи скинул, на санки тебя погрузил – и ходу! А тут вон Настя как раз идёт! Здорово подстатило! Обход у неё! Теперь уж что! Теперь у тебя как в мультике: – «Фершал жить дозволил»!..

Серёга говорил что-то ещё – быстро, громко и путано. Видать и впрямь здорово перенервничал. А Петрович вдруг снова почувствовал, что ему ужасно хочется выпить чаю. Горячего, крепкого и сладкого.

– Серёжа, поставь-ка чайник, а? И завари покрепче. По-нашему. Полесному. Ладно? – оборвал он Серёгины разглагольствования.

– Сделаем! – с готовностью кивнул Серёга и, обрадованный тем, что ему нашлось хоть какое-то дело, подхватил со стола литровый пластмассовый чайник и кинулся в угол, где стояла алюминиевая фляга с водой.

– А ещё, слышь, Серёга, достань-ка там в холодильнике. Я-то не компания тебе сейчас, а себе плесни. Стресс снимешь.

– А вот это ты, Петрович, совсем молодец! – обрадовался Серёга и, водрузив чайник на подставку, вытащил из холодильника непочатую бутылку водки.

Быстро скрутил пробку, налил себе чуть меньше половины стакана, чокнулся, за неимением собутыльника, прямо с бутылкой, одним махом выплеснул водку в рот и начал высматривать на столе что-нибудь из закуски. Всё это Серёга проделал будто бы одним движением – так ловко, быстро и энергично, что Петрович невольно им залюбовался и искренне пожалел, что не может сейчас составить ему компанию. Серёга тем временем ухватил со стола какую-то сухую корку, поднёс её к носу, занюхивая выпитое, а потом, блаженно прикрыв глаза, шумно и удовлетворённо выдохнул:

– Хорошо... будто камень с души свалился.

– А ты наливай. Не стесняйся, – подбодрил его Петрович.

– Не, – мотнул головой Серёга. – Сейчас я тебе, Петрович, чайку быстренько сварганю, а потом побегу – надо дровишки твои приволочь – я ведь санки-то прямо на дорогу опрокинул, чтоб тебя погрузить. И лыжи свои там же бросил. Вот когда вернусь, тогда и хряпну ещё немного. К тому времени, глядишь, медицина и тебе пригубить малость позволит. – И продолжил уже в Настину сторону: – Как, медицина, можно будет больного народным средством попользовать?

Настя стрельнула в Серёгу строгим взглядом и безапелляционно отрезала:

– Двадцать грамм!

– Вот по двадцать грамм и позволим! – легко и весело согласился Серёга. – А ещё, Петрович, я сегодня ряба добыл. Одного, правда. Для еды вроде как и маловато, а на закуску – в самый раз. Вот мы его с тобой тут и оприходуем.

Потом, пока Настя мерила Петровичу давление, он заварил свежего чаю, подождал, пока тот настоится, налил Петровичу полную кружку горячей и густой до черноты жидкости, бухнул туда четыре ложечки сахара, и, передав Петровичу из рук в руки это своё творение, ушёл.

Петрович лежал, опершись плечами на подушку, мелкими глотками прихлёбывал казавшийся удивительно вкусным чай и, слегка скашивая глаза, наблюдал за тем, как Настя укладывает обратно в чемоданчик лекарства и свой мудрёный медицинский инструментарий. Смотреть на Настю было и приятно, и одновременно немного грустно – очень она напоминала Серафиму, покойную супругу Петровича, когда та молодой была – такие же ловкие и сноровистые движения, такая же ладная, слегка полноватая фигура, и даже такой же тёмно-русый завиток волос на щеке...

А Настя споро собрала чемоданчик, ещё раз строго-настрого приказала несколько дней полежать дома, отдохнуть, ни в коем случае не перегружать организм работой, и собралась уходить.

– Настенька, подай-ка мне, милочка, «лентяйку» от телевизора, – попросил Петрович. – Самому-то мне, видать, не подняться пока. Слабость какая-то.

– Это пройдёт, – пообещала Настя, протягивая Петровичу пульт управления телевизором. – Вы только лекарства регулярно принимайте, да берегите себя.

– Беда тебе со мной, стариком, – криво улыбнулся Петрович. – Опять вот из-за меня беспокоиться пришлось.

– Ой, дядя Ваня, это разве беспокойство, – грустно вздохнула Настя. – Вот с теми, кто помоложе, действительно беда. Замучилась я уж пьяниц этих откачивать да из запоев выводить... и самой противно, да и всё равно без толку. Сегодня его в чувство приведёшь, а завтра, как отлежит, смотришь – он опять «чуть тёпленький» по деревне болтается или вообще валяется где-нибудь.

– Да уж... – согласно кивнул Петрович. – Ты это, Настенька, свет выключи, когда пойдёшь-то. Я телевизор посмотрю.

– Ладно, дядя Ваня. Выключу... А Вы бы хоть собачку себе, что ли, завели – всё веселее было бы. Скучно ведь, наверное, в одиночку-то Вам?

– Мне-то веселее было бы... да только зачем сиротину после себя оставлять? Мне-то ведь немного уж осталось, а собаке потом куда деваться? Нет уж – я лучше так. С телевизором.

И Настя, грустно вздохнув, ушла, щёлкнув на прощание выключателем.

«А ведь и вправду немного мне осталось», – почти равнодушно подумал Петрович. – «Ежели год ещё протяну – и то хорошо. Интересно, что там – ангелы с крылышками, черти с кочергами, или совсем ничего?.. Вот ведь жизнь: – прошла, как один день. Думалось, что всё впереди ещё, а потом и не заметил как оказалось, что всё уже было... А спросить: – зачем жил, для чего жил – разве ответишь... И спросить не у кого... Хотя, наверное, раз жил – значит это было зачем-то нужно. Всю жизнь ведь делал что-то – работал, в армии служил, охотился, рыбачил. Сына вот вырастил, да двух дочерей ещё – какой-никакой, а след на земле оставил... Ладно, на том свете, наверное, скажут для чего всё это нужно было... или не скажут. А сейчас Серёга уже скоро должен прийти. Зря я попросил Настю свет выключить. Напугаю ведь опять мужика – подумает, что помер... Ну да ладно, испугается – ещё раз стресс снимет. Есть чем. Да и я с ним, пожалуй, пригублю малость...»

Петрович ещё раз вздохнул и нажал зелёную кнопку на чёрном пластмассовом брусочке пульта.

Чалка

В коровьей жизни, как и в любой другой жизни любого другого существа, тоже иногда случается везение, а Чалке, (если, конечно, судить по коровьим меркам,) повезло почти несказанно.

Во-первых – она просто-напросто пережила ещё одну зиму, а это не такая уж и малость для простой бурёнки из так называемого «общественного стада».

Во-вторых – ветеринары и зоотехники проморгали её стельность. Ну вот взяли они, да и не заметили того, что внутри Чалки завязалась и начала созревать новая жизнь. Ушами, как говорится, прохлопали. Бывает, знаете ли, такое с ветеринарами и зоотехниками, особенно если они живут на нищенскую

зарплату и более всего озабочены не здоровьем каких-то там общественных бурёнок, а тем, как бы это умудриться на такую зарплату прокормить своё, личное, маленькое, до боли родное и любимое стадо, именуемое у людей семьёй.

В-третьих – Чалкино время телиться приспело в самом начале лета, когда отощавшее за зиму стадо с грехом пополам выгнали и вытащили из душных коровников и определили на вольный выпас – в пойменные острова, богатые простором и разнотравьем. А там – известное дело – пастухи да доярки вспоминают о коровах только ко времени дойки, а в остальное время бурёнки бродят, где хотят, выискивая места, где травка посочнее, где комары со слепнями не так донимают или где просто можно полежать спокойно и понежиться в теничке пережевывая сладкую зелёную жвачку. А кроме всего прочего летом почти никто и не обратит внимания на внезапно округлившиеся коровьи бока – подумают, что очень даже славно отъедается худобушка на свежей травке после скудных зимних рационов – вот и всё.

А в-четвертых люди взяли, да и придумали себе замечательную штуку – праздник. День России называется (или День независимости – это уж кто как захочет назвать).

А в праздник, само собой, всё немножко не так. Всё по-особому.

Взять хотя бы то, что у всех нормальных людей выходной, а доярки с пастухами тоже люди, и кого-то дома ждут гости, кого-то дети, кого-то неотложные дела, кого-то просто поджидает непочатая бутылка с прозрачной жидкостью, кому-то надо успеть перехватить готового сорваться в загул мужа, да мало ли ещё что... тут уж никто особо не озаботится тем, что в стаде какой-то одной коровы не хватает, и не пустится никто искать её по островным кустам да ляговинам – куда она денется-то с острова, тем более что волков в этом году вроде как в округе не видно...

И после праздника до одной отдельно взятой коровы тоже никому дела нет – у кого похмелье, у кого радость, у кого заботы...

Вот и не вспоминал никто про Чалку целых два с половиной дня – тоже везение...

Где-то с полудня Чалка почувствовала в себе странное, неясное ещё беспокойство, которое не давало ей, как обычно, мирно щипать сочную траву вместе с другими коровами или отдыхать где-нибудь в тени ивовых кустов, а толкало её, звало куда-то, заставляло бесцельно бродить по пастбищу и, позабыв о кормежке, бесцельно и беспокойно тыкаться носом в круглые бока равнодушных товарок по стаду и испуганно шархаться от проезжающих мимо верхом на лошадях пастухов.

К вечеру это беспокойство переросло в могучий и древний инстинкт, а уж он-то сразу подсказал Чалке, что и как нужно делать.

Медленно и осторожно, короткими переходами, затаиваясь за каждым кустиком, Чалка начала постепенно уходить всё дальше и дальше от стада. По дороге она часто и надолго останавливалась, прислушивалась, не идёт ли кто за ней, не раздастся ли вдруг близкий топот лошадиных копыт или лёгкое похлопывание голенищ резиновых сапог. Далеко по широкой дуге за кустами обошла она пастушью сторожку с привязанными около неё лошадьми и только тогда, когда и люди и коровы остались далеко позади, Чалка споро зашагала, быстро удаляясь от стада.

Правду сказать – Чалкина осторожность была не особенно-то и нужна.

Незадолго до этого в сторожку вернулся пастух, которого коллеги по

работе отряжали в деревню на добычу спирта. Вернулся он не с пустыми руками и теперь у людей появилось куда как более важное и интересное занятие нежели пастьба общественного стада. Сами же коровы, хоть и являлись по сути своей существами стадными, однако долгое общение многих поколений их предков с людьми, а так же постоянное отсутствие среди них особой мужского пола, а проще сказать быков, которые по задумке матушки-природы должны выполнять, как говаривали когда-то партийные боссы, организующие и направляющие функции в коровьем стаде, притупило их естественные инстинкты, и бурёнки теперь совершенно не обращали внимания на поведение своих товарок – этим, как они были уверены, должны заниматься люди.

Единственно кто мог бы сейчас остановить Чалку – это две деревенские дворняги, прижившиеся на лето около пастухов, однако собаки вообще, а дворняги в особенности, вовсе недаром числятся одними из первых интеллектуалов животного мира. Вот и эти две псины были довольно сообразительными и отлично знали, что если люди начали потреблять прозрачную жидкость из пластмассовой полторалитровой бутылки, то часть того, чем они эту жидкость заедают, запросто может перепасть и им, собакам. Поэтому дворняги вовсе не горели желанием уходить куда-то от сторожки, и не было им сейчас никакого дела до какой-то коровы, отправившейся неизвестно куда, неизвестно зачем. Совсе даже неинтересна им была сегодня эта корова.

А Чалка ушла далеко – за дальнюю кромку островного ельника. Там она долго бродила среди кустов ивняка и чахлых метёлок можжевельника, принюхивалась и приглядывалась, и наконец облюбовала небольшую прогалину, прикрытую со всех сторон переплетением ивовых веток.

Там, на этой прогалине, в белесых сумерках белой ночи и появился на свет телёнок – широколобый чернобокий бычок с продолговатой белой звездочкой между бугорками будущих рогов и с белыми же, будто одетыми в гольфы ногами.

Чалка долго вылизывала его своим шершавым ласковым языком, пока тот не поднялся наконец на свои, не окрепшие ещё, а потому и не совсем уверенные ноги и не сумел нашарить мокрым своим носом мамкино вымя и впервые попить тёплого, густого и вкусного материнского молока.

Потом, когда телёнок окончательно обсох и почти что совсем уверенно начал переставлять голенастые ноги, Чалка снова отправилась в путь вдоль кромки ельника. Белоногий её сынишка засеменял рядом, обок от матери, и хотя время от времени всё ещё немного путался в своих собственных ногах или, стремясь потеснее прижаться, неожиданно оказывался под материным брюхом, однако шагал бойко, почти без задержек. Так они добрались до небольшой, густо поросшей клевером и тимофеевкой луговины в ивняке, один конец которой упирался в стену густого ельника, а второй полого сбегал в кочковатую осоку на берегу мелководного, оставшегося от весеннего разлива озера...

Инстинкт, конечно, великая вещь.

Академик Павлов в своё время и академиком-то именно потому стал, что сумел доказать главенствующую роль инстинктов в жизни и поведении животных. Дескать, увидело животное пищу – вот и пошел процесс слюноотделения. Учужал самец готовность самки к спариванию – вот и взыграл в нём инстинкт продолжения рода. Появилось на свет божий потомство – вот и начинают его животные инстинктивно защищать... Короче говоря, жизнь

животного – это ни что иное, как сплошное скопление и переплетение инстинктов и ничего более.

Академики – они, конечно, ребята куда как умные, и с ними особо не поспоришь. Они, академики-то, уж ежели какую штуку исследовали да обосновали – так она, штука эта, с научной точки зрения прямо-таки железобетонной становится. Даже и называться-то начинает не иначе как «фундаментальный закон» или «краеугольный камень».

Но это с научной точки зрения.

А что касается жизни, то она на поверку оказывается куда как сложнее и хитрее любых самых заковыристых теорий, и нет таких краеугольных камней и фундаментальных законов которые она не смогла бы обойти...

Два дня Чалка безотлучно провела с Белоногим – благо в праздники никому не было особенного дела до какой-то там коровы, а потом она как ни в чём не бывало вышла к утренней дойке. Сначала-то, конечно, Белоногого покормила, а уж оставшееся молоко понесла к людям.

А вот как она сумела объяснить Белоногому, что ему нужно оставаться одному на прогалине, таиться, не шуметь и терпеливо дожидаться мамку – это, наверное, так и останется во веки веков великой неразгаданной тайной природы. Ведь если верить современной науке, то инстинкты должны были заставить Чалку безотлучно находиться около своего телёнка, а Белоногого всегда и везде следовать за матерью – только так и никак иначе. Однако Чалка с Белоногим ничего о современной науке не знали, об академике Павлове никогда не слышали, ко всяческим теориям и их экспериментальным обоснованиям относились с полным пренебрежением, а потому и делали то, что считали нужным.

Так и повелось у них – трижды в день Чалка выходила к людям и, как оно положено нормальной колхозной корове, добросовестно отдавала людям молоко, а Белоногий терпеливо дожидался её на прогалине за ельником – лежал где-нибудь в тенёчке или осторожно переходил с места на место. После дойки Чалка неизменно возвращалась на прогалину, и всё остальное время мать и сын проводили вместе.

Дта коровья идиллия нарушалась всего дважды.

В первый раз на прогалину вышли трое ребятшек-подростков с удочками. Ребята были нездешними – они приехали на лето в деревню из города, пошли на рыбалку и слегка заплутали в островных кустах, когда переходили с одной речной протоки на другую. До коров с телятами ребятшкам не было никакого дела – они просто прошли по прогалине и снова скрылись в кустах, а Чалка, обеспокоенная появлением людей, ещё долго после этого неподвижно стояла на одном месте. Напряжённая, с высоко поднятой головой, она тревожно прислушивалась, ловила запахи раздувающимися время от времени ноздрями и пыталась понять, не грозит ли бедой это неожиданное происшествие. Белоногий, не осознававший никакой опасности, но почуявший материное беспокойство, жался боком к Чалкиной холке, и боялся отступить от матери хотя бы на шаг. Но ничего не происходило, и Чалка постепенно успокоилась.

Во второй раз на Чалку с Белоногим разбежался Пират.

Пират был обыкновенной дворнягой и вёл обычный для деревенских собак полубродячий образ жизни. Формально у него был хозяин, который иногда его кормил, и к дому которого Пират прибегал холодными зимними ночами, чтобы укрыться от мороза в старенькой, но ещё крепкой будке, но в остальное время пёс был совершенно свободен и занимался тем, что колесил по деревне и

её окрестностям в поисках лакомого куска, приключений и прочих незамысловатых собачьих удовольствий. На лето Пират прибывался к пастухам. Около пастушьей сторожки всегда можно было рассчитывать на кормёжку, да и житьё летом в островах было просто замечательным – кругом простор, воля, а отрабатывать свой собачий кусок хлеба было не так уж и сложно. Всего и надо, что вовремя облаять чужака да подогнать к стаду отбившуюся корову. Пирату даже нравилась такая работа – с грозным рычанием подскочить к непослушной корове, а потом бежать позади неё, взлаивать и взрыкивать, видеть как смешно задирается коровий хвост, а сама бурёнка быстро-быстро семенит ногами, стараясь как можно быстрее добежать до стада и укрыться в толпе товарок от грозного преследователя. Это была такая своеобразная игра – Пират делал вид, что сердится и злится, а коровы делали вид, что они его боятся, и всем было хорошо и даже весело, ведь если разобраться, то собаки с коровами они тоже живые, тоже о чём-то по-своему мыслят и им тоже нужны развлечения.

Вот и в этот раз Пират с лаем выкатился из кустов и побежал к одинокой корове, но уже на полдороге замолк и озадаченно остановился. Корова вела себя как-то не так. Не по правилам. Вместо того, чтобы задрать хвост и улётывать во все лопатки, она шумно задышала, низко-низко опустила голову и выставила в сторону собаки два острых и опасных рога. И даже совсем по-бычьему пару раз рванула землю передней ногой. А к задней ноге коровы жался боком молоденький бычок и, так же как и мать, гнул к земле свой безрогий ещё лоб и шумно дышал.

Пират малость поразмыслил, а потом снова залаял и попытался по широкому кругу обегать корову, чтобы оказаться у неё сзади, но корова тоже начала поворачиваться, и рога её неотрывно глядели в сторону Пирата. Тогда пёс бросился к корове напрямую в надежде на то, что та всё-таки испугается и побежит, а он с привычным лаем устремится вслед за ней, но корова раздула ноздри и сама неожиданно прыгнула вперёд, да ещё и мотнула головой так, что едва не зацепила пса рогами.

И тут Пират испугался. В тот самый миг, когда острые кончики рогов скользнули вдоль его бока, а жаркое дыхание из раздутых ноздрей шевельнуло шерсть на спине, на него вдруг пахнуло чем-то древним, грозным и смертельно опасным. И смутно знакомым. Знакомым с тех дальних-предальних времён, в которых предки Чалки и Пирата – хищники и жертвы – сходились в смертельных схватках. Схватках, в которых один должен был обязательно умереть, чтобы жил другой. И память о тех временах всё ещё жила в крови Пирата и Чалки.

Это была уже не игра. И перед Пиратом стояла сейчас не привычная к подчинению и побоям общественная коровёнка. Перед ним стояла грозная и опасная, вооружённая рогами, готовая убивать или быть убитой Жертва, защищающая своё потомство от Хищника.

Мгновенно сообразивший всё это Пират отбежал подальше, постоял немного, раздумывая о чём-то, а потом, для порядка и для самоутверждения, гавкнул ещё пару раз и скрылся в кустах. И с тех пор обходил Чалкину прогалину десятой дорогой.

Пират был очень умной собакой.

Но был и ещё один случай, о котором Чалка даже не подозревала.

Этим летом в деревне снова объявился странный человек Фёдор Пантелеймонович Кукушкин. Станным он был потому, что принадлежал к редкой и удивительной породе деревенских бомжей, которые, по всей видимости, ведут свою родословную от знаменитых «калик переходящих».

Это был невысокий и сухощавый мужчина где-то пятидесяти лет от роду, с пегой от седины бородой. По характеру был он тих, спокоен и задумчив. Спиртным, в отличие от городских или лесных бомжей, не злоупотреблял, а выпивал редко и немного. Квалификации у него никакой не было и работал он чаще всего пастухом, скотником или грузчиком, но если брался за работу, то не отлынивал и делал её старательно. И денег за работу много не просил – лишь бы на еду да на курево хватало. Да ещё было бы место, где переночевать. И был бы Фёдор Пантелеймонович почти идеальным работником, если бы не его странности. Он делал только ту работу, которую сам хотел делать, совершенно не терпел, когда им командуют и кричат на него, а ещё мог неожиданно, ни с того ни с сего, вдруг исчезнуть куда-то и объявиться снова через неделю, через месяц, а то и вовсе через пару лет. Всё его немудрёное имущество влезало в небольшой рюкзачок, и с этим рюкзачком бродил он туда-сюда, нигде особо не задерживаясь. Отработает лето где-нибудь пастухом – и поминай как звали. Уходит. А потом объявится вдруг то трудником в монастыре, то скотником в соседнем хозяйстве, то сторожем у какого-нибудь частного...

В этот раз он пришёл в деревню и нанялся пастухом. На работу его взяли охотно – летом в деревне дел много, а что касается странностей – так что уж с этим поделаешь.

В начале августа Фёдор Пантелеймонович то ли по какой-то надобности, то ли просто из какой-то своей прихоти неспешно разъезжал на лошади по острову и случайно увидел пасущихся на прогалине Чалку и Белоногого. Остановив лошадь, он не стал выезжать из кустов, а долго и задумчиво смотрел на маленькое коровье семейство, и глаза его при этом стали вдруг печальными и отстранёнными. Будто бы не из кустов на корову он смотрел, а устремлялся взглядом в какие-то дальние, ему одному ведомые дали, в которые ушло и навсегда потерялось там что-то дорогое, светлое и удивительно хорошее. Долго смотрел так Фёдор Пантелеймонович, а потом вздохнул глубоко и грустно, погладил жёсткие волосы лошадиной гривы и сказал тихо, только к себе самому обращаясь:

– Жисть... Ишь – и у них счастье своё... трава да воля – много ли надо... гуляй, мышата, покуда кот спит...

После этого поехал Фёдор Пантелеймонович напрямик к пастушьей строжке, привязал там лошадь к столбу, собрал свой рюкзачок и ушел куда-то. Даже в контору за расчетом не заглянул.

* * *

В начале сентября, когда коров начали загонять на зимние квартиры, к зоотехнику прибежала бригадирша животноводов Настя Веретенникова:

– Вера Александровна, у нас тут «ЧП» случилось. У Лидки Копалиной в стаде корова пропала. Чалка. Во дворы выгонять начали – и не досчитались. Пастухов искать послали, а те нашли её около ельника с телёнком. Втихаря, значит, отелилась и пряталась. Одичала совсем – никого к себе не подпускает. Что делать-то?

– Посмотрим, – ответила Вера Александровна и пошла к председателю выпрашивать «уазик» для поездки в остров.

Когда они вместе с Настей приехали в остров, пастухи оживлённо

обсуждали что-то между собой, а поодаль, на прогалине, напрягшись и настороженно вытянув шею, стояла Чалка, около ног которой тёрся телёнок.

– Ну что тут у вас? – недовольным голосом спросила зоотехник. – С коровой управиться не можете?

– А ты поди и сама попробуй! – возбуждённо выдохнул Сашка Федосеев. – Я вон сунулся, так она меня едва на рога не подняла вместе с конём. Еле ноги унёс. Чего я вам – матадор тут какой – корриду с коровой делать?!

– А запросто и забодать могла, – вставил своё слово Семён Фёдорович, самый старший из пастухов. – Вот, помнится, лет пятнадцать назад в соседнем хозяйстве такая же история с коровой приключилась. Так стрелять её пришлось – иначе никак.

– Выдумашь тоже – стрелять! – недовольно буркнула зоотехник.

– Ну, ежели не стрелять – здесь оставь. Ежели к весне с голоду не сдохнут и волки не съедят, то будет у нас своя знаменитость – дикая корова, – усмехнулся Семен Фёдорович. – Можно будет экскурсии как в зоопарк водить.

– А как раньше-то не заметили, что коровы нет? – спросила Вера Александровна.

– Так ведь она хитрая. К дойке выходила, а потом, видать, снова втихаря к телёнку возвращалась. А между дойками мы коров не пересчитываем.

– Так, может, того... может, она не совсем одичала-то, коли к дойке выходила...

– Я к ней больше не ходок! – резко вскинулся Сашка – жить мне ещё не надоело.

– Я не к тому, – успокоила его Вера Александровна. – Я думаю, что ежели телёнка, а не её подстрелить, то она никуда не денется. Не совсем ведь одичала-то. Да и телёнок – бычок, а от бычков один убыток. Откармливать их невыгодно. И не числится он нигде.

– Не знаю... – раздумчиво протянул Семён Фёдорович. – Вы начальство, Вам виднее.

– Всё равно надо с председателем посоветоваться, – сказала Вера Александровна и полезла обратно в кабину «уазика».

Председатель был занят какими-то своими делами и от Веры Александровны отмахнулся:

– Делайте, что хотите. Телёнок у нас не оприходован, а ежели ещё и корову застрелите – так и хрен с ней. На вынужденный забой спишем.

Так что напрямик от председателя Вера Александровна пошла к Серёге Кузовлеву. Серёга был охотником и не раз бил в лесу лосей, так что для него корову или телёнка застрелить – раз плюнуть. Серёга на это дело согласился без долгих колебаний, но запросил за работу триста рублей и пару бутылок водки сверху. Однако после разговоров и уговоров в конце концов согласился только на водку и часть мяса от телёнка.

– Чего, Серёга, на охоту приехал? – весело осклабился Сашка Федосеев, когда из подкатившего «уазика» вслед за зоотехником выбрался Серёга с «вертикалкой» в руках.

– А то! – ухмыльнулся в ответ Серёга. – Показывай давай, где там дичина твоя.

– Да вона – за кустами на прогалине. Как в тире стоит.

Серёга, на ходу заталкивая патроны в переломленное ружьё, направился в указанную Сашкой сторону. Со стороны было видно, как он подошёл к кустам и,

не долго думая, вскинул ружьё к плечу. Потом почему-то долго-долго целился, но вместо выстрела как-то нерешительно опустил ружьё. Потом, будто собравшись с силами, снова вскинул «вертикалку» к плечу, снова прицелился, но так и не выстрелил, а неожиданно для всех повернулся и зашагал обратно к «уазу».

– Ты чего, Сергей? – обеспокоенно спросила Вера Александровна.

– Слышь, Александровна, водки дай, – вместо ответа как-то потерянно попросил Серёга.

Зоотехник молча протянула ему одну из бутылок. Серёга молча скрутил пробку, быстро крутанул бутылку в руке и прямо из горлышка отхлебнул почти половину её содержимого.

– Чего там, Серёжа? – в голосе Веры Александровны явно сквозило беспокойство.

– Не знаю, – угрюмо буркнул нюхавший рукав Серега. – Не могу выстрелить – и всё тут. Рука не поднимается.

– Да ты чё, Серый, – хмыкнул Сашка, – лосей как семечки щёлкаешь, а тут телка испугался?!

– Заткнись, – оборвал Сашку Семён Фёдорович, а Серёга тяжело вздохнул, зачем-то понюхал горлышко бутылки и тихо ответил:

– Так то лосей и в лесу... а тут... Ладно!

Он вдруг решительно поставил бутылку на заднее сиденье «уазика», повернулся и снова зашагал к прогалине. Там он сходу вскинул ружьё к плечу, почти не целясь выстрелил, круто развернулся и пошёл обратно. Около «уазика» он молча ухватил бутылку, выплеснул остатки водки в рот, а потом залез на заднее сиденье, поставил ружьё между колен и угрюмо уставился в боковое окно.

– Глянь, Саша, что там, – попросила Вера Александровна.

– А чего я-то?! – вскинулся Сашка. – Крайний, что ли?

– Ладно, матадор, сиди уж, – махнул рукой Семён Фёдорович и с криктом взобрался в седло.

– Ну? – вопросительно подняла бровь Вера Александровна, когда Семён Фёдорович вернулся.

– Завалил Серёга телка, – ответил тот, слезая с седла.

– А корова?

– А что корова. Стоит около него. Мать всё-таки.

– И что теперь? – влез Сашка.

– А теперь кому-то дежурить тут надо. Ждать. Не век же она так стоять будет. А как отойдёт – так и надо её перехватывать и на дворы гнать.

– А кто дежурить будет? – спросил Сашка.

– Ты и будешь, – с начальственной ноткой в голосе отрезала Вера Александровна.

– А чего всё я-то?! – вскинулся было Сашка, но тут его осенило: – Слышь, Александровна, а может того... может, Серёга ещё и мамашу «завалит»? Председатель же «добро» дал. И дежурить не надо. А Серёга вон поллитру в одну харю заглотив – ему сейчас по фигу...

Тут из машины как пружина вылетел Серёга, ухватил Сашку за пиджакишко на груди и вздёнул вверх так, что Сашкины ноги в старых «броднях» заболтались над землёй:

– По фигу?! – Серёга потрянул Сашку так, что у того свалилась кепка. – Думаешь, раз охотник, так и живодёр, да?! Да это я тебя, скотина, сейчас «завалю», и ни одна волосина у меня на заднице не дрогнет!..

– Серёжа, Серёженька, успокойся! – ухватилась сбоку за Серёгину руку Вера Александровна, а с другого боку к нему подскочил, почувявший неладное и мигом выскочивший со своего места председатель водителей:

– Брось, Серёга! Ну сболтнул он сдуру. Ну и ладно...

Серёга, опомнившись, резко оттолкнул Сашку от себя так, что тот с размаху сел на землю, и снова забрался на заднее сиденье. И уже оттуда глухо сказал:

– Александровна, а мяса мне никакого не надо. В горло оно у меня не полезет после этого. Водки только дай ещё бутылку – и всё.

– Ладно, Серёжа, – кивнула зоотехник и повернулась к пастухам, – вы тут подежурьте, ладно? А мы поедем.

– Во, блин! Чего он психанул-то? – сказал Сашка, подымаясь с земли и отряхивая штаны, когда «уазик», пыхнув бензиновым дымком, тронулся с места.

– Дурак ты, Сашка, – тяжело вздохнув, покосился на напарника Семён Фёдорович. – Скоро уж пятый десяток разменяешь, а ума всё не нажил. Ты бы хоть язык за зубами придерживать, что ли, научился. Оно для здоровья полезно.

* * *

С утра Чалку охватило какое-то беспокойство – она то встревоженно бродила туда-сюда по прогалине, то вдруг замирала, долго и настороженно стояла, прислушиваясь и приносясь, а потом снова начинала беспокойно перебирать ногами.

И впервые за лето не вышла к дневной дойке.

Белоногий тоже почувял беспокойство матери и не отходил от неё – испуганно жался боком к ногам.

Потом вдруг на поляну из кустов выехал человек верхом на лошади и с плёткой в руках. Человек что-то крикнул и взмахнул плетью, и это послужило для Чалки своеобразным сигналом – она коротко взмыкнула, наклонила голову, выставив вперёд рога и, раздувая в бешенстве ноздри, ринулась вперёд, метя рогами в лошадиный бок. Всадник снова что-то крикнул, смешно задёргал поводьями, разворачивая лошадь, и быстро скрылся в кустах.

Чалка ещё немного пробежала вперёд, а потом вернулась к Белоногому.

Теперь она чувствовала людей – ветер то с одной, то с другой стороны носил время от времени их запах, а иногда и отголоски их разговоров. Это ещё больше беспокоило Чалку, и она снова и снова обеспокоенно сновала по прогалине. Уйти она не решалась – кругом были кусты, а в кустах люди.

Неожиданно что-то грохнуло – будто гром раскатился в ясном небе – им тут же Белоногого качнуло в сторону, а потом у него подкосились передние ноги, и он ткнулся мордой в траву. Потом он ещё попытался подняться и у него это почти получилось, но его подвели уже задние ноги, и он упал набок. Потом телёнок вытянулся, из ноздрей у него показалась кровь, а смотревший на мать его поначалу блестящий глаз начал медленно затягиваться матовой поволокой.

Чалка нагнулась и обнюхала сына. От него по-прежнему пахло Белоногим, но к этому примешивался ещё один острый и страшный запах – крови, и ещё один – почти неуловимый, но пугающий ещё больше – запах смерти.

Чалка не могла понять, что случилось с Белоногим и почему он вдруг

упал, замер и начал так страшно пахнуть. Она подняла голову, осмотрелась и прислушалась, но поблизости никого не было, и только ветер доносил откуда-то издали приглушённые расстоянием запахи и голоса людей. Тогда Чалка снова нагнулась и лизнула Белоногого в то место, откуда на неё всё ещё смотрел, но уже не видел ставший совсем уже неживым глаз.

Белоногий не шелохнулся, и Чалка наконец всё поняла. И по чёрной её морде, от глаз к носу, скользнули две крупных коровьих слезы.

Чалка ещё долго не могла уйти и стояла над Белоногим, время от времени наклоняясь и обнюхивая его – материнский инстинкт не давал ей покинуть уже мёртвого сына. Но с течением времени от Белоногого всё меньше и меньше пахло Белоногим, в то время как страшный и отталкивающий запах Смерти становился всё сильнее и сильнее. И вот, когда на землю уже спустились сумерки, а в блёклом потемневшем небе начали загораться звёзды, Чалка в последний раз обнюхала то, что всё лето было её сыном, и медленно пошла к дороге, которая вела из острова в деревню. Там, в деревне, был скотный двор с его привычными запахами сена и силоса, с перекириваниями доярок и с перезвонами привязных цепей. Там был дом.

ПРОЗА

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы – веки» (2011).

Живёт в Москве.

«Над пробудившейся округой...»

Грачиный гам

И вновь грачиный слышен гам,
Их клич весенний – тут и там
Над милой рощей раздаётся –
И вдохновенно сердце бьётся,
И свет-улыбка по устам.

Над пробудившейся округой:
Над рощей, полем и над лугом –
Струится золотистый свет,
И зимней скуки больше нет,
И неподвластны мы недугам.

Земля, как маленький ребёнок,
Стремится выйти из пелёнок
И ей теперь уж не до сна –
Ликует, светится она,
И голос у неё стозвонок.

Весенний долгожданный миг!
Как рады мы, что ты достиг
Великой силы обновленья
И шлешь на землю вдохновенье,
И просветляешь её лик.

Весной

1

Вновь солнышко лучом приятным
Земли коснулось с высоты –
И ароматом благодатным
Пахнули вешние цветы.

Вновь обновлённая природа
Сияньем солнечным полна,
Под лучезарным небосводом
Невестой выглядит она.

Вновь занялось вокруг живое
Великим таинством любви:
В основе жизни – только двое,
Для них все радости земли.

Вновь душу тешит вдохновенье,
И сердце мечется в груди,
И прожитое – лишь мгновенье,
Всё остальное – впереди!

2

Миллионы солнц сверкают на лугу –
Одно другого краше!
Я их потрогать и сорвать могу,
И поместить в хрустальной чаше.

Их яркий цвет меня не жжёт,
Не слепит страждущие очи,
А тихой радостью в душе живёт,
Как ясный месяц среди ночи.

Такое не увидишь и во сне,
Такого не соткёшь красивого узора:
Ковёр природы под ноги ко мне
Стоцветием свисает с косогора.

Волшебные огни рассыпал и зажёт
Великий Бог – Ярило,
Чтоб каждый любоваться мог
Своей землёю милой.

3

Зацвели опять тюльпаны,
Вишни и сирень!
От их запахов мы пьяны
Целый день...

Всюду бело-кучевые
Плывут облака
И ромашки луговые –
В пене молока,

На Суре, Оке и Волге –
Всё в цвету!
Жаль, что видим мы недолго
Эту красоту...

4

Такое каждую весною
В душе случается моей:
Не надышусь я свежестью лесною,
Не налюбуюсь пахотой полей,
Не накупаюсь в водах синеоких,
Не належусь в густой траве,
Не наброжусь в хлебах высоких,
Не налетаюсь в синеве...

Весна своим волшебным звоном
Пленяет слух и разум мой,
В её аквариум зелёный
Я погружаюсь с головой,

И всё на свете забываю –
Дела, людей и города:
Для сердца моего блистают
Весной и солнце, и вода!

5

«Весна всегда первоначальна»
Сказал Расул – поэт,
Она не может быть печальна,
Весной печали нет.

Весна несёт всем обновленье,
Тепло и свет,
Её волшебным дуновеньем
Весь мир согрет.

Весны божественные чары
Пленяют всех,
И от любви гореть пожаром
Весной не грех.

6

Лишь одна у жаворонка песня,
Но, послушай, как она звенит!
Ей театром – поднебесье,
Авансценою – зенит!

В ней одной вся гамма звуков,
Всей природы существо:
И искусство, и наука,
И любовь, и торжество!

Звонче песни этой нету,
Выше всех её полёт!
Музыканты и поэты,
По сравненью с ней, не в счёт.

7

Весна цветастым полушалком
Накрыла мой любимый луг,
Я по нему иду вразвалку –
Лечу цветами свой недуг...

Вот белозубая ромашка
С улыбкой смотрит на меня,
А рядом – розовая кашка,
Гвоздичка, полная огня.

Они здоровья мне желают,
Лекарственный даря букет,
И для меня, я это знаю,
Лекарства лучше в мире нет.

8

Что за прелесть – это утро!
Что за прелесть – это солнце!
Бирюзой и перламутром
Залито моё оконце.

Что за радость – эта верба!
Что за радость та берёзка!
Всё вокруг – земля и небо –
Красотой сияет броской.

Что за чудо – птичье пенье!
Что за чудо – дух свободы!
Эти сладкие мгновенья
Мне дарованы природой.

Я душой их принимаю,
Берегу в глубинах сердца,
А без них, я это знаю,
Жизнь была бы горче перца.

Песенный апрель

*(Стихи написаны совместно
с Г.В. Черноголовиной)*

1

Лихие вьюги отшумели,
Звенит на улице капель.
Мы вновь душой помолодели,
И нас приветствует апрель!

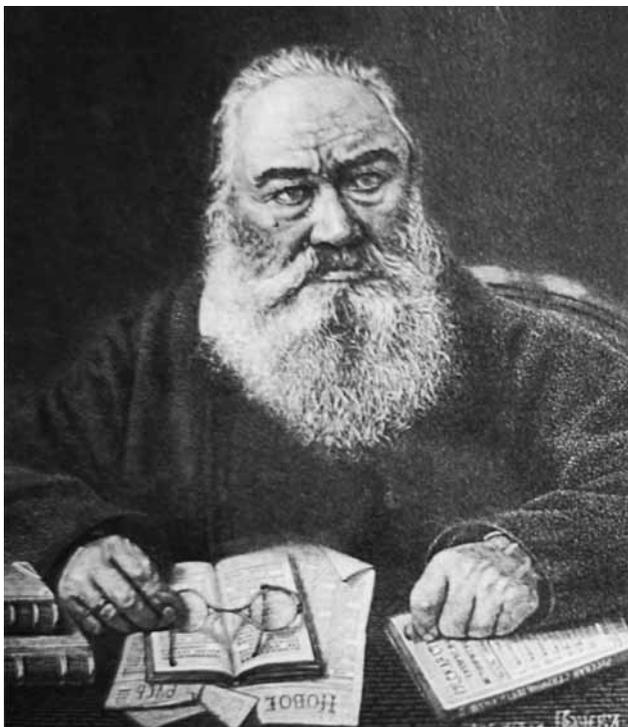
Зачем грустить, сутулить плечи –
Ведь жизнь так радостна, ясна,
Зовёт идти к любви навстречу
Нас всех волшебница весна,

Она тепло и солнце дарит,
И не забудет никого,
И всем на память нам оставит
Частицу света своего.

Россия глазами Жюль Верна

(О малоизвестном русскому читателю романе «Мишель Строгов»)

В то время, когда я работал над своим магистерским дипломом, посвящённым кругу общения Александра Ивановича Герцена, я случайно обратил внимание на одну книгу, изданную на французском языке. На написание диплома нам было выделено целое полугодие, свободное от занятий, и мне нравилось, что я могу работать в своём собственном ритме, когда ничто не отвлекает от основной задачи. Но в тоже время, я чувствовал, что постепенно забываю французский язык,

Эразм Иванович Строгов.
17 сентября 1880 г.

Сергей КОБЕЛЕВ

Сергей Константинович Кобелев – родился 27 мая 1989 г. в Москве, в православной семье. В 2006 г. поступил в Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет на Исторический Факультет. В годы учёбы в университете начал писать стихи и прозу. Осенью 2013 г. по благословению отца, протоиерея Константина Кобелева, начал работу по созданию филиала Бутырского музея при храме Покрова Пресвятой Богородицы на территории СИЗО №2. Поёт в Домодедовском церковном смешанном любительском хоре.

Живёт в Домодедове.

оказавшись оторванным от языковой практики. Поэтому, зайдя в библиотеку, взял в руки эту книгу. На обложке крупным красным шрифтом было напечатано заглавие: «Jules Verne Mishel Strogoff». «Строгов? – Это же почти что фамилия моих предков по материнской линии!!!» – подумал я с изумлением. Именно личность Эразма Стогова, родного деда Анны Ахматовой, который по совместительству является братом моего предка, привела меня к теме моего бакалаврского, а потом

и магистерского дипломов. Дело в том, что Эразм Стогов, будучи в молодости морским офицером, потом перешёл на службу в корпус жандармов, служил в Симбирске (нынешний Ульяновск) в должности штаб-офицера, а потом был назначен правителем канцелярии генерал-губернатора Юго-Западной России Д.Г. Бибикова. Мне хотелось заниматься тематикой, освещающей деятельность корпуса жандармов и тайной полиции, знаменитого Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Но ведь полиция не просто так существовала, она с кем-то боролась! Так, по совету научного руководителя, доктора исторических наук, профессора Андрея Юрьевича Андреева, я пришёл к тематике русского демократического и революционного движения, и в частности занялся изучением проблем, связанных с Александром Ивановичем Герценом, знаменитого русского эмигранта, стоявшего у самых истоков русского оппозиционного движения. Так вот, когда я взял в руки этот малоизвестный русскому читателю роман Жюль Верна, моё изумление усилилось ещё больше, когда я обнаружил, что Мишель Строгов, главный положительный персонаж романа Жюль Верна, также, как и когда-то Эразм Стогов, предпринимает путешествие по Сибири из Петербурга в Иркутск и состоит на службе в корпусе жандармов. Самое интересное, что главный отрицательный персонаж революционер Иван Огарёв, по ходу развития романа реализует те планы, которые высказывал друг Герцена Николай Платонович Огарёв в своём письме к Сергею Геннадиевичу Нечаеву, прототипу Петра Верховенского в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Дело в том, что Нечаев строил планы «разбойничьей» революции, то есть по сути свержения власти группой вооружённых лиц. Огарёв же возражал на это следующими словами: «Дело не в разбойничьем восстании (которое никогда не удавалось, кончалось гибелью и не распространяло никакой правды), дело в человеческом, в народном, в открытом восстании. Вот о нём-то, как оно может быть в России,

Диск с саундтреком из фильма Мишель Строгов
1975 г. Франция и Италия

Мишель Стргов. Комиксы на английском языке

я хочу поговорить. <...> Следовательно, русское восстание необходимо имеет свою точку отправления в восточной России и самое быстрое присоединение к восстанию средней полосы. В этом (а не в разбойничьем мире) весь залог успеха. <...> Идти быстро с Урала с башкирами и с Дона с киргизами на Москву – составляет стратегическую методику. Сибирь и Кавказ позади всегда окажутся верными союзниками*. Все эти факты уже не могли быть простыми совпадениями. Становилось очевидным, что фабулу своего романа Жюль Верн взял из реальных планов российских революционеров, да и основные персонажи имели своих реальных прототипов. Французские критики оценивают этот роман, как построенный на противостоянии Света и Тьмы**. Два лагеря – Добро и Зло, Порядок и Анархия, сошлись на страницах романа

Жюль Верна, представляющем собой рассказ о том, что могло бы происходить в России в конце XIX века. И на стороне Добра – человек из моего рода. Откуда же французский фантаст мог узнать все эти факты, послужившие основой фабулы романа? «Мишель Стргов» был издан в 1876 году, воспоминания Эразма Стогова в 1877. Во французском предисловии одного из изданий романа*** сказано, что название романа подсказал автору русский посол во Франции Николай Алексеевич Орлов****. Там же рассказано и об участии в судьбе романа Ивана Сергеевича Тургенева. Может быть, Орлов рассказал Жюлю Верну о судьбе верного слуги Государя, а Тургенев раскрыл замыслы своего близкого друга и политического оппонента Огарёва?

Многие поколения русских мальчишек и девчонок, можно сказать, были вскормлены концом индейских стрел, глотая романы Майн-Рида, учились отстаивать свои принципы, представляя себя рыцарем, подобным Айвенго и Квентину Дорварду, читая романы Вальтера Скотта, и, конечно же, бороздили океан в облики пятнадцатилетнего капитана Дика Сэнда. Серьезный, мудрый и печальный капитан Немо, несгибаемая пятёрка северян, бежавших

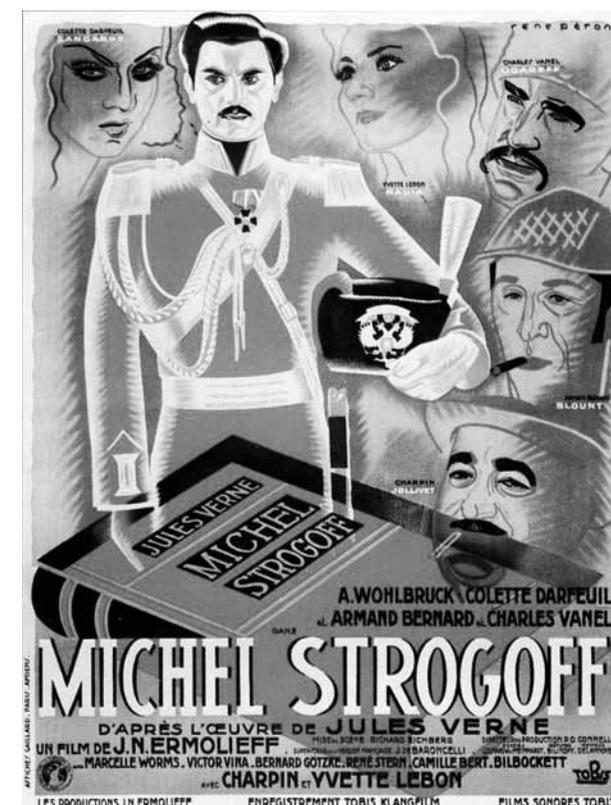
* Литературное наследство. Т. 41-42. М.: 1941. С. 66.

** Jean-Pierre Goldenstein. Preface. В кн.: Jules Verne. Michel Strogoff. Manchecourt, 1992. С. 1-13.

*** Там же.

**** Там же. С. 2.

из Ричмонда в годы Гражданской Войны в США, и волею случая оказавшаяся на Таинственном острове, всегда вызывали живой отклик в юных сердцах и давали пищу для взрослеющих мозгов. По другую сторону железного занавеса, растаявшего как стена ледяной крепости с концом Советской власти в России, другие мальчишки и девчонки читали те же самые книги. Но не все романы Жюль Верна были доступны широкому русскому читателю. Маленький семилетний мальчик, ставший потом Жаном-Полем Сартром, держал в руках Мишеля Стргова ещё до постройки советской ледяной крепости*. Но и тогда его сверстники из России эту книгу не читали. Со времени своей первой публикации во французском журнале «Magasin d'éducation et de recreation», где роман был опубликован частями в номерах за 1876 год, и выхода отдельной книги трудами издателя Этцеля в том же, 1876 году, этот роман не переставал вызывать интерес во всём мире, кроме России. В чём же причина? – Посудите сами: в романе описывается нашествие татар и киргизов на территорию России в конце XIX века. По улицам Нижнего Новгорода ходят дрессированные медведи, и это всё происходит в стране, где уже существует телеграф и железные дороги, где существует развитая культура и наука, где живут и творят писатели с мировым именем Толстой, Достоевский, Тургенев, где Менделеев видит во сне свою знаменитую таблицу. Русский читатель может читать эту книгу, только полностью абстрагировавшись от реалий Российской жизни. И в тоже время, этот роман, как мы пытаемся доказать в этой статье, основан на некоторых реальных фактах, ставших известными французскому фантасту. Расскажем немного о фабуле романа, которая кажется слишком фантастической для русского читателя, и в тоже время является основой представлений о России и её жителях, за пределами нашей страны. Царь Александр II узнаёт во время бала от генерала Киссова, начальника тайной полиции (Киссов – вымышленная фамилия), о том, что телеграфная связь Петербурга с Сибирью разорвана, а татары и киргизы, поднявшие восстание, планируют захватить, если не всю Россию, то хотя бы её азиатскую

Мишель Стргов. Афиша, Франция 1936 г.

* Jean-Pierre Goldenstein. Preface. В кн.: Jules Verne. Michel Strogoff. Manchecourt, 1992. С. 1.

часть. Возглавляет восстание предатель Иван Огарёв, за неблагонадёжность в своё время осуждённый на изгнание из России, который строит планы втереться в доверие к брату царя, великому князю Михаилу, который руководит Сибирью, находясь в Иркутске. Так как телеграфная связь разорвана, вся надежда возлагается на молодого, но опытного курьера, состоящего на службе в корпусе жандармов, Михаила Строгова. Дабы одинокий путешественник не вызывал подозрение у татар, ему предстоит изображать из себя женатого человека. На роль мнимой жены назначается дочь ссыльного Надя Фёдорова, которая, выполнив это задание, хочет восстановить репутацию своего отца в глазах Императора. Пройдя тяжёлый путь вместе, и полюбив друг друга, Мишель и Надя наконец побеждают Огарёва, разоблачив его обман. Огарёв погибает в честном поединке со Строговым у ворот осаждённого Иркутска. Мишель и Надя заключают счастливый брак. Отец Нади получает прощение от Александра II.

Разумеется, этот роман не мог быть в советское время в списке книг, доступных русскому читателю. Его первый перевод был сделан вскоре после издания французской версии, но с большими изменениями. И только после Перестройки как грибы стали появляться переводы этого романа на русский язык, отражающие фабулу романа без значительных изменений. За рубежом этот роман всегда был в центре внимания. Он выдержал более дюжины экранизаций.

ПОЭЗИЯ

Александр БАЛТИН

Александр Балтин – член Союза писателей Москвы, автор многих книг, свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Якутии, Эстонии, США, лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

Живёт в Москве.

«Сумерек сиреневый кораблик...»

Сумерек сиреневый кораблик
Медленно над миром проплывёт.
И за ним потянется журавлик
Собственной мечты – всегда вперёд.
Нет, кораблик быстро уплывает,
И опять приходит темнота.
Не сказать – коль ты большой – пугает,
Напрягает чуть. И неспроста.

Раненой клавиатуры боль
В музыку глубин оборотится –
Чтобы чистить суммы наших воль,
И заставить к высшему стремиться...

Метафизическое трио

1

В первом классе палочки рисую.
Серебро за окнами. Снежит.
И ещё как будто не живу я –
Только репетиция звучит.
Палочки весьма выходят криво,
Что кривою дальше выйдет жизнь –
Неизвестно... Всё же терпеливо
Я рисую. Честно. Безо лжи

2

Шопен. Соната номер два –
Звучит раздолбано и ржаво.
Буреет грязная трава.
Кругом осенняя держава.
На солнце вспыхивает медь,
Фальшивят пьяно музыканты.
И голых веток ловит сеть
Довольно смазанные такты.
И гроб с полковником уже
Опущен в землю. И неизвестно,
Что ныне увидать душе
Его дано.
Синеет бездна.
Синеют бездной небеса
Над кладбищем провинциальным.
Шопен. А после голоса,
И речь о чём-то столь банальном!

3

Промысел Господень! Написав,
Испытаешь оторопь и трепет.
Что об этом знаешь? И состав
Твой душевный – равно в рифму лепет –
Столь ничтожны...
За окном горит
Диск, лучами данность освящая,
Вместе освещающая – монолит
Мирозданья станет формой рая.
Эволюция – неспешный лад
Промысла развёртыванья Божьего.
Если ты возделал личный сад,
Не пойдёшь уже по бездорожью.
Суета. Метро. Контора. День.
Как понять, что Промысла участник?
В наслоеные мелких-мелких дел,
Можно ль испытать большое счастье?
Счастье – что касание небес
Сердцем обнажённым... Всё другое
Лихо надиктовывает бес,
Бездну сердца даром беспокойя.

Скрипач сливается со скрипкой...
И данный звуковой полёт

Янтарной осветит молитвой
Пространство, что порой гнетёт.
Скрипач и сам лицом светлеет,
Глядите – не лицо, а лик.
Кто музыку понять сумеет –
Усвоит бытия язык.

Страх Господень! Рванный Киев!
Бич безумия тяжёл.
Лихо множества людские
Рвёт агрессии глагол.
Грань войны – как страх Господень.
Метафизикой какой
Объясните, что угоден
Небесам разрыв людской?
Много крови – мало смысла.
Рок агрессии свиреп.
Перечёркнутые числа,
И разрыв бытийных скреп.

На том, быть может, свете объяснят,
Зачем на этом ты стихами был распят.

Зачем писал, коль всё ушло в песок,
Зачем горел в избытке разных строк.

Зачем сгущён, как творог, в плоть вообще.
Сметану ты размешивал в борще,

И рассмеялся вдруг: нельзя не есть,
А не молиться можно – тоже весть.

Но ты молитвой сердце пережёт,
И силы кончились, и вышел срок.

Не должен бы – но ты остался жив,
Не видя перспектив.

За окнами февраль уходит вдаль.
Снег сер, как в марте: важная деталь –

Весна грядёт... Всё будет, как всегда.
Живая есть и мёртвая вода.

Какая в лужах? Серая вполне,
Лучи в ней вязнут, это ясно мне.

Представятся букеты из лучей,
Когда ночь гуще прошлых, разных дней.

Лучи, лучи... как сложно вас поймать.
Ещё сложнее жизнь расшифровать.

Спускаешься по лесенке стихов
В подвалы самых потаённых слов.

Взбираешься алхимиком мечты
В пределы неизвестной высоты.

Час, будто шар – упал, не соберёшь
Осколков; усложняя жизнь – живёшь.

Часы идут так просто – тик и так.
Надеждам, понял я, цена пятак.

На пятаке катается мечта –
Что карлик, жизнь которого пуста.

А чем, скажи, наполнена твоя?
Врастаньем в тему пакибытия.

Спаситель

Крестный путь свершающий Спаситель
Боль земную знает наизусть.
Эту боль услышать каждый житель
Должен бы земли. Такой боюсь.
Все боятся жёстких комьев боли.
Гвозди страсти, что прибьют к земным
Радостям, назло самой юдоли.
Мы гвоздям поверили таким.
Нашего труда за нас не сделал
Иисус – нам надобно самим
Обрести сиятельную зрелость.
За Христом идти мы не хотим.
Нашей не свершил Христос работы,
Вектор нам движенья указав,
Чтобы ради истинной свободы
Душ своих меняли мы состав.

Чичиков

Щёголь – чичик.
Чичиков опять
В бричке знаменитой пролетает
По дорогам, что не разровнять –
Кривизной таких почти пылает
Русь, но бричка быстрая летит.
Чичиков вообще – он сгусток воли,
Он аскет стяжательства, что скит
Замкнут в планах. И того не боле.
Ежели б усилиям его
Вектор предан был иной – серьёзно
Было бы свершений торжество.
Чичикова не изменишь. Поздно.
С вами снова говорит шармёр.
По-французски, правда, не умеет.
Или жизнь его, как приговор?
Осудить, однако, кто посмеет?
Жаль усилья тратить в никуда,
Ведь богатство – ложная идея.
Облаков неспешные стада,
И живёт загадочно Расея.

Спасибо за Артёмку – надпись
Перед роддомом, белый мел.
К жене шёл, а по сердцу – надфиль:
Морг рядом.
И домами меж
Вся жизнь.
Спасибо за Артёмку –
Какой-то папа написал,
Эмоций отданный потоку.
А клёнов цвет осенне-ал.

В воздаянье я не верю больше,
Церковь за сто метров обхожу.
А надеялся когда-то – помнишь? –
Что не зря живу, не зря пишу...
А сложи в мешок свои надежды,
Да поглубже реку поищи.
Душу на куски свою разрежу,
Чтобы от стихов пошли лучи...

Рассказ старого пуделя
(стихотворение в прозе)

Верховный пёс на высшей коллегии, вращая круглыми глазами, произнёс:
– Люди, кажется, норовят выйти из повиновения.

Дог клацнул зубами.

– Нет-нет, – не может быть, – сказал он. – Они слишком глупы.

В том мире люди использовались как тягловая сила, как охранники домов: они отменно лаяли и кусались.

Люди ходили преимущественно на четвереньках, и если и случалось наиболее развитым особям подняться на две ноги, то было это ненадолго – глупость и неразвитость гнули к земле.

Собаки были умны. Некоторые – мудры.

Их социум был организован вполне уютно, если не считать опасности, исходящей периодически от людей.

И вот высшая коллегия, обеспокоенная некоторыми событиями, решала, что делать.

Председательствующий – верховный пёс бультерьер – был озабочен весьма.

Пудель поднялся.

– На прошлой неделе, – сказал он, – я видел двух людей, идущих на задних лапах. Они прошли довольно долго... я даже не уверен, что опустились потом на четвереньки.

– Ну вот, – произнёс бультерьер. – Эту картину – причём в разных местах – видели многие. Поэтому я и собрал вас.

Ризеншнауцер предположил:

– Установленный порядок вещей – когда люди являются низшей расой – существует давно. Никто из нас не застал иного. Возможность внезапного резкого развития людей, мне кажется, исключается...

– А вдруг? – с оттенком испуга молвил бульдог.

– Тогда... Тогда нам надо пересмотреть наше отношение к реальности.

– А как? – все собаки обратились к мудрейшему бультерьеру.

– Вероятно, стоит открывать школы для людей, постепенно облагораживать их... Стоит разработать стратегию. Будем вырабатывать коллегиально?

Все согласились.

И стратегия была выработана.

Наиболее развитые из человеческих экземпляров стали обучаться в школах – учили их разному: от умения писать до более доброго отношения друг к другу...

– А потом, – грустно вздохнув, завершил свой рассказ старый пудель, – люди вышли из повиновения...

Молодой пуделёк глядел на него недоверчиво.

– И? – спросил он.

– И постепенно всё поменялось местами: люди стали главными, а мы... Лучшие из нас сперва вынуждены были скрываться в пещерах, потом они погибли... А другие даже бояться обнаружить своё умение говорить и понимать сложные вопросы. Впрочем, теперь таких остаётся меньше и меньше.

Маленький пуделёк покачал головой и направился к миске с едой.

Не может быть, чтобы дедушка был прав, думал он, уписывая гречку с тушёной.

Нет, не может быть...

ЮБИЛЕИ

**К 200-летию со дня рождения
М.Ю. Лермонтова**

Жизнь после жизни

Так получилось, что Михаил Юрьевич Лермонтов вошёл в мою жизнь с детства. Родился я в Пензе, где его имя всегда было на слуху: центральная библиотека им. Лермонтова, сквер в центре города, улица Лермонтова. В 100 километрах от Пензы находится музей-заповедник «Тарханы», куда нас, школьников, возили на экскурсию. В начале 60-х, когда телевидение было ещё в новинку, мы смотрели все передачи подряд. Помню, тогда шёл цикл передач «Иракий Андроников рассказывает». Значительное место в его монологах занимали рассказы о жизни и творчестве Лермонтова. А ещё моя первая любовь назначала мне свидания в сквере у бюста поэта.

Покидая родной город, я увозил в памяти определение «вечно второй» – так говорил о знаменитом земляке наш учитель литературы, и слова, сказанные экскурсоводом из заповедника «Тарханы»: «Если бы Лермонтов дожил хотя бы до 37, то ещё неизвестно, кто бы стал лицом русской поэзии».

В этом году будет отмечаться знаменательная дата – 200 лет со дня рождения великого поэта. Неумолимо течёт время. Оно смывает наносное, сиюминутное и всё ярче высвечивает значимое и истинное. Это можно отчётливо увидеть именно на восприятии жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. Повторять биографию поэта, думаю, не стоит, мы знаем её ещё по школьным учебникам. Но творчество и душевные терзания поэта, опередившего время, по-прежнему остаются загадкой и будут темой ещё не одного исследования.

При жизни М.Ю. Лермонтова никто его выдающимся литератором не считал, он и сам об этом не раз заявлял. Единственным прижизненным отдельным изданием было «Стихотворения М. Лермонтова» (СПб, 1840; тираж 1000 экз.) Этот

Алексей АИМИН

Алексей Алексеевич Аимин – родился в Пензе в 1952 г. В 1974 г. окончил инженерно-строительный институт. Пишет стихи, прозу, песни. В начале 2000-х заинтересовался краеведением. Сначала печатал краеведческие статьи в периодике. В 2011 г. выпустил книгу «Луга. Полужьё». В 2012 г. вышла книга исторических очерков «Неизвестное об известном».

Живёт в Луге.

сборник включал 26 стихотворений и две поэмы – «Мцыри» и «Песню про купца Калашникова». Если бы не знаменитое стихотворение «На смерть поэта», при жизни Лермонтова знали бы немногие. Трагическая смерть самого поэта, несомненно, подогрела интерес к его творчеству, особенно в светских кругах.

После выхода первого сборника появляется статья Белинского «Стихотворения М.Ю. Лермонтова». Известный критик пишет о народности молодого поэта, о том, что уже в начале своего творческого пути он сумел создать яркие типические образы. В качестве примера Белинский приводит образ старого солдата-рассказчика из стихотворения «Бородино»: «...это стихотворение отличается простотой, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзией».

В то же время в лирике Лермонтова Белинский чувствует какую-то обречённость, тоску, которая гложет автора, что отличает его среди множества пиитов того времени. Выписав строку «И ненавидим мы, и любим мы случайно», Белинский заключает: «И кто же из людей нового поколения не найдёт в нём разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном».

Отмечая неповторимость творчества Лермонтова, Белинский сравнивает его произведения с пушкинскими. И здесь проявляется чёткая позиция критика: хотя оба они и жили в одно время, но это поэты двух разных эпох. Начало их творческого пути было схожим: обращение к русской сказочности, к былинности. Пушкин начал с поэмы «Руслан и Людмила», Лермонтов – с «Песни про купца Калашникова». Но лёгкость и светлость первой контрастирует с суровостью и мрачностью второй. Что-то похожее мы наблюдаем и в ранних стихах поэтов. У одного видны «светлые надежды, предчувствие торжества, сила и энергия»; в лирических произведениях второго «виден избыток несокрушимой силы духа и богатырской силы в выражении; но в них уже нет надежды, они поражают душу читателя безотрадностью, безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства... Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни; везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце... Да, очевидно, что Лермонтов – поэт совсем другой эпохи и что его поэзия – совсем новое звено в историческом развитии нашего общества».

Оценили поэтический дар Лермонтова и известные композиторы, особенно представители «Могучей кучки», и даже такие великие, как Чайковский, а позже Рахманинов. С середины XIX века романсы на стихи поэта звучали в столичных салонах и на театральных подмостках. Потом их стали исполнять в ресторанах, кабаках, их даже пели уличные музыканты. Всё это во многом способствовало росту популярности творчества Лермонтова. Перечислю только несколько из них:

- Парус («Белеет парус одинокий») – А.Е. Варламов, 1848; А.Г. Рубинштейн, 1849.
- «Когда волнуется желтеющая нива» – М.А. Балакирев, 1896; Н.А. Римский-Корсаков, 1897; Ц.А. Кюи, 1911.
- Тучи («Тучки небесные, вечные странники») – А.С. Даргомыжский, 1844; А.Г. Рубинштейн, 1849; Н.А. Римский-Корсаков, 1875; Ц.А. Кюи, 1881.
- Из Гёте («Горные вершины спят во тьме ночной») – Н.С. Титов, 1840; А.Е. Варламов, 1840; С.И. Танеев, 1902; Н.К. Метнер, 1913.

- «На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна» – А.С. Даргомыжский, 1850; Н.А. Римский-Корсаков, 1876; С.В. Рахманинов, 1895; М.А. Балакирев, 1896.
- Утёс («Ночевала тучка золотая») – А.Г. Рубинштейн, 1849; А.С. Даргомыжский, 1856; Н.А. Римский-Корсаков, 1866; С.В. Рахманинов, 1894; М.А. Балакирев, 1910.
- «Выхожу один я на дорогу» – П.П. Булахов, 1854; К.П. Вильбоа, 1857; Е.С. Шашина, 1861.

Если сравнить эти произведения с романсами на стихи А.С. Пушкина, имеющими салонную направленность, то можно отметить, что лермонтовские романсы и песни намного ближе народу. Подтверждается это и ещё одним наблюдением: все романсы на стихи Пушкина были написаны с 1816 по 1850 годы, у Лермонтова же этот период растянулся с 1840 года вплоть до наших дней. В работе библиографа Пятигорского Музея-заповедника Л.И. Морозовой и директора Кисловодского Театрального музея Б.М. Розенфельда перечислено 246 произведений М.Ю. Лермонтова, положенных на музыку. Более тысячи композиторов создали на стихи и темы поэта свыше 2500 сочинений, в том числе около 30 симфонических и 50 опер.

Исследователи творчества М.Ю. Лермонтова очень часто обращались к музыкальной составляющей его таланта (он играл на скрипке и фортепиано). В одной из дневниковых записей 16-летний Лермонтов вспоминает мелодию песни, которую слышал от матери, умершей, когда ему было около трёх лет: «...то была песня, от которой я плакал: её не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал её, она бы произвела прежнее действие». Позже, будучи студентом, Лермонтов познакомился с гитаристом-виртуозом М.Т. Высотским и с удовольствием слушал его переложения на тему русских народных песен, намеревался даже учиться игре на гитаре. Игрой Высотского навеяно одно из ранних стихотворений поэта «Звуки» (1830 г.), показывающее, как они претворялись в поэтические образы:

Что за звуки! Неподвижен, внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.

Но не только музыкальность отличает лирику Лермонтова. Ещё был уникальный лаконизм, умение воплотить мысли и настроения в коротких стихотворениях. Слушаешь романсы и песни на стихи Лермонтова и думаешь: ну почему так мало? Хочется слушать ещё и ещё.

Однако и это не главное. Лермонтову удалось ощутить душу народа, его мечты, чаяния, стремления. Но суровая действительность не позволяла эти чаяния осуществить. У самого поэта такая безысходность перешла в некий фатализм, который сначала проявляется в образе Печорина («Герой нашего времени»), а в год своей смерти Лермонтов пишет стихотворение «Выхожу один я на дорогу», где звучат такие строки:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть.

И это всего через десять лет после стихотворения «Парус» (1831 г.), пылкого откровения юности, написанного в 17 лет. На первый взгляд, это стихотворение незамысловато, но это только на первый. Образ парусника,

стремящегося к неизведанному, не столь прост. Один берег покинут, второй где-то далеко. Поэт предвидит множество преград на пути одинокого паруса. Буря – символ обновления, она смывает всё древнее и гнилое, а парусник продолжит путь к неизведанным берегам, в будущее. Не случайно Валентин Катаев через 100 лет после написания «Паруса» взял первую строку в название повести о подростках времён революции.

Все эти десять лет Лермонтов прожил как в ускоренной киносъёмке. Его парусник стремительно несся вперёд. Но разочарования жизнью следовали одно за другим. Неудачи в юности у женщин, отсутствие друзей, одиночество. Нет, он продолжал светскую жизнь, был отличным собеседником, оставаясь при этом одиноким. Даже если он пытался раскрыть кому-то свои взгляды – его никто не понимал. И тогда он вновь уходил в себя и все свои переживания и думы доверял только бумаге. В дневниках мы и находим то, что формировало мировоззрение будущего поэта. Например, дар воображения: *«Когда я ещё мал был, я любил смотреть на луну, на разнovidные облака, которые, в виде рыцарей со шлемами, теснились будто вокруг неё; будто рыцари, сопровождающие Армиду в её замок, полные ревности и беспокойства».*

Кроме музыкальности, Лермонтов обладал и даром рисовальщика, был хорошим акварелистом. Когда не было под рукой бумаги и мольберта, он мысленно рисовал словесные картины, которые были ничуть не хуже. Вот его воспоминания о первых поездках на Кавказ: *«Часто во время зари я глядел на снега и далёкие льдины утёсов: они так сияли в лучах восходящего солнца, в розовый блеск одеваясь; они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро, и розовый цвет их подобился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину купающ, – в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют».*

У Лермонтова была уникальная по тем временам библиотека. О его приверженности к чтению и таланте в освоении иностранных языков пишет А.П. Шан-Гирей – один из родственников и детских приятелей: *«Мишель начал учиться английскому языку по Байрону и через несколько месяцев стал свободно понимать его; читал Мура и поэтические произведения Вальтера Скотта (кроме этих трёх, других поэтов Англии я у него никогда не видал), но свободно объясняться по-английски никогда не мог, французским же и немецким языком владел, как собственным. Изучение английского языка замечательно тем, что с этого времени он начал передразнивать Байрона».*

Уже в юности Лермонтову были свойственны повышенное самомнение и заниженная самооценка, в наше время это называют комплексом неполноценности. Об этом узнаём из записей Екатерины Сушковой: *«Смолоду его грызла мысль, что он дурен, не складен, не знатного происхождения, и в минуты увлечения он признавался мне не раз, как бы хотелось ему попасть в люди, а главное, никому в этом не быть обязану, кроме самого себя».*

Вот с такими благими помыслами, с постоянными терзаниями в душе, в размышлениях о своём месте в жизни, с приобретёнными знаниями и дарованными свыше талантами и шагнул юный Михаил Лермонтов на творческую стезю. Несомненно, в широте восприятия и глубине понимания жизни он обогнал своих сверстников на десятилетие, а возможно, и больше. Был уверен в себе, своих знаниях, что скорее мешало общению с однокурсниками и преподавателями. Вот воспоминания его сокурсника Вистенгофа: *«Профессор Победоносцев, читавший изящную словесность, задал Лермонтову*

какой-то вопрос. Лермонтов начал отвечать бойко и с уверенностью. Профессор сначала слушал его, а потом остановил и сказал:

– Я вам этого не читал. Я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?

– Это правда, господин профессор, – отвечал Лермонтов, – того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас ещё не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабжённой всем современным.

Мы все переглянулись. Подобный ответ дан был и адъюнкт-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику. Дерзкими выходками этими профессора обиделись и постарались срезать Лермонтова на публичных экзаменах».

В результате дерзкому студенту было предложено остаться на второй год на том же курсе. Однако он предпочёл навсегда оставить Московский университет. В стенах же покинутого им учебного заведения, как вспоминали сокурсники, ещё долго звучали строки поэта:

*Хвала тебе, приют лентяев,
Хвала, ученья дивный храм,
Назло завистливым властям.
Хвала и вам, студенты-братья...*

Расставшись с Москвой, Лермонтов пишет своей кузине Марье Лопухиной: *«Москва моя родина, и такую будет для меня всегда: там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив. Пожалуй, лучше бы не быть ни тому, ни другому, ни третьему, но что делать?..»* Уже покинув Москву, поэт напишет о первопрестольной несколько в ином ключе: *«Москва только великолепный памятник, пышная и безмолвная гробница минувшего».* Переехав в северную столицу, Лермонтов подаёт документы в петербургский университет, но ему отказываются зачесть годы обучения в московском и предлагают начать с первого курса. Тогда он решает круто поменять жизнь и поступает в Школу гвардейских прапорщиков.

К сожалению, многих, кого потомки называли великими, не признавали при жизни. *«Я не сотворён для людей теперешнего века и нашей страны; у них каждый обязан жертвовать толпе своими чувствами и мыслями»*, – сказал о себе Лермонтов. И действительно, всё, что он успел написать за десять лет, трудно недооценить, но тогда... Поэт попал в чёрный список в 1837 году. Когда смертельно раненный Пушкин ещё дышал, по городу уже ходили слухи о его гибели. Потрясённый этим событием Лермонтов написал первые 56 строк стихотворения «Смерть поэта». Стихи распространялись в десятках и сотнях списков. Автор в одночасье стал известным, а вскоре был задержан и после допросов отправлен в ссылку на Кавказ. Сохранился автограф текста, на котором издатель В.Ф. Одоевский своей рукой написал: *«Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано».* С этого же времени враги Пушкина становятся врагами Лермонтова, в том числе и самые могущественные. Например, император Николай I, начертавший свою резолюцию на письме Бенкендорфа по поводу вольнодумного стихотворения: *«Я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он».*

Неудивительно, что реакционная критика встретила роман Лермонтова «Герой нашего времени» с ожесточением. Само название, имеющее иронический и в чём-то трагический смысл, было ими понято буквально. Вот их резюме: «Печорин – безнравственный и развратный человек, и объявлять его “героем нашего времени” значит клеветать на Россию». Значение и смысл образа Печорина понял только Белинский. А ведь взгляды героя, его поступки, неприятие действительности стали предвестниками вопроса, сформулированного Чернышевским через четверть века, после отмены крепостного права, когда в умах русской интеллигенции забродили революционные идеи реформирования существующего строя: что делать? Но при жизни Лермонтова принципы самодержавия были незыблемыми, он писал: «Сам чёрт не разберёт, отчего у нас быстрее подвигаются те, которые идут назад». Непонимание угнетало поэта, его душа наполнялась отчаянием и безысходностью.

В конце 1830-х годов признание в свете, особенно со стороны дамского общества, на какое-то время его развлекает. Вот отрывок из письма к М.А. Лопухиной: «Надо вам сказать, что я несчастнейший человек; вы поверите мне, когда узнаете, что я каждый день езжу на балы. Я пустился в большой свет. В течение месяца на меня была мода, меня наперерыв отбивали друг у друга. Это по крайней мере откровенно. Все те, кого я преследовал в моих стихах, осыпают меня теперь лестью. Самые хорошенькие женщины добиваются у меня стихов и хвалятся ими, как триумфом. Тем не менее я скучаю. Просился на Кавказ – отказали, не хотят даже, чтобы меня убили <...> Ну что же, я открою вам мои побуждения. Вы знаете, что самый мой большой недостаток – это тщеславие и самолюбие. Было время, когда я, в качестве новичка, искал доступа в это общество: это мне не удалось, и двери аристократических салонов были закрыты для меня; а теперь в это же самое общество я вхожу уже не как проситель, а как человек, добившийся своих прав. Я возбуждаю любопытство, предо мной заискивают, меня всюду приглашают, а я и вида не подаю, что хочу этого; женщины, желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят, чтобы я бывал у них, потому что я ведь тоже лев, да! я, ваш Мишель, добрый мальчик, у которого вы и не подозревали гривы <...> Я уверен, что вы никому не передадите моего хвастовства...»

Вся эта противоречивость в оценках и ощущениях, на мой взгляд, была вызвана невозможностью совместить философское восприятие действительности, достойное зрелого человека, с пылкими юношескими порывами и бесшабашностью. Как доказательство можно привести отрывок из письма издателя Краевского к Панаеву, где упомянута легкомысленность 25-летнего поэта: «Присылайте скорее стихов Аксакова, Павловой, Ключниковой и других. У меня нет стихов. Лермонтов отдал бабам читать своего “Демона”, из которого хотел напечатать отрывки, и бабы чёрт знает куда дели его, а у него уж, разумеется, нет чернового; таков мальчик уродился!» (10 окт. 1839 г.)

Лермонтов по-прежнему оценивает себя неоднозначно: уничижительность соседствует с пониманием того, что он уже в чём-то пошёл дальше своего кумира Пушкина. В стремлении к очередным вершинам он начал искать вдохновения в острых ощущениях, всё больше отдавался судьбе, которая, по его мнению, непременно должна была этому поспособствовать. В этом было нечто демоническое, и отразилось оно в поэмах «Демон» и «Мцыри», где поэт

пытался разобраться, кто он – свободный человек или чей-то слуга. Похоже, ответ на мучительный вопрос дан в драме «Маскарад»:

– Вы человек или демон?
– Я игрок!

Склонность Лермонтова к фатализму всё более возрастала. Об этом говорит и такой факт: в первой редакции «Героя нашего времени» новелла «Фаталист» вообще отсутствовала, во второй появилась где-то в середине, а в третьей она становится заключительной, т.е. апогеем повествования о герое. Кстати, там же в предисловии упоминается и о смерти героя. К чему бы это? Ведь сходство героя с самим автором у большинства читателей и критиков не вызывало сомнения. Предвидел?..

Испытать судьбу. А почему бы и нет? В феврале 1840 года состоялась первая дуэль с сыном французского посла Лавалем Барантом. Тот стрелял первым и... промахнулся. Лермонтов выстрелил в сторону. Его вновь сослали на Кавказ. Однако через год он на неделю приезжает в отпуск в Санкт-Петербург. И здесь произошло событие, повлиявшее на его судьбу. На балу у графа Воронцова поэт неожиданно сталкивается с Николаем I, который не планировал посещать этот бал и оказался там лишь по настоянию супруги. Наказание за дерзость последовало незамедлительно: Лермонтову было приказано срочно покинуть столицу.

По пути в Тифлис, к месту назначения, Лермонтов предложил своему попутчику Столыпину заехать в Пятигорск. Тот упрямылся. Тогда поэт бросил монету, которая и разрешила их разногласие. На курорте они смогли договориться с местными докторами и, получив рекомендации на прохождение лечения, окунулись в жизнь местного общества. Оно, конечно, отличалось от «высшего света»: дамы предпочитали в кавалерах стать и умение вальсировать, а не умственные изыски. Неудивительно, что Лермонтов не имел и десятой части того успеха, который ему доставался в столице. Склонный к перепадам настроения, он всё больше раздражался. Особенно его оскорбляло, что Эмилия – старшая дочь Верзилиных, за которой он ухаживал, как ему показалось, отдавала предпочтение Мартынову – бывшему его сокурснику и сопернику в фехтовании и стихотворчестве.

Версий относительно причин дуэли и её трагического завершения много: от убийства, санкционированного Николаем I, до самоубийства, устроенного Лермонтовым и сделанного чужими руками. Лично меня поражает мысль, которая прошла по его произведениям за десятилетие активного творчества. Вспомните: «А он, мятежный, просит бури // Как будто в буре есть покой» («Парус», 1831 г.), «Я ищу свободы и покоя! // Я б хотел забыться и заснуть!» («Выхожу один я на дорогу», 1841 г.) Но заметьте, как изменилось значение слова покой. Ну, а последние строки стихотворения «Пророк», написанного перед дуэлью, как бы подводят невидимую черту:

Когда же через шумный град
Я пробираться торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

*«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!*

*Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»*

Нет, не будем искать в гибели поэта сенсационных версий, оставим это беллетристам, они уже и так постарались – публикаций на эту тему предостаточно. Просто остановимся на факте смерти великого поэта как на вехе, разделившей время его жизни на до и после.

Как-то среди детских наивных вопросов, выставляемых родителями в Интернете, попался такой: «А гений – это что ли человек?» Не знаю, что этому ребенку ответили, но я бы сказал так: гений – это человек, жизнь которого продолжается и после его смерти. Жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова продолжается и сегодня в его произведениях, тревожащих мысли и души миллионов почитателей.

В течение 1841–1846 гг. в журналах и альманахах непрерывно шла публикация поэтического наследия Лермонтова. В 1842 году впервые увидела свет драма «Маскарад». В 1843 году вышло третье издание «Героя нашего времени». Но как пишет первый биограф поэта П.А. Висковатов, «даже за гробом преследовала Михаила Юрьевича клевета и злоба. Цензура не пропускала слишком сочувственных о нём отзывов, не терпела выражений высокого уважения к поэту; она вычёркивала слова: славный, знаменитый и проч.»

Спустя 40 лет после смерти поэта в Николаевском кавалерийском училище, где в 1832–1834 гг. учился Лермонтов, решают увековечить имя бывшего воспитанника. В конце 1880 года начальник училища А.А. Бильдерлинг получает разрешение на открытие музея и сразу же обращается через газеты и журналы к широкой общественности Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы...

Но вскоре стало ясно, что потери уже невозможны. Например, у крестника Лермонтова П.С. Озерецкого хранился автопортрет поэта (масло, холст), около тридцати рисунков, набросков и этюдов, сделанных карандашом, тушью и акварелью, а также автографы стихов. После смерти Озерецкого всё досталось его экономке. Когда к ней приехали в поисках лермонтовского наследия, обнаружилось, что большая часть рисунков была изорвана её маленьким сыном, а другие бумаги проданы калачнику по 40 копеек за пуд для завертывания калачей.

Потеряно почти всё, что находилось у Лермонтова при себе в Пятигорске. Н.П. Раевский писал, что после похорон друга взяли на память по листочку из рукописи «Героя нашего времени». Какие-то автографы достались слуге Лермонтова Саникидзе и также исчезли. Неизвестна судьба сделанных Висковатовым в 6-ти экземплярах томов с «неудобными» стихами, написанными в основном во время учёбы Лермонтова в школе подпрапорщиков. Возможно, там могут оказаться и неизвестные стихотворения.

P.S. Лермонтов родился 14 октября 1814 года, а трагически погиб 27 июля 1841 (даты приведены по новому стилю). Как ни странно, но некая фатальность действительно его преследовала.

Столетие со дня рождения поэта собирались отмечать очень широко, но в августе 1914 года началась Первая мировая война, и намеченные торжества были скомканы.

Столетие со дня гибели Лермонтова собирались отмечать на государственном уровне. Но началась Великая Отечественная война, и о поэте едва упомянули.

В 150-летнюю годовщину рождения Лермонтова, 14 октября 1964 года, в Советском Союзе произошёл тихий государственный переворот – сняли Хрущёва. Лермонтовский юбилей отметили лишь в радиоэфире.

150 лет со дня гибели опять пришлось на беспокойное время – на июль 1991 года пришёлся разгар политической борьбы за власть, и опять было не до великого поэта, а в августе произошла попытка переворота.

Хотелось бы надеяться, что нынешний юбилей Михаила Юрьевича Лермонтова будет отмечен достойно.

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель СССР, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение» (М., 2008), «Энергия речи» (в сборнике «Пятилирник», М., 2009), «На островах времени» (М., 2011). Победитель ряда литературных конкурсов, лауреат Народной Литературной Премии имени Л. Клубасова, Литературной Премии имени А.С. Грибоедова. Награждена Золотой Есенинской медалью и Дипломом имени Н.С. Гумилёва, орденом В.В. Маяковского. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Остановив высокие мгновенья...»

Издалека приеду
Обновлённой,
Пропахшей гарью
Дальних поездов,
Их незнакомой пылью
Пропылённой
И посвящённой
В тайны городов,
Влюблённой в храмы,
Улицы и лица
Людей чужих,
Сроднившихся со мной.
И будут сны цветные
Долго сниться
О Севере
В Москве
Моей ночной.

*Деревья Кронверкского сада
Под ветром буйно шелестят.*

В. Ходасевич

В неясных отблесках зари
Туманный город выплывает,
И тихо «Здравствуй» говорит
Шпиль Петропавловки, качаясь.

Мои любимые места –
Петровский сквер и «Стерегающий»,
Колонн Ростральных маята
На страже невских вод бегущих.
А вот и Кронверкский проспект,
Здесь на углу мой дом старинный,
О, сколько пережили бед
Его прекрасные лепнины!
Моя блокадная семья,
Моя Петровская Россия,
Пришла к тебе сегодня я,
Чтоб у тебя набраться силы.
В неясных отблесках зари
Туманный город выплывает...

Петрополь, здравствуй!
Невская волна
Зовёт меня к твоим
Спуститься водам,
Оставив все
Московские невзгоды.
Свободой напиться до пьяна,
Идти пешком
По улицам твоим,
Остановив высокие мгновенья.
Мне не сравнить тебя
Ни с кем другим,
Ты – самый лучший,
В этом нет сомненья.
Увидеть стены
Дома, где жила,
О, ностальгия,
Ты нетерпелива.
Я столько дней
Здесь счастлива была,
Что прикоснувшись
Стану вновь счастливой!
Я с Вами вновь,
Фонтанный дом и Клодт,
Лихие, огнедышащие кони,
И белой ночи
Распростёртый свод.
Я вас хочу
На много дней запомнить.

Но Петербург
 Не отпускает душ,
 Он следует за нами
 Словно призрак,
 Властитель наших
 Помыслов и дум
 От первой встречи
 И до самой тризны.

Впечатление о Париже

Цепями галльскими звеня,
 Прослыл Париж вандалом дня,
 Монархам головы рубил,
 В крови и роскоши он был.
 Но ужас страшных мятежей
 Он спрятал в блеске площадей,
 Построил эйфелев ажур
 И дарит всем свою «лямур»,
 И белый купол Сакре-Кер,
 И Нотр-Дам с лицом химер,
 Эклектикой веков и вер,
 И акварелевый Монмартр.
 О, Иль де Франс,
 Виват! Виват!

Дефанс

(город будущего под Парижем)

Не впечатлил меня Дефанс
 Остекленело-отстранённый,
 Квадраты в кубе монотонны,
 Зеркально чёрен их анфас.
 Параллелипедами в небо –
 Как иноземной жизни шанс!
 Он в этом мире был и не был.
 Пришельцев ждали, а не нас.
 Не впечатлил меня Дефанс ...

В Сеуле

Неоновый город
 За окнами мчится,
 Восточный орнамент
 Корейской столицы.
 Мы в этой стране,
 Как песчинки простые,
 Когда б не стояла
 За нами Россия,
 Но мы из Москвы
 И вернёмся обратно.
 Радушны корейцы,
 Встречают по-братски,
 Кроватками, крабами
 Нас угощают
 И суп черепаший
 Подать обещают.
 Капуста ким-чи
 И салат из колибри,
 Десерт из сырой
 Необжаренной рыбы.
 Так надо,
 Мы всё благодарно съедаем
 И молча о хлебушке
 Чёрном мечтаем
 В Москве синеглазой,
 Москве снежнолицей.
 Прости нас, Сеул!
 Ты – чужая столица.

Один день в Эмиратах

Наталье Бикиной

Мозаика дня в Эмиратах ярка
 Из солнца и моря, и света.
 И тянется пальмы сухая рука
 К заливу с обломком корвета.

Здесь в мареве башен плывут паруса,
 Их блики стеклянно игривы,
 Пропитана зноем уходит коса
 В лазурные воды залива.

Ракушки, которые ты собрала,
 Так розово светятся утром.
 А днём нас мечети зовут купола
 Постичь мусульманскую мудрость.

Идём по ступеням. Арабская вязь,
Иные молитва и вера,
Накинув абай*, оставив боязнь,
Мы входим в открытые двери.

Здесь всё необычно, ковры и хрусталь,
Сваровски хвала воздаётся.
Как вечности знак, наполняя Грааль,
Молитва неспешная льётся.

Но вот и закат. Устремления дня
Поющий фонтан завершает,
Торжественны звуки, победно звенят,
Сахару Дубай покоряет.

Левитан

Палитра чистая России –
Его нелёгкая судьба,
Плен вдохновения, бессилье,
И красок вечная борьба.
То жёг его огонь тревоги,
То меланхолия гнала,
А Русь томилась за порогом
И на Владимирке ждала.
Так, видно, боги начертали,
Чтоб кисти жаждали руки,
Не потому ли так печально
Стояла Осень у реки.
Над вечным, сумрачным покоем,
Где слышен ропот облаков,
Пила душа печаль запоем
Под стон глухих колоколов.
Он нам дарил свою Россию,
Обетованный волжский плёс
И Март пронзительный и синий
В весеннем кружеве берёз.

Демон Врубеля

Опять со мной твой взгляд орлиный
И образ жёсткий неземной,
Опять волной неумолимой
Меня несёт к тебе незримо
О, Демон мой!

* Абай – национальная женская чёрная одежда,
без которой в мечеть заходить не дозволено

Бессильно сцепленные руки,
Но там, за гранью бытия,
Неодолим источник муки –
Мятежность вечная твоя.
О, эта жажда совершенства,
Противоречия тяжести,
И час возможного блаженства
Пронизан хаосом тоски.

Что дано, то дано,
И того не отнять,
Тяжела и легка
Мне словесная кладь.

То ли птицы поют,
То ли хоры звучат,
Держат душу мою
На созвучьях контат.

То над пропастью мчусь,
То у светлой межи,
Видно радость и грусть,
Нужных строк рубежи

Женщины, женщины – сильные души,
Сколько выносите вы на плечах.
Ночью упрячете слёзы в подушку,
Утром всё снова готовы начать.

Женщины – нежные, чуткие души,
Сколько альфонсов у вас на пути!
Сколько неверных, покой ваш наруша,
Ложью пытаются в сердце войти.

Но охраняет судьбу Провиденье,
Промысел Божий и Божий наказ,
Как бесконечны любовь и терпенье,
Те, что заложены в каждой из нас.

Что ж Вы, незнакомец, испугались,
Испугались моего огня?
В маяте морозной затерялись,
Будто бы и не было меня.

Вам милее подешевле страсти,
Где души не требуют взамен,
Где надежды не было на счастье
И не будет бурных перемен.

Затоплю Вас нежности разливом,
Подожгу, нет дыма без огня.
О не бойтесь! В слове торопливом
Всё забуду на исходе дня.

Без поцелуев губы стонут,
Не помогают джин и тоник.
Мы тонем в буднях серых дней,
И это скучно. Ей же ей!

В лесу сегодня тихо-тихо,
Танцует под кустом ежика,
Зовёт она к себе ежей
Ей будет весело. Ей-ей!

Ты под сосной лежишь на травке,
А кто-то ждёт тебя с булавкой,
Чтоб к юбке прицепить скорей,
И это круто. Ей же ей!

Ветер

Избалованный мальчишка
Всё забыл, не вспоминая,
Треплет судьбы, словно книжки,
Снежной нежностью играя.

Семимильными шагами
Он пространство перемерял,
Что лежало между нами,
У моей улётся двери.

Нет канонов и пределов,
В зацелованные губы
Шепчет он теперь несмело:
«Ну, скажи, скажи,
Что люб я».

Из Йеменского цикла

Красное море

Море как море. Берег желтовато-серый. А если смотреть на воду сверху, если смотреть вблизи, то особых различий вряд ли и заметишь. Вокруг та же вода – не чёрная, как в нашем Чёрном море, и не красная, как в этом. Вся она голубая, даже какая-то бирюзовая. Но её цвета меняются. И роль кисти, которая искусно перекрашивает тона, выполняют солнечные лучи. Вот они скрылись за облаками, и на воду упала тень, моментально подсинив её. Посветлело, и море вновь голубое с искорками золотых бликов. Пожалуй, при закате солнца море действительно можно увидеть красным, но лишь там, у горизонта, где тонет солнечный диск и как языки пламени расползаются от него по воде длинные, яркие, красноватые полосы. Но, видимо, не это явление послужило причиной названия моря.

За что же его назвали Красным? Есть немало версий относительно возникновения названия. Будто бы это название могло произойти из-за отражённых от близлежащих гор тропических солнечных лучей, окрашенных в красный цвет, из-за изобилия в море розовых колоний теплолюбивых кораллов и водорослей или из-за красноватого цвета почвы вокруг моря. Бытует версия, что название произошло от Эдомского царства (что значит «красное»), прилегавшего к северной части Красного моря. Есть другие версии, но которая из них истинная, остаётся загадкой.

Впрочем, разбираться в запутанных вопросах происхождения названия – компетенция учёных. Мне же хочется поделиться впечатлениями о своих наблюдениях и ощущениях от пребывания на Красном море.

Море бывает тихим, и тогда морская вода представляет собой чуть ли не зеркально-ровную поверхность, и стоит посмотреть через неё вниз, чтобы увидеть, насколько вода чиста. Через

Василий Фёдорович Кузнецов – родился 8 марта 1935 г. в деревне Елизаветино Староюрьевского района Тамбовской области. Полковник в отставке. Ветеран Вооружённых Сил СССР. Награждён орденами «Красной Звезды», «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» и другими правительственными наградами. Член литературного объединения имени Ф. Шкулёва (г. Видное Московской области). Живёт в Москве.

толщю воды свободно просматривается дно с его многочисленными обитателями, и тебя охватывает восторг, который сбивает дыхание и заставляет двигаться всё дальше и глубже.

Купаться в такой воде – одно удовольствие. Правда, есть одно «но». Таким море бывает обычно в летние месяцы, когда температура воды достигает +37–38 градусов, и получасовое пребывание в море утомляет, расслабляет, обессиливает организм. Зимой температура воды опускается до +25–26 градусов, это наивысшая температура Чёрного моря. Конечно, вода хороша, но зимой редко бывает, чтобы на море не было волны. Волна для тех, кто умеет плавать, тоже не помеха. Даже наоборот, ляжешь на эту волну, и она качает тебя как в колыбели: вверх, вниз, нежно, мягко, приятно. А лежать на воде легко, потому что плотность и солёность воды в Красном море одна из высших. Невзначай хлебнёшь раз-другой такой водички и пить хочется, как будто после селёдки. А если солёные брызги попадают в глаза и в нос, то мгновенно вызывают ощущение острого жжения. Выходить из такой воды не совсем приятно: у берега она обычно мутная, смешана наполовину с песком, ракушками, посторонними предметами. После такого купания непременно хочется искупаться ещё, только в чистой воде. А бывает и зимой волна небольшая, которая не бьёт, а как бы ласкается, капельками приликая к телу. Тогда блаженству нет предела.

Но Красное море одно из коварных морей мира, об этом писалось в лоциях для штурманов старинных и современных кораблей. Море усеяно природными «минами» – коралловыми рифами, которые могут разорвать не только деревянное днище, но и разрезать металлическую обшивку киля корабля. Коралл очень живуч и плодовит. Он растёт и увеличивается, поднимаясь всё выше и выше со дна моря. Капитаны кораблей, которые в прошлые навигации проложили, казалось бы, безопасный курс, в другой раз могут натолкнуться на подросший подводный риф.

Мои впечатления были бы не полными, если бы я не рассказал о поездке в порт Салиф (о. Камаран). Мы были «напичканы» массой подробных сведений о неопикуемых прелестях тех мест. Всякие разговоры о Салифе разжигали наше пылкое воображение, жгучее стремление посетить эти места и воочию убедиться в верности накопившихся данных. Но мечта отодвигалась от одной поездки до другой в г. Ходейду, в котором я неоднократно бывал. От Хадейды до Салифа дорога недалеко (75–80 километров), но она сильно изрыта, ребристая, трясуча, скверна и на легковых машинах туда добраться было нелегко. Два часа нас трясло, мотало, дёргалo. Ощущение таково, что голова вот-вот оторвётся и покатится по бездорожью сама собой. От частых подпрыгиваний и опусканий мы набили одно место так, что потом ходить было не совсем удобно. За дорогу съеденная ранее пища основательно утрамбовалась, и так хотелось что-нибудь «бросить» в желудок, но было не до еды, когда нетерпение требовало скорее добраться до сказочного моря, взглянуть на дно, чтобы своими глазами увидеть этот огромный естественный аквариум. Нам говорили, что Красное море – это аквариум. Мы верили этому на слово. Но то, что предстало перед нашим взором наяву, превзошло всякие ожидания. Ни один рассказ не может реально представить хоть толику того, что есть там на самом деле. Красота, да и только! И это слово ещё ничего не говорит. Мы увидели какое-то сказочное подводное царство, в котором бесчисленное множество обитателей! Всё увиденное описать невозможно, слов не хватит. И даже самый талантливый художник не смог бы изобразить то, что создала

природа: на холсте всё мертво, недвижимо, а там всё двигалось, шевелилось, пряталось, охотилось, мгновенно замирало или молниеносно исчезало. Жизнь шла, не останавливаясь ни на мгновение. И всему этому мы были свидетелями, вооружившись самым бесхитростным снаряжением – обыкновенной маской для подводного плавания. А какое многообразие красок! Одни только рыбы создавали невообразимую палитру цветов: и красных, и синих, и зелёных, и жёлтых, и чёрных, и в крапинку, и в полоску... Нет, искусственным путём такой аквариум создать просто невозможно!

Ни пером описать, ни языком рассказать о неповторимых рисунках, формах, размерах подводного мира: кораллах, затвердевших грибах, похожих на нашу сыроежку, ракушках, морских ежей, звёзд, рачков, крабов, улиток и т.п. И всё это живёт, растёт, передвигается, неся на себе разнообразные костные панцири. Ранее я и представить не мог, что Красное море так богато фауной и флорой, завораживающей красотой и притягательной силой.

Хамсин

Хамсин – это тропический ветер, получивший своё название от арабского слова «хамсин» – пятьдесят. Именно столько дней дует ветер, поднимая в воздух песок и пыль, находящиеся в пустыне Тихама. Он возникает не сразу. Его приближение предвещает повышение температуры воздуха. Становится душно, как-то гнетуще тихо. Всё живое спешит укрыться. Караваны прерывают путь. Собаки, только что махавшие хвостами, заползают под различные укрытия и остаются там на всё время бури, тоскливыми глазами поглядывая на происходящее. Небо темнеет. И вдруг пустыня словно срывается с земли и уносится ввысь, укрыв всё вокруг песчаной мглой. Сквозь неё проглядывает едва расплывшийся диск солнца. Горячий ветер гонит тучи песка к морю, и оно исчезает из поля зрения, окутанное темно-жёлтыми клубами. Видимости никакой. Хижины, горные кряжи, корабли на рейде в первые минуты Хамсина становятся неясными тенями, а затем совсем исчезают в песчаной мгле.

Вот в такую бурю однажды оказались мы в самом центре песчаного потока, словно в замкнутой трубе, по которой гнали пыль со скоростью 35–40 метров в секунду. Для нас ветер, буря, пурга – не новинка: сполна мы ощутили их на себе за время трёхлетнего пребывания на Чукотке. Но тут мы попали в положение, как говорят, «хуже губернаторского». Ехали на УАЗе (армейский легковой автомобиль) без верхней части боковых дверок, которые водитель по своей неопытности оставил в расположении штаба. Ветер был боковым и гнал в открытые створки песок с такой силой, что щёки, шея, губы ощущали острое жжение. От жары глаза заливало грязным потом, он резал по ним, как кислотой. Дышать было нечем. В горле – точно кляп, хоть вой. А тут ещё случились непредвиденные обстоятельства. Две встречные машины из-за плохой видимости столкнулись и загородили дорогу. Спереди и сзади скопилось большое количество машин. Водитель принимает решение и говорит: «Наши машины – лучшие в мире, пробьёмся! Вперёд по пустыне!». Мы слёта врезались в песчаный наст, который тут же потопил колёса на всю глубину. Оказалось, что передний мост не работал. Попросили «садыков» (местных жителей) толкнуть машину. Но наши усилия были напрасными. Благо, нашлась добрая душа: один из местных водителей на ЗиЛе-131 подцепил нас и волоком вытащил на дорогу. Стали ждать. А чего ждать-то? Машин всё прибавлялось. Остановившиеся машины стало

заметать песчано-пыльной бурей. Приближалась ночь. Не ночевать же в таких условиях. И мы вновь ринулись вперёд по бездорожью. На этот раз удачно. Лица наши повеселели, мы с облегчением посмотрели друг на друга. О, Боже мой, что это были за лица. Волосы стояли дыбом, как у дикобраза, от набившегося в них песка. Цвет лица Хамсин замаскировал под пустынный ландшафт, и видны были только глаза в узких щёлочках приоткрытых век, да ярко-белые зубы улыбающихся ртов. Уши забило песком. Под нашей одеждой вся кожа покрылась заметным слоем песка и пыли. Наш вид был страшнее киношной бабы-яги. Показываться на глаза людям в таком виде мы не рискнули, чтобы не напугать кого-то. Поэтому, не доезжая до города, мы напрямик двинулись к морю, чтобы чуть-чуть отмокнуть, приобрести человеческий вид. Отмокнуть-то отмокли, а грязную одежду надевать не стали. Так и ехали в пляжном одеянии до гостиницы, а там – сразу под душ.

Вот такая была поездка. Вот такой был Хамсин! Мы долго ещё ходили, похрустывая песком на зубах, он и туда набился. Зато, как сказал потом водитель, такая поездка надолго запомнится. В этом, конечно, он был прав. Такое не забывается.

А.К. Толстой и его муза

В истории русской поэзии единственный автор-однолюб явление, наверное, уникальное. Им был А.К. Толстой.

Граф Алексей Константинович Толстой родился в 1817 году; получил прекрасное домашнее образование, знал несколько европейских языков. Он был другом детства будущего императора Александра II. Но, несмотря на близость к высочайшим особам, службой при дворе Алексей Константинович тяготился. В 1851 году он встретился с Софьей Андреевной Миллер, женой конногвардейского полковника, и влюбился в неё.

Она, урождённая Бахметьева, в это время жила со своим мужем врозь. Это была женщина незаурядная, образованная, наделённая от природы тонкой наблюдательностью. На балу граф Толстой встретил стройную и печальную даму, которая легко вальсировала и великолепно пела, сопровождая себя на рояле. Подойдя поближе, он нашёл на её лице ту же скорбь, что и в своём сердце.

– Я читала ваши стихи, они очень красивые и грустные, – первое, что сказала незнакомка графу. На следующее утро он написал ставшее знаменитым стихотворение «Средь шумного бала», которое впоследствии легло в основу популярного романса. Они стали встречаться, но вскоре Софья Андреевна почувствовала недоброжелательное отношение во многих петербургских гостиных. Ей пришлось уехать в имение своего брата под Пензой.

В 1854 году началась Крымская война, и Алексей Константинович вступил в полк добровольцев майором. Однако воевать ему не пришлось – в Одессе, где располагался полк, он тяжело заболел тифом. Узнав о болезни Алексея Константиновича, Софья Андреевна приехала в Одессу, чтобы помочь ему. Придя в себя после болезни, Толстой вместе с Софьей Андреевной отправились в путешествие по Крыму и за это время стали считать себя единым целым. Но общество смотрело на это

Сергей Никитович Буренко – родился в апреле 1937 г. В 1959 г. окончил МХТИ, в 1972 г. – аспирантуру химфака МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат химических наук. Писать начал с 2003 г. Участник ЛИТО ЦДУ РАН.

Живёт в Москве

иначе. Конногвардейский полковник (муж Софьи Андреевны) по-прежнему не давал развода своей номинальной жене. Но главное препятствие представлял не он, а графиня Перовская – мать Алексея Константиновича. В те долгие годы разлуки лишь переписка помогала поэту быть рядом с любимой женщиной. В июне 1857 года графиня скончалась и они наконец смогли поселиться «по-семейному» в имении Пустынька под Петербургом. Официально пожениться они смогли лишь в 1863 году, после смерти полковника – мужа Софьи Андреевны.

*Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре,
О, не грусти, ты всё мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе,
Мою любовь, широкую, как море,
Вместить не могут жизни берега.*

*Когда Глаголов творческая сила
Толпы миров возвала из ночи,
Любовь их все, как солнце озарила,
И лишь на землю нам её светила
Нисходят порознь редкие лучи.*

*И порознь их, отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струёю холодной,
И говорят, качаясь, цветы (...)*

*Но не грусти, земное минет горе,
Пожди ещё, неволя недолга,
В одну любовь мы все сольёмся вскоре,
В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега!*

Моя поездка в Великобританию, или как я открыл английским филологам творчество Байрона и Вальтера Скотта

В своё время я познакомился в Москве с английской парой, Беном и Софи – выпускниками лучшего в мире университета в Оксфорде. Как-то раз я сообщил Бену, что читаю поэму Байрона – «Дон-Жуан». На что Бен мне меланхолично ответил: «Сэргей Никитич, а мы Байрона нэ проходили». «Странно», – удивился я. – «Вы ведь слышали о том, что был такой поэт? Наверняка, можно найти его стихи в оригинале и у нас, в Москве». При следующей встрече Бен с благодарностью сообщил мне, что отыскал эту поэму и читает её с удовольствием. Впоследствии я узнал, что Байрон в Англии считается чем-то вроде «врага народа» – потому что был бонапартистом.

Но это было позже... А пока я показывал моему знакомому русское искусство и архитектуру, водил в Кремль и в Третьяковку. Бен стал немного лучше понимать русский язык и культуру.

Со временем мы почувствовали друг к другу всё большее расположение, и вскоре Бен пригласил меня в Англию.

...Я в Лондоне. Конец июня, +30 С. Молодёжь плещется в бассейне у колонны Нельсона. Интересно – где же знаменитые лондонские туманы? И слышу в ответ: «Это не более чем коммунистическая пропаганда». Всё, конечно же, сложнее. Во-первых, туманы бывают осенью и зимой. Во-вторых – раньше было много смога из-за того, что лондонцы углем топили печи и камины, и город был от этого чёрно-серым. А сейчас разрешается пользоваться только древесным углем – но это дорого, камины простаивают, экология улучшается!

Лондон – очаровательный, чистый, разноцветный город. Строек очень мало. Проходя по городу целый день, я заметил, что обувь совершенно не запылилась!

Наши экскурсии мы начали с Британского музея. Я, как поклонник античности, направился прежде всего туда, где хранятся фрагменты фризов работы Фидия, скульптуры Парфенона и античные камеи. Непредвиденное затруднение – я не знал, как по-английски будет звучать слово «камея», и Бен не мог меня понять. Тем не менее, гуляя по музею, мы случайно набрали на нужный зал. Приятно!

Помимо всего прочего, мне посчастливилось присутствовать на заседании палаты общин. Оказалось, что Бен происходит из знатной семьи, и его отец, ни много ни мало, лорд.

Мне показали Лондон, в том числе мемориал Виктории и Альберта, но больше всего запомнился памятник Нельсону – простой, устремлённый ввысь, без излишних реалистических подробностей. Очень интересен Гайд-парк – там собраны деревья со всего света; некоторые из них с красной или жёлтой листвой во все сезоны.

Бен с женой занимали половину небольшого старинного двухэтажного дома. К вопросу об английских традициях: в ванной краны с холодной и горячей водой были отдельные, без смесителя. Англичане в старых домах не знают, что такое душ и вытираются сразу после ванны.

Дня через три хозяин объявляет мне, что они с женой должны завтра улететь на свадьбу друга, и я остаюсь один! Сначала было страшно находиться одному в чужом городе да ещё со слабым знанием языка. Но, несмотря на это, мне дали ключ от квартиры, проездной на метро и «помахали ручкой». У меня была карта Лондона, ориентируясь по которой, я продолжил свои путешествия по музеям и паркам. Через три дня звонок в дверь: хозяева вернулись! Иронично спрашивают: «Вы ещё живы?». Оказалось, что жив!

Мы продолжили наши экскурсии. Вестминстерское аббатство, где проходят коронации, очень красиво, но прежде всего, пышно и помпезно. Елизавета и Мария Стюарт (сводные сёстры) лежат под одним сводом; но здесь не принято вспоминать, что Мария была казнена по приказу Елизаветы. Здесь же похоронены английские премьеры и многие знаменитости. Скромная доска с именем Байрона установлена лишь в XX веке и, похоже, больше для иностранцев.

Озёрный край, северо-западная Англия... Для меня было важно посещение этих мест, связанных с именем поэта Вордсворта. Осматривая его мемориал, мы остановились у книжного киоска. Бен увидел, в числе прочего, романы Вальтера Скотта и спросил меня, какой из них стоит прочесть для начала. Я посоветовал ему начать с романа «Роб Рой». Так он и сделал.

На следующий день мы были уже в Шотландии и остановились на ночь в одном маленьком городке. Ночью нас беспокоили не комары, а мошка (как у нас на Севере), поэтому окна пришлось закрыть. Наутро я заметил, что Бен как-то «не в себе», и поинтересовался, не болен ли он? «Я вашего Вальтера Скотта до двух часов ночи читал!» – был ответ. «Ну вот, приехали!» – подумал я. – «Вальтер Скотт – мой, Байрон – тоже мой...» Тут уместно спросить – если выпускники Оксфорда не изучали творчество двух выдающихся английских писателей, то чем же они там вообще занимались? Наверное, компьютерами...

Мой хозяин спросил между делом о том, как в России относятся к шотландцам. «Никак» – ответил я. Конечно, образованные люди слышали о Шотландии – кто больше, кто меньше. Главное же – стихи шотландских поэтов. Благодаря переводам Маршака тиражи книг Бёрнса в Советском Союзе превзошли его тиражи на родине. У нас было известно о том, что шотландцы – свободолюбивый народ, веками отстаивавший свою независимость от Англии. Но мало кто знал о том, что две страны объединились в тот момент, когда в Англии пресеклась очередная династия, в связи с чем английский парламент пригласил править Англией шотландского короля.

...Потом был Эдинбург. Этот город гораздо меньше и беднее Лондона. Там не было кардинальной чистки стен от вековых отложений сажи и копоти. Поэтому Эдинбург остался, в основном, тёмно-серым – в отличие от Лондона. Эдинбургский замок стоит на горе – создаётся ощущение вертикали; каменные лестницы, ведущие наверх, очень круты. Сам город ограничен в площади и не может развиваться вширь, там много необычных зданий и памятников. Эдинбург можно легко обойти, но расставаться с ним не хочется...

Во время посещения шотландского национального музея Бен внезапно спросил меня: «Сэргей Никитич, а Вы – джентльмен?» Я растерялся и неуверенно ответил: «Да-а». По возвращении домой я вспомнил этот эпизод в разговоре с сыном. Он заметил, что для англичан джентльмен только тот, кто окончил закрытую школу и после этого – один из английских университетов, лучше Оксфорд или Кембридж.

...О Шотландии я слышал давно, от двоюродного брата, члена общества «Шотландия-СССР». Когда-то он сказал мне, что начал читать романы Вальтера Скотта и не может остановиться. Потом я сам стал читать все его книги, какие только удавалось найти. Наконец я получил в подарок собрание его сочинений. К моменту поездки в Англию и Шотландию я просто жил Вальтером Скоттом. Это – мир границы, где с виду ничего не происходит, но в любой момент может что-то случиться – начнутся стычки, появится отряд разбойников или начнётся война.

Может быть, не все знают, что оба они (Бёрнс и В. Скотт) писали по-английски. По-английски же говорили жители больших городов: Глазго и Эдинбурга. А дальше начинался мир кланов, где все разговаривали по-гэльски. Обитатели южных районов занимались земледелием. Те кланы, что жили повыше в горах, помимо этого, были и скотоводами. Те, что укрепились выше, ещё и охотились. Горцы верхнего яруса могли только охотиться и иногда разбойничали. Выше всех, на голых скалах жил клан «Мак ду» (клан духов), где разбой был единственным промыслом. Но их южные соседи совсем не были овечками. В ответ на нападения они разоряли утлые хижины жителей высокогорья. Однако через какое-то время жители скал (хайлендеры) возвращались на свои пепелища, и всё начиналось сначала...

Характерным для горных кланов был мрачный гимн под названием «Проклятие трусу»:

*А тот из нас, кто бросит бой,
И клан в беде оставит свой,
Не жди пощады никакой!
Нет, с прахом предков жалкий свой
Прах не смешать ему!*

*И этот грозный клич во мгле
Орла встревожил на скале,
И, словно отклик боевой,
В лесу раздался волчий вой.*

На всё это накладывались религиозные и династические распри. Реформация в Шотландии шла медленнее, чем в Англии, а север долго оставался оплотом католицизма. Если очередной претендент на шотландский (или английский) трон бывал разбит, то просто отступал в горы Шотландии; в крайнем случае – отплывал во Францию. Через некоторое время он мог вернуться во главе отряда и поднять знамя восстания. И всегда находились люди, которые были чем-то недовольны и считали мирное хозяйство делом совсем не мужским, а вот войну... Этим они напоминали жителей Кавказа.

Вернувшись в Москву, я написал своим гостеприимным хозяевам письмо с благодарностью, но ответа, увы, не получил. Иногда мне кажется, что я вёл себя в гостях как-то не так, наверное, много разговаривал. Не джентльмен! А может, это психологическая компенсация за то, что я позволил себе знать что-то об английской литературе больше англичан?.. А может быть, дело в том, что Бен – аристократ?

Мне кажется, что Шотландия чем-то похожа на Россию...

Размышления о судьбе России

Каждый человек имеет право считать себя необходимостью истории.

Д. Гранин.

*...На качелях времени идущего
В прошлое вернуться из грядущего,
Извлекая бытие из сущего,
Вывести в открытость потаенное.*

Л. Рабичев.

Судьба России... Смотрю на неё с отметки 2014 года, из XXI века вглядываюсь в века минувшие – как много памятных отметин, немало крупных дат. Судьба страны – это судьбы людей, городов... Обо всех юбилейных датах 2014 можно написать огромную книгу, а для краткого эссе можно отобрать лишь несколько.

Начну повествование с описания события, которому дата некруглая, но всё равно памятная. 2014 год – вот уже 73 года, как находится под водой (а зимой и подо льдом) Рыбинского водохранилища древний русский город с 800-летней историей, город Молога. Да и не только это поселение, и не только эти земли ушли под воду, когда с 1935 г. начал разрабатываться проект строительства Рыбинского и Угличского гидроузлов с целью обеспечения судоходства на Верхней Волге и снабжения электроэнергией Верхневолжья и Москвы. Экономические преимущества обернулись душевными травмами и трагическими последствиями для выселенных с родных мест людей. Близ города Мышкина в деревне Угольники я не раз слышала рассказ местной крестьянки Лины Васильевны, которая 10-летней девочкой покинула вместе с семьёй родную Мологу, переселились на неплодородные, неосвоенные земли в малюсенький старый домик к дальним родственникам. Переселение жителей из Мологи началось весной 1937 года и длилось четыре года. К 1947 году территория города была окончательно затоплена. С 1972 года каждую вторую субботу августа мологжане собираются в Рыбинске, чтобы отметить память

Елена Петровна Ткачевская – родилась 3 декабря 1958 г. Доцент кафедры Химии и технологии биологически активных соединений Московского государственного университета тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова, кандидат химических наук. Написание научных трудов сочетает с трудами литературными (чаще – поэтическими, иногда – прозаическими). С 2010 г. – участник ЛИТО ЦДУ РАН. Первая публикация стихотворений состоялась в коллективном сборнике ЛИТО ЦДУ РАН под редакцией Л.И. Колодяжной «Мы рождены для вдохновения» (2011).

Живёт в Москве.

своего погибшего города. В 1992-1993 годах из-за засушливого лета уровень Рыбинского водохранилища понизился более чем на 1,5 метра, это позволило организовать экспедицию на обнажившуюся часть затопленного города (были видны контуры фундаментов, кованые решётки, могильные плиты, мощёные улицы). В ходе этой краеведческой экспедиции собрали интересные материалы для музея Мологи и сняли фильм, а в 1995 году был создан Музей Мологского края. Музей – островок уцелевшей мологской старины, располагается в Тихвинской часовне бывшего подворья Мологского Афанасьевского монастыря в городе Рыбинске.

В 2014 г. много круглых юбилейных дат, самая впечатляющая – 3 мая, празднование 700-летия Преподобного Сергия Радонежского, оказавшего поистине огромное влияние на судьбу Родины. Масштабы этой личности трудно переоценить.

Порой случаются в жизни такие события, которые хочется запечатлеть не только в памяти, но и на каком-нибудь более зримом материальном носителе, например, нарисовать или сфотографировать, написать эссе или стихотворение... Мой путь часто пролегает через подмосковный городок Сергиев Посад, вдоль стен монастыря – Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Местность там холмистая, и есть на высокой части дороги такая точка, когда обзор куполов монастыря особенно хорош, городские постройки остаются внизу и не заслоняют контуры соборов и колоколен, и даже монастырская стена своей верхней частью – на уровне глаз. Ощущение такое, что и ты, путник, как бы взлетаешь вместе с монастырём. В начале зимы 2013-2014 г. вдруг выдалось несколько дней оттепели, и пали на Подмосковье густые утренние туманы, заполнив собой все низинки, ложбинки, оставили для обзора только самые верхние точки холмов и кроны высоких деревьев. Все домики Сергиева Посада погрузились в утренний туман, оттенок которого в лучах восхода переходил от бело-голубого до лилового, казалось, что облака опустились на просыпающийся город. А поверх всех этих туманных облаков парили золотые купола Лавры, они были как бы продолжением самих облаков – строений небесных, а всё, что ниже светящихся на утреннем солнце куполов – и стена и монастырские постройки – было скрыто густым туманом. Захотелось остановиться и смотреть, смотреть на этот невероятный свет, цвет и «полёт» золочёных куполов... Видел ли Преподобный Сергей свою обитель в такой красе? Вот оно – чудо!

«Кроме Троицкой обители, Сергей ещё при своей жизни был основателем нескольких монастырей... <...> основался монастырь Благовещения на Киржаче (Покровского уезда во Владимирской губернии). Из нынешних московских монастырей Андроньев и Симонов основаны были Св. Сергием. Первый построен был на берегах реки Яузы по желанию митрополита Алексия, в память его избавления от морской бури во время плавания из Цареграда, и посвящён во имя Нерукотворенного Спаса. Сергей поставил в нём своего любимого ученика и земляка Андроника. Этот монастырь сделался вскоре знаменитой школой иконописания для всей Руси. Симонов монастырь во имя Успения Богородицы был основан, по благословию Сергия и под его руководством, племянником его Феодором, который впоследствии был владыкой в Ростове. Преподобный Сергей посещал свою родину Ростов и в окрестностях его (в 15 верстах) устроил на берегах реки Устьи Борисоглебский монастырь. В 1365 году, путешествуя в Нижний по делу между Димитрием и Борисом,

он основал монастырь Георгиевский на реке Клязьме (в Гороховском уезде). В 1374 году, по желанию князя Владимира Андреевича, Сергей в двух верстах от Серпухова заложил Зачатейский Высоцкий монастырь на реке Нара и поставил там настоятелем ученика своего Афанасия. По желанию Дмитрия Донского Сергей в 1378 году основал монастырь Дубенский на Стромени (в 30 верстах на юго-восток от Лавры), а в 1380 (в 40 верстах от Лавры и на северо-западе от неё) другой Дубенский Успенский, в память Куликовской битвы. В Коломне был им построен монастырь Голутвенский в честь Богоявления Господня. Во все эти монастыри он поставил настоятелями своих учеников.» [Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей: http://www.rummuseum.ru/lib_k/kostom10.php]. Судьба России во все века решалась в сражениях, роль ратных подвигов была велика и во времена Преподобного Сергия. «Великий князь Димитрий Иоаннович Донской, собрав войско, пришёл в обитель Преподобного Сергия испросить благословения на предстоявшее сражение. В помощь великому князю Преподобный благословил двух иноков своей обители: схимонаха Андрея (Ослябю) и схимонаха Александра (Пересвета), и предсказал победу князю Димитрию. Пророчество Преподобного Сергия исполнилось: 8 сентября 1380 года, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, русские воины одержали полную победу над монголо-татарскими полчищами на Куликовом поле, положив начало освобождения Русской земли от монголо-татарского ига. Во время сражения Преподобный Сергей вместе с братией стоял на молитве и просил Бога о даровании победы русскому воинству» [Православный календарь. Преподобный Сергей Радонежский: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life1602.htm>].

27 января 2014 г. – 110-летие начала Русско-японской войны. «Есть в русской истории слова, от которых сжимается сердце: Цусима, Порт-Артур, Мукден. Мы просто обязаны помнить об этом жестоком уроке. Патриот – это не тот, кто предпочитает держать в памяти события, связанные со светлыми минутами национальной истории, а тот, кто знает периоды унижения своего отечества, причины и обстоятельства.» [А.Уткин. Русско-японская война. В начале всех бед. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2005]. Война продлилась семь месяцев. Мой прадед Иосиф вернулся с войны в родные Белгородские земли тяжело раненым, имея среди боевых наград Георгиевский крест. Сын его, Георгий (мой дед), выучившись на фельдшера, героически прошёл Великую Отечественную Войну, в 2014 году – его столетие.

А разве есть в России такая семья, которую не задела военные лихолетья XX века? 2014 г. – это год ещё одного ключевого события Великой отечественной войны, 70-летия прорыва Блокады Ленинграда. Блокада Ленинграда продолжалась с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года – 872 дня. В сентябре 1941 года в окружённом городе оказалось 2 887 тыс. жителей. Потери огромны, но Ленинград выстоял.

1 августа 2014 г. для России тоже памятная дата, 100-летие начала Первой мировой войны, в ходе которой в 1914–1918 годах военные действия охватили более полутора миллиардов человек в 38 государствах. Первая мировая война сопровождалась и продолжилась в России Октябрьской Революцией 1917 года, Гражданской войной, потоком эмиграции, в результате которой тысячи соотечественников оказались за пределами Родины. Судьбы моих

предков в этот период безрадостны и малоизвестны их потомкам, корни подрублены...

Любая война страшна ещё и тем, что нарушается естественная взаимосвязь и преемственность поколений, потомки знают судьбы предков не из первых уст, а по воспоминаниям выживших, а часто важные моменты жизни предков становятся совсем неведомы потомкам. Но какая-то генетическая память всё равно остаётся, и, может быть, поэтому у меня пишутся стихи о тех далёких временах.

*Не надо обманчивых грёз,
Не надо красивых утопий,
Но Рок подымает вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?*

Валерий Брюсов, 30 июля 1914 г.

Не праздным пасьянсом
Раскинуты страны
На карте Европы.
Военным альянсом
Прицельно, с оскалом
Намечены тракты и тропы
Той Первой Войны Мировой.

Российская доля –
Сомкнуться рядами.
И выстоять, и возродиться.
Чтоб вольному воля
Крепилась с годами.
И в памяти теплились лица
Той Первой Войны Мировой.

Оборваны связи,
Неведомы судьбы...
И память саднит фантомно.
Неровною вязью
Начертано будто
Послание предка с фронта
Той Первой Войны Мировой.

Жизнь можно строить без границ,
Но невозможно – без корней.
Коль стая перелётных птиц
Маршрут забудет – горе ей.
Царапнет слово – точно ветка
На непроторенной тропе.

Куда ведут пути нередко
 Сквозь неуютное купе?
 Туда, где есть свобода как бы,
 Туда, где не обжиты земли.
 Дороги ровность без ухабов
 Любой ценою – не приемлю.
 За незнакомой птичьей стаей
 Не услежу усталым взглядом.
 Пусть снег падёт и пусть растает,
 А лета вечного – не надо.
 Жизнь можно строить без границ,
 Но невозможно – без корней...

Ой, Молога, Молога,
 Не дойти до порога,
 Не уйти от порога,
 Ты теперь – недотрога.
 Ни высока бережка,
 Ни зелёного лужка,
 Ни соснового леска,
 Только волнушкам плескать
 Выше крыш и колоколен.
 Житель твой теперь не волен
 Обойти тебя привольно –
 Оттого душе и больно.
 Красно Солнышко не тонет,
 Красно Солнышко не тронет,
 Сине Море упокоит.
 Терема никто не строит –
 Вся Молога под водой,
 Граду Китежу сестрой...

Несуетный приволжский городок
 Своим залюбовался отраженьем.
 И всё, что только взгляд окинуть смог,
 Наполнено спокойствием блаженным.

Под вишнями как будто выпал снег,
 В реке, как в небе, облаков движенье.
 Хотят замедлить чуть небесный бег
 И колокольня, им её же отраженье.

Развешивает женщина бельё,
 Лицо таким лучится счастьем,
 Как будто всё её житьё
 Удачно минуло ненастье.

Легко даёт простор воображенью
 Бродяги-ветра лёгкий шепоток.
 Своим залюбовался отраженьем
 Несуетный приволжский городок.

К 20-ой годовщине событий октября 1993 г.

Черны стволы осенних лип.
 Бездомный пёс проснулся рано,
 Он к шуму города привык,
 Но танки на асфальте рваном
 Зловещи, страшен скрежет их.
 И Белый дом зияет раной.
 Полаял пёс и вскоре стих,
 Метался, бегал спозаранку,
 Смотрел и слушал, но не вник
 Со всем собравшимся народом –
 Кому ж понадобился вмиг
 Запал войны коварно-сумасбродной?
 Стволы осенних лип черны,
 Дождь норовит за шкуру капнуть.
 И нет у пса другой страны.
 Он, если надо, может тяпнуть...

Дом выплывает кораблём.
 К нему уже не подойдём,
 Хоть нет пока вокруг забора,
 Но чёрных танков злая свора
 Ползёт, рассудку вопреки,
 Вдоль побережья реки.
 И Дом уже не белоснежен,
 И Дом уже не безмятежен,
 Пробоины чернеют и дымят,
 И танки по нему палят.
 И нет войны, и нет вины,
 Но раны чёрные видны,
 Клубится, валит чёрный дым,
 Свои стреляют по своим.

Видение отроку Варфоломею

К 700-летию Преподобного Сергия Радонежского

Старец, «сотворя молитву прилежну», достал из карманной «сокровищницы» частицу просфоры и подал её отроку со словами: «Прими сие и снешь, се тебе дается знамение благодати божия и разума святого писания».

Когда желанен Ангела приход,
В любом обличье Ангел узнаваем.
Прозрачен лес, и светел небосвод...
Не потому ль поныне уповаем
На то, что Ангел света снизойдёт
Крылом ли лёгким, взглядом лучезарным
Иль иноческой ризой. Благодарно
И трепетно Душа сей свет найдёт,
Когда желанен Ангела приход.

Судьбы поэтов (диптих)

*К 215-летию рождения А.С. Пушкина
и к 200-летию рождения М.Ю. Лермонтова*

1.

Не вошли в предсказанья Кассандры
Те ловушки, что заманили
Михаила и Александра,
Александра и Михаила.
Птичья стая взмывает кучно,
Встрепенулся домашний сверчок –
Никому не поможет случай,
Не ослабнет взведённый курок.
Жизни чёлн оказался зыбким.
Выстрел – вспышка, хлопок, щелчок,
Ис-че-за-ю-ща-я улыбка,
За бочок ухвативший волчок.
Разговоры у звёзд неспешные,
Небосвод необъятен и чист,
Лишь листва шелестит безутешно.
И по-прежнему путь кремнист.

2.

Почему-то не повстречались,
почему-то не пообщались...
а могли бы, вполне могли бы.
Поэту – жизни линия с перегибом.
Для поэта пути неровность –
не новость. Не новость –
похожесть судеб поэтов.
Страшно, непостижимо это.
Но в осколках разбитого зеркала
отражение сохраняется, свет не меркнет,
только множится тысячекратно.
А пустота – безмерна, как за утрату плата.

Ее звали Екатерина Прекрасная...

В преддверии 100-летия со дня начала Первой мировой войны, на просторах, как бывшего Отечества, так и европейско-заокеанском, все вспоминают не только подвиги и стойкость русского воина, причём – на всех театрах военных действий, но и чудовищные кровопролития, вошедшие в историю мировых войн под наименованиями «Карпатская мясорубка», «Чудо на Марне», «Верденская мясорубка» и многие другие. И, конечно же, вспоминают мудрых полководцев, отважных «полных кавалеров» и наиболее отчаянных нижних чинов, имена которых также вписаны золотыми буквами во всемирную военную историю. Есть среди павших на полях сражений люди, о которых вспоминают лишь отчасти – это сёстры милосердия. И ещё реже, вспоминают о тех сёстрах, которые, будучи фрейлинами, графинями, княгинями, свою юную и благородную жизнь также оставили на поле брани. В «прежние» времена не было принято вспоминать о войне, презрительно названной «империалистической», как и не принято было вспоминать о её полководцах (разве, что знаменитого Брусилова и георгиевских кавалеров Жукова, Будённого, Малиновского, ставших маршалами). А о княгинях и графинях, отдавших свои жизни на поле брани, и подавно. Именно поэтому я и позволю себе напомнить имя одной из таких Героинь (именно с большой буквы), имя которой оказалось забыто историей, притом, что весь род её вписан золотыми буквами в золотую летопись нашего Отечества. Имя ей Екатерина Николаевна Игнатъева.

В самом центре Украины, на древней земле Надросья (исток и излучина реки Рось, давшей нам российскую историю) есть небольшой район в Винницкой области, имеющий истинно украинское название – Погребещенский. И есть в нём, небольшое село с именем Круподеринцы. Для

Сергей Алексеевич Смольяников – историк, писатель, публицист, член Всеукраинского Союза писателей-маринистов.

Живёт в Киеве.

украинского гражданина, мало знающего собственную историю, оно покажется малопривлекательным – мало ли умирающих сёл на Украине. Но для любого образованного гражданина Болгарии или России – это символическое и памятное место. Ведь там похоронен известнейший дипломат и военно-политический деятель России и освободитель болгар от Османского Ига граф Игнатъев Николай Павлович. Там было его имение, сохранённое и сегодня, благодаря тому, что ныне в нём начальная школа и музей графа Игнатъева, как филиал Винницкого областного краеведческого музея.

Одна из последних фотографий Николая Павловича с супругой Екатериной Леонидовной (урождённой Голицыной). Фотография из архива наследников Игнатъева и публикуется с их разрешения

Имя этого великого человека известно по его вкладу в развитие России в эпоху зарождения новой экономической формации. Это он в 1858-м заключил мирный Бухарский договор. Это его прямая заслуга в заключении в 1860-м Пекинского мирного договора, после которого все земли Приамурья и Приморья стали российскими территориями. Это и его заслуга в том, что на карте мира появился город-крепость, город-порт Владивосток, ибо это ему принадлежат слова: «А теперь владейте Востоком». Это его личная заслуга в подписании Сан-Стефанского мирного договора, когда после пятивекового ига болгарский народ получил свободу. О нём написаны десятки книг и очерков, его образ использован отечественным и болгарским кинематографом, его помнят и чтут. Но как часто бывает в нашей отечественной истории, приходит время, когда о таких людях забывают. Сначала забыли сановные чиновники в самодержавной свите. Затем забыли большевики за его графский титул. И со временем забыло о нём наше всесоюзное – всероссийское общество. Но пришло время, когда имя, а, главное, дела графа Игнатъева, стали востребованы памятью общества. И оказалось село Круподеринцы хоть и не столь посещаемым, но вновь знаменитым.

Начиная с 2004-го, стали ежегодно прибывать многочисленные, и не очень, делегации, представляющие собой в основном, интернациональный болгаро-российско-украинский состав. Почему с 2004-го? Ответ окажется чрезвычайно простым. Именно в 2004-м ветераны-подводники и члены будущего Всеукраинского союза писателей-маринистов провели там памятные мероприятия, приуроченные к 100-летию со дня начала русско-японской войны, потому что здесь родился один из первых подводников России – Иван

Именно там, в бывшем имении Круподеринцы на прихрамовой территории и появился 15 мая 1914-го памятник, отсылающий нас своим весьма примечательным видом к строчкам известной песни: «Не скажет ни камень, ни крест, где легли во славу мы русского флага...». Надпись на камне гласит: «Крест сей воздвигнут в молитвенную память лейтенанта Владимира Игнатъева, капитана 2 ранга Алексея Зурова и всех русских моряков, погибших в Цусимском сражении»

Иванович Ризнич, участник первого похода российских подводных лодок против японского флота. Вот и не верь теперь в шутивную поговорку про «Подводную лодку в степях Украины»...

С тех пор прибытие больших и малых делегаций в Круподеринцы стало своеобразным паломничеством представителей общественности и дипломатического корпуса Болгарии, России и историков-патриотов Украины. Главное внимание, конечно же, уделено тому, чтобы отдать почести графу Игнатъеву.

Бывшее имение Игнатъевых – ныне, начальная школа и музей графа

Самые главные почести Николаю Павловичу Игнатъеву отдаются, конечно же, у его могилы, которую по бокам венчают две краткие, но значимые надписи: «Пекин 1860» и «Сан-Стефано 1878».

А слева и справа от могилы политического деятеля, которая, всегда в цветах, находятся два захоронения его самых близких людей – две его Екатерины. Это жена, спутник и друг – Екатерина Леонидовна и дочь Катя. К сожалению, не всегда членами делегаций на эти могилы кладутся букеты цветов. Но, думаю, что в скором времени и в этом деле наступит перелом и могилы близких и родных графа также будут усыпаны цветами, особенно могила его дочери Екатерины. И чтобы доказать своё утверждение, приведу небольшой рассказ об этой удивительной и прекрасной женщине, которую при жизни так и звали – Екатерина Прекрасная. И приведу этот правдивый исторический рассказ ещё и потому, что она, Екатерина Прекрасная, самым прямым образом имеет отношение и к русско-японской войне, и к Первой мировой.

И поверьте, прочитав мой исторический рассказ об этой женщине, каждый читатель поймёт, что она достойна нашего уважения. А что мы знаем про Екатерину Игнатъеву? Ведь многие даже не слышали её имени. Многие

Таким имение было столетие назад, точнее, в 1901-м

вспомнят прекрасный труд Алексея Алексеевича Игнатъева «Пятьдесят лет в строю». А о ней, к сожалению, почти не осталось сведений. Судьба этой блистательной столичной красавицы, фрейлины в свите Императрицы Александры Фёдоровны (жены Николая II), поражает, как своей блистательностью, так и своей трагичностью, а короткая жизнь, ставшая значительным явлением в истории русского общества – самопожертвованием и героизмом. Именно поэтому Екатерина Прекрасная, безусловно, заслуживает уважения и благодарной памяти потомков.

Она родилась 145 лет назад – 14 апреля 1869-го в столице Османской империи – Константинополе в семье генерал-адъютанта Его Императорского Величества, чрезвычайного и полномочного посла в Турции Николая Павловича Игнатъева. Две красавицы дочери и пять сыновей-витязей были сокровищем и главной ценностью этой замечательной и дружной семьи...

Прошло время и после возвышения Николая Павловича в должностях, вся семья вернулась в российскую столицу. Получив прекрасное образование и превратившись из девушки-подростка в красавицу, умная и обаятельная Екатерина Игнатъева стала одной из самых блистательных невест Санкт-Петербурга. Ей было ровно 23 года, когда она, став фрейлиной супруги наследника российского престола (как оказалось, последнего), сначала обратила на себя внимание Великого Князя Михаила Михайловича (родного племянника Императора Александра III), а затем покорила его сердце. Но, к сожалению, политика, как тогда, так и сегодня, ломает не только общественные устройства, но и личное счастье. Александр III, узнав о будущей помолвке запретил своему именованному племяннику вступать в этот брак, под предлогом недостаточной знатности рода Игнатъевых. Фактической причиной было то, что сам глава семьи Игнатъевых был уже отлучён от свиты и отправлен в «украинскую ссылку» в своё имение Круподеринцы.

Удар для Екатерины был настолько тяжелейшим, что она, избегая насмешливых взглядов петербургской сановной публики, покинула двор, причём, навсегда. И, к слову сказать, личная жизнь Великого Князя, в будущем, также не сложилась. Чтобы залечить тяжелейшую и неизлечимую душевную рану, она поступает в Свято-Троицкую общину милосердия – первую в России официальную школу-общину сестёр милосердия под патронажем Александры Фёдоровны. Согласно её уставу, все поступившие в общину женщины, пожелавшие стать сёстрами милосердия, независимо от

Такой навсегда вошла в историю Екатерина Прекрасная – графиня Игнатъева Екатерина Николаевна

На могиле выдающего россиянина, болгарского патриота и почитателя украинской культуры всегда цветы

сословия, в течение трёх лет пребывали в статусе испытуемых, в это время проверялись их нравственные и деловые качества. Кроме того, кандидатки в сёстры «подвергались, в отношении способностей своих хождению за больными, испытанию доктора», который сообщал о его результатах начальнице общины и управлявшему ею комитету. Комитет принимал решение о присвоении испытуемой звания Сестры Милосердия. Как и все сёстры общины, после испытательного срока Екатерина Игнатъева была приведена священником к Присяге Сестры Милосердия и получила особый знак – золотой нагрудный крест с надписью «Всех скорбящих радость» на одной стороне и «Милосердие» на другой. Крест который носился на зелёной ленте. Устав Свято-Троицкой общины не только регламентировал жизнь сестёр милосердия, но и вносил в неё достаточно серьёзные ограничения. Так, сёстры не могли иметь в общине собственной мебели и одежды. Они не получали жалования и не могли держать при себе денег. Все, что сёстрами получалось за услуги (деньги, подарки) принадлежало общине. Отлучаться с территории общины и принимать гостей сёстрам позволялось лишь с разрешения надзирательницы. Посетители, в том числе, родственники, могли видаться с сестрой не чаще двух раз в неделю и исключительно в специальной приёмной зале. Практически с момента возникновения общины сёстры несли свет своего служения всем страждущим, вначале в столице, а затем и за границей Империи.

В 1900-м Екатерина впервые попала на Дальний Восток. Сначала как сестра милосердия Российского общества Красного Креста во время Ихэтуаньского («боксерского») восстания в Китае. Там она, находясь среди солдат и офицеров русской армии в Приморье и Приамурье, впервые, увидела кровь, страдания, смерть и познала жалость. Вместе с другими сёстрами она служила милосердием в лазаретах Приамурья, Порт-Артура и Манчжурии, иногда перевязывая и ухаживая за ранеными на передовых позициях, в полуразрушенных фанзах, претерпевая множество лишений от болезней, неустроенности, скудного питания. О тех днях, проведённых в войсках, рассказал очевидец Пётр Иванов: *«Александровский, уполномоченный Красного Креста находился с летучим санитарным отрядом в боевой линии. Врач Ануфриев и братья милосердия перевязывали раненых на месте боя и доставляли их на перевязочный пункт. На перевязочном пункте в этот день собрался весь его состав: Александровский, врачи Крестовский, Ануфьевич, Вествотер и сестры милосердия: графиня Игнатъева, Ахюткина, Лабутина, Еремина и Кузьмина. Все были заняты своим делом и помогали раненым. Сёстры милосердия прямо выказали себя героинями и проявили удивительное мужество. Под пулями они продолжали перевязывать раненых и ни одна не подумала спастись за каким-либо прикрытием».* За своё мужество графиня Игнатъева была награждена медалью «За храбрость» на Георгиевской ленточке.

С первых дней русско-японской войны Екатерина Николаевна вновь на передовой, и вновь в родной для неё Манчжурии. Она уже была опытной и знающей сестрой милосердия, именно поэтому рвалась (в прямом смысле) на самые сложные участки передовой. О своих встречах с двоюродной сестрой в упомянутой книге «Пятьдесят лет в строю» вспоминал Алексей Алексеевич Игнатъев: *«Пробираясь между двуколками, китайскими арбами и громоздкими четырёхколесными фургонами, напоминавшими екатерининскую эпоху, я не без труда добрался, наконец, до походной солдатской палатки, в*

которую можно было влезть только ползком. Катя страшно обрадовалась моему приходу. Я же не мог скрыть чувства невольной жалости к ней. – Что ты, что ты! – сказала она мне. – Посмотри, какая у меня чудная цинковка! Она так хорошо спасает меня от грязи. Она и раненых спасала... Катя сразу безудержно стала раскрывать передо мною картины отступления. Она рассказывала, как трудно было устроить раненых, какой беспорядок господствовал в тылу. Она ещё не ругала Куропаткина, но обвиняла во всём высших начальников. И рассказывала о самоотверженных подвигах солдат, санитаров и младших командиров. Горел фонарик со свечкой, освещая когда-то жизнерадостное, но уже измученное и постаревшее лицо Кати. Мне так хотелось ей услужить, но я даже ничего и не посмел предложить. Ни о прошлом, ни даже о родных мы не проронили ни слова. Оба мы уже стали маньчжурцами».

К маю 1905-го Екатерина получила долгожданный отпуск, но вместо возвращения в столицу она прибыла во Владивосток, чтобы встретить самого младшего и самого любимого брата Владимира (Димку, как звали его все родные). А дабы не быть праздношатающейся, вернулась к своим обычным обязанностям, став сестрой милосердия в морском госпитале. Но после 16-го числа она, как и многие другие родные моряков Тихоокеанской эскадры, получила ещё один удар – их любимец Владимир-Димка погиб на броненосце «Александр III» во время Цусимской битвы. Это был какой-то семейный рок – Александр III из-за интриг и оголтелого вранья отлучил от двора и оправил в «украинскую ссылку» её отца. Этот же самодержец разрушил её личное счастье. И на корабле с именем предпоследнего российского императора погиб любимый брат... В той же битве погиб и её двоюродный брат Алексей Зуров. А крест, о котором было сказано ранее, как раз и был поставлен в имени Игнатъевых в Круподеринцах в память о той страшной трагедии под именем «Цусима». И по свидетельству родных, именно смерть самого младшего, самого любимого сына, единственного, ставшего моряком, подкосила самого графа...

Екатерина Николаевна осталась в морском госпитале и продолжала ухаживать за ранеными моряками, теми, кто прорвался во Владивосток. Она за мужество, героизм и самоотверженность вновь была награждена георгиевскими наградами. Но они её не радовали и не согревали. Даже для семьи стало понятно, что их Екатерина Прекрасная обретала свой внутренний покой в заботах других, в преодолении страданий и уже никогда и ни при каких обстоятельствах не вернётся ни в прежний круг, ни к прежней жизни.

Сохранилась всего одна фотография, на которой есть дальнейшее изображение Екатерины Николаевны среди родных в имени Круподеринцы.

На месте, как в отцовском имени, так и в столице, усидеть Екатерина уже могла. Ей нужно было быть там, где она была нужна. Там, где видя страдания других, она, помогая им, преодолевала страдания свои. Она была для раненых и сестричкой, и любящей заботливой женщиной, и мамой, для умирающих солдат, которые, действительно, годились ей в сыновья...

В 1912-м, с началом Первой Балканской войны, она вновь на фронте и впервые попала в любимую отцом Болгарию, о которой, она много слышала от него и читала в его «Письмах веры, любви, надежды» Екатерине Леонидовне. Своими глазами она увидела и Шипку, и редуты Плевны и сотни могил-памятников русским воинам. Но всё остальное время она провела на передовой, оказывая помощь раненым болгарским и сербским воинам.

Слева направо – брат Алексей, мама Екатерина Леонидовна, Екатерина, сестра Мария и отец (в правом углу на качалке) на летней веранде имения в Круподеринцах

С началом Первой мировой войны, которая тогда, как известно, называлась в России Второй Отечественной, Екатерина Николаевна, вновь на фронте. В сентябре 1914 года петербургская газета «Вечернее время» сообщала об отъезде графини Екатерины Николаевны Игнатъевой на театр военных действий: «Графиня Игнатъева считается одной из наиболее опытных сестёр милосердия, стаж благородной деятельности которой составляет более двадцати лет. В качестве сестры милосердия графиня находилась в Китае во время крестьянского восстания 1898-1901 гг., а затем в Маньчжурии, помогая раненым в русско-японской войне. В мирное время Игнатъева работала в Свято-Троицкой общине в Петербурге». Она, как опытная «сестрица», стала старшей сестрой милосердия военного госпиталя №3 общины Святой Евгении Великой Княгини Марии Павловны.

В конце октября всё того же 1914-го она заразилась столбняком и умерла в военно-санитарном поезде на руках своих подруг. Тело сестры из Варшавского госпиталя в Круподеринцы привез брат Павел. В родном имении она и была похоронена рядом с отцом в семейной усыпальнице. А в столличных газетах был помещён скромный некролог: «... В качестве сестры милосердия она участвовала почти во всех войнах последних лет и имела все боевые отличия до первых степеней включительно. Она скончалась как воин на своём посту». Ей было 45 лет...

Видимо, это последняя прижизненная фотография Екатерины Николаевны Игнатъевой, где она запечатлена на групповом снимке военного, санитарного и служебного состава. Она во втором ряду в центре (прямо над фрейлиной Джунковской, которая в сером костюме). Снимок из журнала «Нива» от 27 сентября 1914-го № 39

ВЕРНИСАЖ

«Святыни России»

Фотографии русских храмов

Москва. Храм Василия Блаженного
(собор Покрова на Рву) на Красной площади

Москва. Церковь Казанской иконы Божией матери,
XVII в., ансамбль усадьбы Коломенское

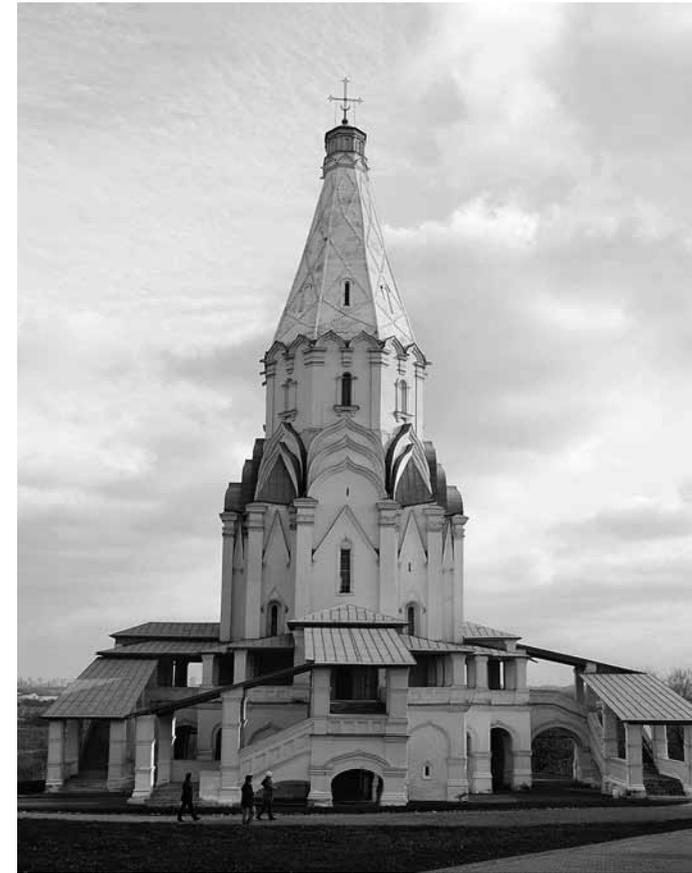
Ирина УВАРОВА

Ирина Анатольевна Уварова – родилась 17 ноября 1954 г. в г. Церbst Германской Демократической Республики. Окончила Алма-Атинский педагогический институт иностранных языков. Увлекается фотографированием природы и архитектурных памятников. Живёт в г. Протвино Московской области.

ИРИНА УВАРОВА

Москва. Церковь Вознесения Господня, ансамбль усадьбы
Коломенское

Москва. Храм иконы Божией Матери
«Живоносный источник» в Царицино

*Московская область. Серпухов.
Собор Троицы Живоначальной*

*Московская область. Серпухов.
Церковь Успения Пресвятой Богородицы*

Московская область. Серпухов. Церковь Ильи Пророка

Калужская область. Таруса. Храм Петра и Павла

*Московская область. Протвино.
Церковь Покрова Пресвятой Богородицы*

*Московская область. Кремёнки.
Храм Святой Живоначальной Троицы*